

Игорь Зимин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА

Вторая четверть XIX—начало XX в.
ВЗРОСЛЫЙ МИР
ИМПЕРАТОРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ

Игорь Викторович Зимин
Взрослый мир императорских резиденций.
Вторая четверть XIX – начало XX в.
Серия «Повседневная жизнь Российского
императорского двора», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645435

Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в.
Взрослый мир императорских резиденций.: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02114-4

Аннотация

Из книги вы узнаете много нового и интересного о членах императорской фамилии. Поймете, что их жизнь совсем не была бесконечной чередой праздников и торжественных церемоний. Помазанники Божии – живые люди со своими характерами, вкусами, причудами, странностями, увлечениями. Каковы они были в быту? Чем увлекались на досуге? Как ладили между собой великие князья? Об этом и о многом другом рассказано в обстоятельном исследовании доктора исторических наук, профессора Игоря Викторовича Зимина.

Содержание

Введение	4
Российские императоры: внешний облик, характер и личностные особенности	6
Император Александр I	7
Император Николай I	11
Император Александр II	20
Императрица Мария Александровна	25
Александр III	30
Император Николай II	41
Императрица Александра Федоровна	53
Мода в стиле милитари	67
Императоры верхом	79
Взаимоотношения в семье	81
Семья Александра II	89
Семья Александра III	97
Семья Николая II	99
Взаимоотношения с родственниками	103
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Игорь Викторович Зимин

Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в.

Введение

Домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий.
И. Е. Забелин

Жизнь самодержавных монархов огромной империи на первый взгляд казалась многим чередой бесконечных праздников и церемоний. Но те, кто находился рядом с ними, видели и понимали, что это далеко не так, поскольку наряду с пышной церемониальной стороной жизни была и другая, повседневная, не видная со стороны. И эта повседневная жизнь для них, как и для всех людей, являлась не менее важной, чем жизнь парадно-официальная.

Следует отметить определенную неразделенность официальной и повседневной жизни членов императорской фамилии. Дело в том, что современный человек может параллельно иметь несколько образов: «для работы», «для семьи», «для друзей». И каждый из этих образов может существовать изолированно. Однако такая изолированность для членов семьи Романовых исключалась. Почти. Вплоть до Александра III их семейная, частная жизнь была такой же частью «сценария» власти, как и парадно-церемониальная. Эта неразделенность бытия на «работу» и «личную жизнь» являлась специфической, публичной чертой профессии российских монархов. Заметим, что необходимость подобной публичности российские монархи хорошо осознавали. В свою очередь, тот, кто пренебрегал этой профессиональной публичностью, пожинал очень горькие плоды.

Российский императорский двор был самодостаточным и обладал своеобразным миром. Некоторые члены императорской семьи проживали в этом искусственном мире целую жизнь, имея весьма смутное представление о реальной жизни за стенами императорских резиденций.

Вместе с тем и в императорских резиденциях, наряду с видимой, парадной стороной жизни, всегда была своя, скрытая от посторонних глаз повседневная жизнь. В парадных резиденциях трудились, жили тысячи людей, в них обустраивались поуютнее и императоры, и их придворные. Дворцы имели особый стиль и ритм жизни, который не исчерпывался придворным торжественным ритуалом¹.

Сегодня акценты интереса к истории смещаются. От безусловно важных сюжетов, связанных с дипломатическими перипетиями и политической борьбой, общественное внимание обращается к повседневной жизни обитателей дворцов. В какой-то степени это оправданно, поскольку именно бытовая сторона жизни императорской семьи была практически недоступна для взгляда рядового обывателя до 1917 г. Во второй половине 1920-х гг. этот интерес был отчасти компенсирован музейными экспозициями, созданными на личных половинах императорских резиденций. Однако эта практика быстро прекратилась, поскольку власть была озабочена популярностью экспозиций, показывавших народу, «как жили цари». За прошедшие десятилетия интерьеры «личных половин» оказались, как правило, полностью утраченными. В этом виноваты и власть, и непростое время. И сегодня в

комнатах Зимнего дворца, где жили фрейлины, висят на стенах картины Матисса, в кабинете Александра II, где он умирал, экспонируются платье Екатерины II и мундир Петра III, в спальне Екатерины выставлены картины французских классицистов².

Главной задачей настоящей книги является достоверная реконструкция такого текущего и сложного понятия, как повседневная жизнь российского Императорского двора. Основой для этого стали мимолетные упоминания мемуаристов о различных «пустяках», архивные документы, картины, фотографии и многое другое, на чем остались следы блестящей, но, тем не менее, повседневной жизни Императорского двора.

Российские императоры: внешний облик, характер и личностные особенности

Внешность играет важную роль в жизни любого человека. Для российских монархов внешний облик имел ряд важных составляющих, которые, как правило, не столь важны в жизни обычных людей. В России с ее традициями персонификации власти достойный облик монарха служил важным фактором укрепления самодержавия.

Внешний облик монархов имел достаточно много слагаемых: от собственно внешних, физических данных, до манеры поведения, прически и предпочтений в одежде. На этих параметрах мы и остановимся.

Император Александр I

Александр Павлович был первым сыном цесаревича Павла Петровича и первым внуком императрицы Екатерины II. Однако для бабушки он был больше, чем внук. Императрица, у которой забирали детей после их рождения, «обрушила» все свое нерастраченное материнство на первого внука. Она забрала его у родителей и воспитывала сама. Мальчик, росший между двумя дворами, Императорским двором и Двором цесаревича, поначалу неосознанно маневрировал между ними, а затем эти «маневры» стали вполне осознанными. Конечно, это калечило характер молодого человека, да и бабушка с отцом не отличались легкими характерами.

Став императором, Александр I проводил самостоятельную и внятную политику. Некоторые мемуаристы утверждали, что

Александр I «слаб», однако другие отмечали, что царь обладал «непреклонной волей и упорством, граничащим с упрямством». В пользу последней черты свидетельствует тот факт, что в конце 1812 г. Александр I лично посещал тифозные госпитали, не страшился быть под огнем во время сражений. После 1815 г. Александр I упрямо пренебрегал всякими мерами безопасности, помня о том, что его отец и дед были убиты в результате переворотов. Одна из фрейлин писала: «Вокруг царского жилища (имеется в виду Каменноостровский дворец. – *И. З.*) не было видно никакой стражи, и злоумышленнику стоило подняться на несколько ступенек, убранных цветами, чтобы проникнуть в небольшие комнаты государя и его супруги»³. Александр I повсюду ездил без сопровождения. Он предпочитал открытые экипажи, хотя зимой это грозило обморожениями. В декабре 1812 г. он пять дней провел в открытых санях, но это была не прихоть императора, а привычка-традиция, впитанная с юношеских лет. Дело в том, что во времена Павла I офицерам вообще запрещалось ездить в закрытых экипажах. Они могли ездить только верхом, в открытых санях или дрожках⁴. Кроме того, учитывался и фактор публичности «профессии» российских императоров: самодержавцы считали, что подданные должны их видеть. Этому же правилу придерживался и Николай I.

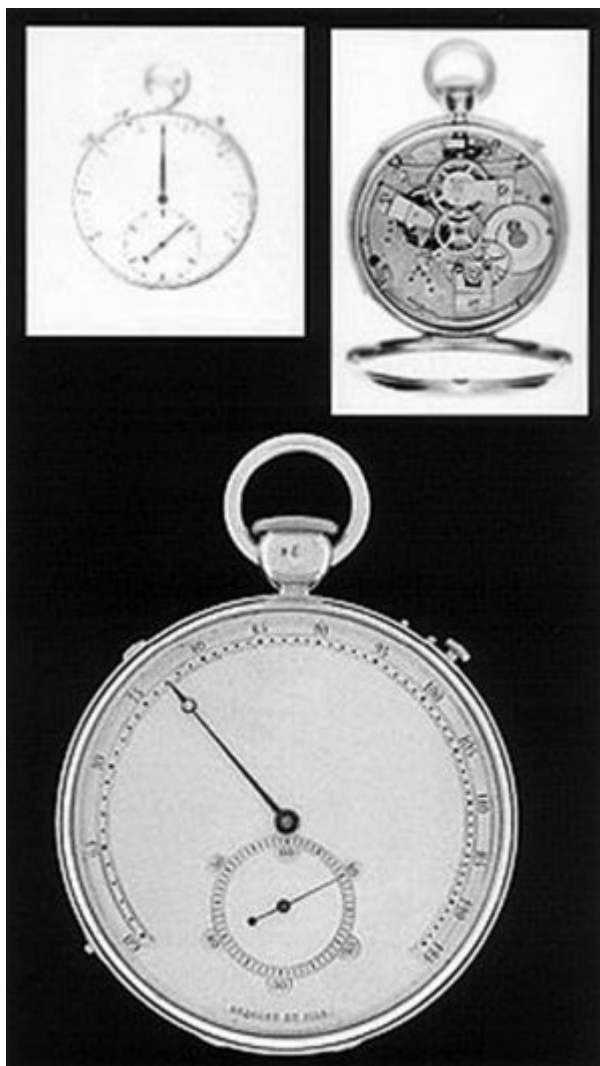
Говоря об особенностях характера Александра I, стоит упомянуть и о такой наследственной черте Романовых, постоянно воспроизводившейся вплоть до Николая II, как «парадомания». Действительно, Александр I, как и его отец Павел I, и его дед Петр III, был на протяжении всей жизни увлечен внешней стороной военной жизни, бесконечными разводами караулов, блестящими парадами и переменами в военной форме. При этом для монарха первостепенной была не боевая подготовка армии, очень далекая от искусства тянуть носок и держать строй, а именно внешняя, парадная сторона армейской жизни. Возможность мановением руки, кратким приказом приводить в движение огромные массы людей была зримым символом и воплощением могущества российских самодержцев.

Свидетельства этой особенности характера разные, подчас неожиданные. Известно, что 15 мая 1821 г. за 1800 франков для Александра I был приобретен специальный «шагомер» у знаменитого швейцарского часовщика Абрахама Луи Бреге⁵.

Император Александр I. *Т. Лоуренс. 1818 г.*

Имя часовщика Бреге дало название знаменитым часам – «брегетам». Этот мастер неоднократно выполнял штучные и, конечно, очень дорогие заказы, поступавшие от европейских монархов. Так, им были изготовлены часы для султана Османской империи, для принца-регента Великобритании и для российского императора Александра I.

Часы Брегге № 3825 с измерителем темпа маршировки. 1821 г.

Примечательно, что для российского монарха знаменитый часовщик изготовил не часы, а измеритель темпа маршировки. Всего было изготовлено 5 экземпляров этого прибора. На серебряном циферблате была нанесена шкала с цифрами от 60 до 125. Стрелка отсчитывала соответствующее число колебаний в минуту. Такой прибор был очень удобен во время парадов, когда монарх мог лично контролировать темп маршировки воинских подразделений путем подсчета шагов в минуту. А Романовы парадом традиционно придавали огромное значение.

Если упомянуть о внешности императора, то женщины эпохи Александра I признавали монарха красавцем. Действительно, в молодые годы Александр Павлович, всегда внимательно следивший за своей внешностью, был весьма хорош. Монарх чертами лица больше «пошел в мать» – императрицу Марию Федоровну (принцесса Вюртембергская), чем в отца. Многие обращали внимание на характерный круглый подбородок монарха.

Конечно, с возрастом «проблемы» копились, у Александра I появилась лысина. Хотя в молодые годы, в период правления бабушки, он и носил парики, но в зрелом возрасте от них отказался и лысину свою не скрывал. Кроме этого, у него рано испортилось зрение и обозначилась глухота. Это, конечно, не могло не повлиять на характер монарха.

Что касается одежды императора, то он всю жизнь носил мундиры со скромной орденской колодкой. Покрой мундиров мог меняться, но колодка из наград, сложившаяся к концу

войн с Наполеоном, оставалась неизменной вплоть до 1825 г. Эта орденская колодка, изображенная на множестве портретов, включала: Крест Св. Георгия IV степени (награжден 13 декабря 1805 г.); «Медаль память Отечественной войны 1812 г.»; австрийский военный орден Марии Терезии (вручен в 1815 г.); прусский орден Железного креста (вручен в 1813 г.); шведский военный орден Меча (вручен в 1815 г.); крест австрийский «В память войны 1813–1814 годов» (вручен в 1815 г.); медаль прусская «В память войны 1813–1814 годов» (вручена в 1815 г.) и звезда ордена Св. Андрея Первозванного, к которой был присоединен клинком вверх миниатюрный меч от шведского военного ордена Меча⁶.

Император Николай I

Основные характеристики «породы» Романовых были «заложены» Павлом I и его женой императрицей Марией Федоровной. Внешне сыновья Павла I очень разные. Больше всего походил на Павла I его второй сын – великий князь Константин Павлович.

Самым представительным из сыновей Павла I его третий сын – император Николай I. Он внешне совершенно не походил на своего маленького, курносого, с холерическим темпераментом отца. Один из мемуаристов описывал внешний облик 29-летнего Николая Павловича следующим образом: «Высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный... Свежесть лица и все в нем выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью»⁷.

Это описание достаточно объективно. Царь действительно имел атлетическую фигуру. Надо заметить, что в мужской и женской моде того времени широко использовались корсеты.

Великий князь Николай Павлович. *О. Кипренский. 1816 г.*

Так, в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Скалозуб характеризуется как «хрипун», «удавленник», «фагот». Эти определения свидетельствуют не только о характере, но и о перетянутой талии. А. С. Пушкин использовал фразу, безусловно, понятную современникам – «гвардейцы затыжные». Кроме этого, в одежде мужчин, для того чтобы придать фигуре требуемые формы, использовалась и вата.

Надо заметить, что к своей внешности Николай Павлович относился с иронией. В 1833 г. император писал своему «отцу-командиру» И.Ф. Паскевичу: «Желал бы с тобой быть неразлучным; за невозможностью сего, прошу тебя в замену оригинала принять и носить подобие моей хари»⁸. Под «моей харей» Николай I имел в виду одно из высших имперских отличий – миниатюрный портрет императора, усыпанный бриллиантами.

Современники внимательно фиксировали малейшие изменения во внешнем облике императора. Во время официального визита в Англию в 1844 г. британцы оценивали Николая I и по внешним «параметрам». Один из сановников королевы Виктории отметил, что русский царь «потолстел и что у него несколько поредели волосы на голове, но все-таки он оставался прежним благородным, величественным человеком, царем с головы до ног. Его лицо отличалось открытым выражением, и хотя глаза у него были очень подвижны, но в них скорее выражалась беспокойная наблюдательность, чем подозрительность»⁹.

На рубеже 1830—1840-х гг. Николай I начал носить парик. Он не делал из этого секрета. Встречаясь с американским посланником в 1837 г., он без особых комплексов признавал, что «волос-то у меня немного, да и те седые. А ведь это у меня парик, – пояснил он, проводя рукой по голове»¹⁰. Надо заметить, что в ту пору отношение к мужским парикам было совершенно иным, чем сегодня. Со времен Петра I и до конца XVIII в. парики были обязательной деталью повседневного облика российских мужчин аристократов. И хотя в начале XIX в. парики постепенно вышли из употребления, в их ношении не было ничего необычного.

Говоря о прическе и париках императора, следует отметить, что первые парики у Николая Павловича появились в январе 1812 г., когда 16-летний великий князь начал принимать участие во взрослых маскарадах¹¹.

В качестве парикмахера Николая I обслуживали и профессионалы, и «любители». Например, в апреле 1833 г. его дважды подстригал мундшенкский помощник¹ Федоров (25 руб. за стрижку), в июне – отставной унтер-офицер Максимов и лакей Востриков, в сентябре – камердинер Сафонов, в октябре, ноябре и декабре – вновь мундшенкский помощник Федоров¹². Складывается впечатление, что уже в это время император носил парик-накладку, поэтому «любители» только коротко подстригали отросшие под париком волосы.

Наряду с «любителями» у императора был и профессиональный парикмахер. Его услуги оплачивались раз в полгода. В мае 1833 г. парикмахеру Этиену было выплачено за услуги 245 руб. Именно он изготавливал для царя накладки, чтобы скрыть наметившуюся лысину. В апреле 1834 г. парикмахер получил «за стрижку волос и накладки 230 руб.»¹³. Как правило, Этиен готовил царю по две накладки на голову в год. Со второй половины 1830-х гг. накладки для Николая Павловича стали делать самые разные мастера: парикмахер Хемот (стоимость одной накладки – 135 руб.), парикмахер Фелео (стоимость накладки – 75 руб. 71 коп.), парикмахер Этиен (за накладной парик – 58 руб. 87 коп.).

Кроме этого, Николай I, внимательно следивший за своей внешностью, использовал не только помаду для волос, которую ему поставлял все тот же парикмахер Этиен, но и специальную мазь для усов. Во время череды январских и февральских балов брутальный Николай Павлович, следуя моде, завивался (парикмахер Хемот получил за завивку в январе и феврале 1845 г. 69 руб. 30 коп.).

Тщательный уход за внешностью обходился Николаю I в приличную сумму. Например, за 1837 г. парикмахер Этиен заработал 966 руб. Эта сумма включала стоимость стрижек, накладок и помады для Николая I.

Главным парикмахером Николая I с начала 1830-х гг. и до 1843 г. оставался Этиен. Однако позже его место заняли другие парикмахеры (Шемио, Гелио, Хемот, Гешот, Персон). Следует отметить, что, по мере того как волосы царя редели, гонорары придворных парикмахеров сокращались.

¹ Мундшенк – придворный чин, заведовавший напитками. Винолий, виночерпий, виночерпец, виночерпий м., виночерпица ж.; стар, чашник, заведывавший напитками, разливавший и подносивший их; кравчий, крайчий; кельнер, мундшенк. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Одежда императора Николая I

В России императоры носили только военную форму. Это было «железное» правило, поскольку они считали себя именно офицерами на троне. Барон М.А. Корф упоминал, что военных офицеров Николай I всегда считал «своими». На одном из частных балов, где было больше статской, чем военной молодежи, барон услышал, как император спросил у одного генерала: «Что тут так мало наших?»¹⁴ Только покидая территорию Российской империи, российский император мог позволить себе носить партикулярное платье². Шитье новых мундиров для Николая I финансировалось из его «Гардеробной суммы»³. Расходы на содержание самых разнообразных мундиров в достойном виде, как и на шитье новых, выливались царю в очень значительные суммы.

Из этой же «Гардеробной суммы» Николай I оплачивал и первые военные мундиры своих детей и внуков. Великие князья свои первые военные мундиры одевали в раннем детстве.

² Партикулярное – партикулярный, частный; неофициальный, неслужебный, неформенный. Партикулярное платье, невоенное, гражданское.

³ «Гардеробная сумма» – часть личных средств императоров, выделяемых из сумм Кабинета Его Императорского Величества (Е. И. В.). При Николае II «гардеробная сумма» составляла 20 000 руб. в год.

Император Николай I. *ЕМ. Ботман. 1856 г.*

Первый солдатский мундир по форме Измайловского полка, стоимостью в 10 руб., для великого князя Николая (будущего Николая I) был сшит в 1801 г., когда ему было только 5 лет. Первый генеральский мундир (стоимостью в 35 руб.) у Николая появился в 14 лет, в 1810 г.¹⁵ Существовала традиция, по которой мальчики из дома Романовых с 5 до 7 лет носили солдатские мундиры, с 7 до 16 лет – штаб-и обер-офицерские, а после 16 лет – генеральские мундиры.

С 1817 г. статья расходов «на обмундирование» становится самой большой в «Гардеробной сумме» великого князя. Если указать имена всех лиц и фирм, работавших над внешним обликом императора Николая I, то список получается довольно обширный.

Прежде всего, следует перечислить портных императора. Круг портных, постоянно «обшивавших» царя, сложился постепенно. Среди них были портные-универсалы, которые «шили все». Были полковые портные, лучше которых сшить мундир «их полка» не мог никто. «Ведущим» портным Николая I был Акулов (иногда в документах – Окулов), имя которого встречается в исторических источниках на протяжении двух десятков лет, с начала 1830-х до конца 1840-х гг.

Всего с начала 1833 по 1853 г. в документах упоминается восемь имен портных: Акулов – «за шитие нового мундира и переделку старых – 745 руб.»; Малиновский – «за мундир для принца прусского Альберта – 400 руб.»; Иванов – «за казачий мундир – 450 руб.»; Ефимов – «за черкесское одяние – 909 руб. 50 коп.»; Фрейде – «за переделку мундиров и сшитый гренадерский мундир – 373 руб. 50 коп.»; Маркевич – «за чикчир – 120 руб.»; Мазокевич – «за гусарский мундир – 1850 руб.» и Бельштейн.

Из этих имен следует упомянуть имя портного А. Фрейде, который являлся «портным мастером Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича». Примечательно то, что Фрейде уже в 1830-х гг. использовал на своем фирменном бланке герб Российской империи, фактически имея статус поставщика Высочайшего двора. Однако только с 1856 г. имперский герб станет официальной визитной карточкой поставщиков Императорского двора.

Для сшитых или переделанных мундиров требовалась различная фурнитура, заказывали ее на Придворной эполетной фабрике Е.Д. Битнер, которая находилась «близ Аничкина моста, в Троицкой улице № 10». Счета этой фабрики в «Гардеробной сумме» были регулярными и весьма солидными, вполне сопоставимыми со стоимостью новых мундиров. Например, эполеты и ташка⁴ обошлись Николаю I в 220 руб. 50 коп.; пара золотых пехотных артиллерийских генерал-адъютантских эполет с чеканными золотыми пушками⁵ и такими же серебряными толстыми вензелями стоили 135 руб. Аксельбант золотой форменный, с особенной арматурой на наконечниках, обходился в 70 руб.

Примечательно, что Николай I, назначая шефами российских полков иностранных венценосцев, по традиции дарил им и полную форму подшефных полков. Например, для его королевского высочества принца Генриха Нидерландского на эполетной фабрике были заказаны золотые контр-адмиральские эполеты с вышитыми орлами (73 руб.), золотые эполеты с вышитыми орлами по форме «№ 12-го Экипажу» (75 руб.) и кивер флотский с вызолоченным гербом 12-го Экипажа (10 руб.). Мундирные пуговицы десятилетиями покупали у «пуговичника» Буха.

Генеральские мундиры в Николаевскую эпоху щедро украшались золотым шитьем. Для царя мундиры расшивали золотошвеи из мастерской Залемана. Расшивались в основном воротники и обшлага генеральских мундиров. Так, золотое шитье только одного воротника для мундира Гродненских юсар обходилось в 75 руб.

Неотъемлемой частью военных мундиров были ордена. Их Николай I заказывал только у золотых дел мастера Кеммерера¹⁶, а у фабриканта Локтева приобретались орденские ленты.

Со временем Николай Павлович стал оплачивать «подарочные» мундиры своих сыновей. Поэтому свои первые мундиры великие князья получали в подарок от отца. Именно с этого момента начиналось их настоящее приобщение к военной службе. По распоряжению Николая I портной Акулов сшил первый генеральский мундир для цесаревича Александра Николаевича, который обошелся в 516 руб. В 1845 г. царь оплатил портному Акулову два мундира для своего второго сына Константина Николаевича.

В октябре 1838 г. для третьего сына императора, семилетнего Николая Николаевича, была сшита «экипировка лейб-гвардии Уланского полка»¹⁷. А в конце июля 1838 г. Николай I в письме к сыну писал: «Вот и семь лет тому протекло, и вместе с этим, по принятому у нас в семье обычаю, получил ты саблю!!! Великий для тебя и для нас день»¹⁸.

⁴ Ташка – сумка, подвесная сума. Охотничья ташка, яхташ. Положи коровай в ташку, иовг., в суму или котомку. Гусарская ташка, кожаный карман на отлете, вроде украшения.

⁵ Золотые пушки – металлическая арматура на каске, обозначающая принадлежность к тому или иному роду войск. В данном случае – к артиллерии.

В 1839 г. четвертый сын царя Михаил Николаевич, когда ему исполнилось семь лет, получил свой первый офицерский мундир, сшитый портным Фрейде.

Поскольку мальчики из царской семьи с 5 до 7 лет носили солдатскую форму, то в сентябре 1848 г. пятилетнему Николаю Максимилиановичу, сыну герцога Лейхтенбергского и дочери Николая I, дедушка подарил солдатскую форму «от закройщика Остогова» за 100 руб. В 1849 г. шестилетнему мальчику дедушка подарил уже ружье и шашку (65 руб.). Солдатская форма для первого внука Николая I пятилетнего Николая Александровича (Никсы) стоила в 1848 г. 80 руб.

Перед официальными визитами за границу император обновлял те мундиры иностранных полков, которые предполагалось посетить во время визита. Эти мундиры, как правило, выписывались из-за границы. В 1824 г. в Пруссии портному Клею «за сделанный для Его Высочества один мундир и одни рейтузы» было уплачено «прусскою монетою 56 талеров»¹⁹.

Заканчивая рассказ о мундирах, нельзя не упомянуть еще об одном важном качестве Николая Павловича. Дело в том, что этот грозный монарх любил детей. При этом не только собственных. Николай I придавал новый импульс развитию системы кадетских корпусов, внимательно следя за ними и посещая их регулярно. Эти посещения выливались для царя в серьезные «мундирные потери».

Художник А.П. Боголюбов, проведший детство в Александровском кадетском корпусе Царского Села, вспоминал: «Детей Николай любил, ибо не проходило двух недель, чтобы кто-нибудь из высочайших особ не навещал Корпуса, а потому держали нас чисто, кормили хорошо и заботились о нашем здоровье.

Случалось, что Государь входил в зал, где нас кишело до 400 ребят и стоял гул, как в громадном птичнике, где разнопородные гогочут и щебечут по-своему на все лады. «Здорово, детки!» – говорил он голосом, которого уже после никогда не забудешь, и вдруг мертвая тишина воцарялась в зале. «Ко мне!» – и опять взрыв шума и такая мятка вокруг него, как в муравейнике. Нередко он ложился на пол. «Ну, подымайте меня», – и тут его облепляли, отвинчивая пуговицы на память, и т. д. Всего более страдал султан шляпы, ибо все перья разбирались, как и пуговицы, и в виде памяти клеились в альбомы. Наигравшись вдоволь, он нас ставил поротно во фрунт»²⁰.

Следует заметить, что традиция «откручивания пуговиц» была характерна не только для кадетских корпусов, но и для институтов благородных девиц, и монархи, зная об этой традиции, вполне сознательно шли на эти «мундирные утраты».

Поскольку мужчины из дома Романовых военную форму носили с 5 лет и буквально до гробовой доски (все Романовы, лежащие в усыпальнице Петропавловского собора, похоронены в военной форме), то именно военная форма была для них самой удобной и естественной одеждой. Дочь Николая I вспоминала, что любимой домашней одеждой ее отца был «военный мундир без эполет, потертый на локтях от работы за письменным столом»²¹.

Длительное время работал на императора перчаточник Ф. Френцель. Статья расходов на перчатки была довольно большой, поскольку белые перчатки быстро пачкались. Эти перчатки отдавались Френцелю в чистку и «мытьё». Например, «мытьё» четырех пар перчаток стоило всего 1 руб. 50 коп., а изготовление 16 пар новых перчаток обходилось в 128 руб., т. е. по 8 руб. за пару.

Френцель шил Николаю I не только новые перчатки, но и панталоны. Он же обеспечивал царя подтяжками. Панталоны были разные. В документах упоминаются панталоны «лосиные» (128 руб. 40 коп.), «цветные», «крепкие» (175 руб.) и «простые» (125 руб.). О том, что такое «лосиные панталоны» и как они сидели на офицерах, читатель может представить по портрету Евграфа Давыдова кисти О. Кипренского в Русском музее. О том, как одевались и носились эти панталоны, надо рассказывать отдельно. На зимнее время панта-

лоны шились из тонкого шерстяного трико, которое покупали у купца Мельникова. Чистка панталон обходилась в 6 руб.

Лакеи и камердинеры, числившиеся при «Собственном гардеробе», также не упускали возможности заработать «на царе». Однако это были «разовые акции», видимо, связанные с какими-либо непредвиденными обстоятельствами. Например, гардеробский помощник Иванов получил «за сшитие для Его Величества панталон» 36 руб. и за шитье шлафроков⁶ – 30 руб. Камердинеру Гримму за то, что он прикрепил кокарды к фуражкам, было выплачено 36 руб. 12 коп. Гардеробский помощник Шпицбарт брался даже за «переделку мундира», заработав 35 руб. Кастелянша Страус «за переделку 10 пар шелковых чулок Его Величества» получила 16 руб.

За верхней зимней одеждой царя следил скорняк Михельсон. Заказы ему были разные. «За переделку шубы» заплатили всего 45 руб., но поступал и заказ на два бобровых воротника в 750 руб.

Головными уборами «на заказ» Николая I обеспечивал шляпник Циммерман («за круглую шляпу – 55 руб.») и шляпник Можайский («за переделку 17 фуражек – 25 руб. 50 коп.»). В магазине офицерских вещей Сургучева для царя покупали готовые фуражки, каски и шляпы. Там же брали всю необходимую фурнитуру (кокарды, султаны и пр.). В этом же офицерском магазине приобреталось и оружие («за шашку черкесскую и прочие починки султанов – 232 руб. 75 коп. »).

Обувь для царя, как правило, шилась на заказ. На протяжении четверти века обувь для Николая I изготавливал мастер Пемо. Стоимость его работы, по сравнению с расценками портных, была довольно низкой: новые каблуки обходились в 1 руб.; 6 пар штрипков под панталоны – 1 руб. 20 коп.; поправка сапог – 85 коп.; новые лакированные сапоги стоили 13 руб.; шпоры к сапогам – 2 руб. 50 коп. Поскольку сапоги должны были сидеть «как влитые», то их шили в обтяжку ноги, и для легкого одевания сапожник продавал мыльный порошок по 30 коп. за пакетик. Теплые, зимние сапоги стоили значительно дороже, но, судя по счетам, Николай Павлович их заказал только однажды, в январе 1835 г., сапожнику Хейде по цене 150 руб. за пару.

Для того чтобы сохранять обувь, использовался лак для сапог из магазина Бабста и вакса, которую покупали у фабриканта Быкова. Также единственный раз встречается в списке счетов по «Гардеробной сумме» упоминание о приобретении готовой обуви в башмачном магазине Брюно (42 руб. 90 коп.).

Кроме крупных вещей любой гардероб включает множество мелких вещей. Дочь Николая I упоминала в записках, что Николай Павлович предпочитал носить шелковые носки. Примечательно, что их покупали прямо «от производителя» и оптом. В ноябре 1848 г. у московского фабриканта Андрея Коколкина было приобретено 6 дюжин шелковых чулок на 360 руб.

Купец Эренберг поставлял в царский гардероб батистовые платки (две дюжины обходились в 160 руб.). У него также приобреталось голландское полотно, из которого Николаю Павловичу шили рубашки. Полотно покупали оптом. Ткань для «6 дюжин сорочек для Его Величества» обошлась в 2450 руб., там же «брали» ткань и для полотенец. Рубашки и все необходимое для царя шила белошвейка Гринберг.

Из других мелочей можно упомянуть о галстуках (купец Бабст), черных шелковых платках (лавка Энбута). В магазине «Дилла и К°» покупали манишки, воротники и шарфы.

Со временем Николай Павлович начал полнеть, и в ноябре 1836 г., когда ему было 40 лет, впервые был заказан бандаж, которым «утягивали» живот под мундиром, при этом грудь становилась более выпуклой. Выполнил этот заказ «бандажный мастер» Остерлов.

⁶ Шлафрок – или шлафор, м. нем. – халат, спальная одежда.

Кроме одежды покупались различные повседневные мелочи: резедовое, миндальное и розовое масло «для туалета Его Величества», полотенца, щетки для волос. В английском магазине было закуплено 8 дюжин розового мыла для рук (54 руб.). За доставленные из Лондона 12 дюжин миндального масла заплатили 178 руб. При этом все положенные таможенные пошлины за импортный товар немедленно отправлялись на Санкт-Петербургскую таможенную.

Портные, поставщики Высочайшего двора, очень хорошо зарабатывали при подготовке высочайших визитов в Европу. Одной из весьма характерных особенностей таких визитов было то, что российские императоры могли во время неофициальных поездок носить «партикулярное платье».

Не отказывался от этой возможности даже Николай I, буквально сросшийся с военной формой. В 1833 г. он заказал портному Рутчу статское платье за 875 руб. В 1838 г. тот же портной Рутч «за партикулярное платье для чужих краев» получил 988 руб. Будучи в 1845 г. в Дрездене, Николай I инкогнито посетил знаменитую галерею. Во время этого визита на нем был «синий, открытый спереди короткий сюртук, шелковый темно-коричневый жилет с вышитыми на нем цветочками и серые брюки; на голове имел он цилиндр, что увеличивало высокий его рост. В правой руке незнакомец держал тоненькую тросточку с серебряным набалдашником, а левая, одетая в перчатку, сжимала снятую с правой руки»²². К сожалению, изображения грозного императора в «жилете с цветочками» до нас не дошли, их, видимо, и не было, но можно с уверенностью утверждать, что Николай Павлович одевался по последней европейской моде.

Телосложение

Как уже упоминалось, Николай I отличался прекрасной выправкой и до конца жизни имел атлетическую фигуру. В 1849 г. его осматривал врач Конногвардейского полка Ф.Я. Карелль. Молодого врача поразило телосложение императора. С естественным чувством собственной значимости молодой доктор рассказывал знакомым «разные подробности из внутренней дворцовой жизни». Одну из этих подробностей приводит барон М.А. Корф в своих записках: «Карелль не мог довольно выразить удивления своего к атлетическому, необычному сложению его тела. Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты. Ничего не бывало. Теперь, когда мне пришлось подвергать его перкуссии и аскультации, я убедился, что все это свое, самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовской!»²³

Мемуаристы сохранили крайне редкие сведения о росте императора. Один из мемуаристов приводит диалог между Николаем Павловичем и актером Василием Каратыгиным, состоявшимся в ноябре 1838 г. после окончания спектакля по пьесе Н.А. Полевого «Дедушка русского флота»: «К игравшему роль Петра I Василию Каратыгину подошел Николай Павлович с приветливыми словами. «Ты совершенный Петр Великий!» – сказал он, любясь им. – «Нет, государь, он был выше меня: 2 аршина 14 вершков». – «А в тебе?» – «Двенадцать». Государь померился с ним. «Все ты выше меня: во мне 10,5»»²⁴. Нетрудно посчитать, что в переводе на современную метрическую систему рост императора был 189 см (рост Петра I – 203,5 см). Следует отметить, что все Романовы были, по меркам того времени, очень высокими. Этим они обязаны (по крайней мере, по официальной версии) своей матери, императрице Марии Федоровне.

Мемуаристы много писали о глазах императора. Его большие голубые глаза бывали очень разными. Так, политические противники превратили в штамп «оловянные глаза»

Николая Палкина. Многие писали о глазах «василиска», которые буквально превращали подданных в камень, особенно если император изволил гневаться. При этом наиболее догадливые даже падали в обморок.

Так или иначе, на протяжении четверти века Николай I вполне соответствовал канонам мужской красоты своей эпохи. Высокий, атлетического телосложения, прекрасный кавалерист «с талией», на лице которого блестели бледно-голубые глаза, он был наделен еще и обаянием власти, что во все времена так ценят женщины. Многочисленные официальные портреты подтверждают описания мемуаристов. Можно только сожалеть, что не сохранилось ни одной фотографии Николая Павловича, хотя известно, что во второй половине 1840-х гг. он держал в руках «фотоаппарат», переданный им в Академию наук.

Характер

Николай I был скрытен и недоверчив. При этом он обладал высоким чувством ответственности, заставившим его «замкнуть» управление империей лично на себя, работая по 18 часов в сутки. Высокая требовательность к себе заставляла его требовать того же и от подчиненных. В своей деятельности он опирался на военных, будучи искренне уверенным, что толковый строевой генерал в состоянии наладить четкую работу как Медицинского ведомства, так и Министерства народного просвещения. Присущие Николаю I спокойная уверенность в своей власти, харизма императора приводили в трепет даже его ближайших соратников.

Иногда мог быть безжалостным и беспощадным, но только в тех случаях, когда понимал, что возникший негативный прецедент повлечет серьезные последствия для всего государства. При этом император руководствовался не сиюминутными личностными порывами, как это случалось у его отца, холеричного Павла I, а государственной целесообразностью.

Николай I мог вспылить на людях, хотя в него с детства вбивалась привычка скрывать свои чувства и мысли. Однако в «своей», офицерской среде он мог позволить себе «отпустить тормоза». Но даже эти нечастые эмоциональные выплески император мог обратить себе на пользу, не только в силу «профессиональной» привычки просчитывать последствия своих поступков, но и в силу своего действительно благородного характера. Один из мемуаристов описывает, как на маневрах в Красном Селе Николай I «на чем свет стоит, не стесняясь в выражениях», обругал генерала Пенкержевского. «На следующее утро государь приглашает всех генералов и, выйдя к ним, говорит с присущим ему благородством: «Господа, вчера я совершенно забылся перед генералом П. Когда я команду войсками, то никак не могу сдерживаться и не выхожу из себя. Мне уже сорок лет, а я до сих пор не преуспел в обуздании собственной вспыльчивости. Итак, господа, прошу вас впредь не принимать близко к сердцу мои слова, сказанные в гневе или раздражении. Ты же П., прошу, прости меня; я не желал тебя оскорбить, будем друзьями». И он сердечно обнял генерала»²⁵.

Николай Павлович был любящим мужем и отцом, неплохим педагогом и тонким психологом. Когда в 1849 г. Николай Павлович отправлял в Венгерский поход второго сына Константина Николаевича, то он составил для него инструкцию из 17 пунктов. Если сократить ее до отдельных пунктов, то она выглядела бы следующим образом: не высовываться, быть предельно корректным, без фамильярности, слушать, записывать, анализировать, но публично никаких оценок не давать, почестей как великому князю не принимать.

Многие десятилетия, стараниями либерально-советской историографии, личность Николая I преподносилась исключительно в образе грубого солдафона с оловянными глазами. Это не так. Конечно, Николай I не был идеальным, на его совести много грехов, как и у всякого политика. Но это был сильный, порядочный человек, русский офицер с высоким чувством ответственности за страну.

Император Александр II

Многочисленные портреты запечатлели внешность Александра Николаевича на протяжении всей его жизни. Кроме этого до нас дошли многочисленные фотографии, как официального, так и семейного характера. Поэтому изменения его внешнего облика на протяжении всего царствования прослеживаются в деталях.

В юные годы – типичный «прекрасный принц» из германских сказок. Наследник громадной империи, обладатель несметных сокровищ, обаятельный и прекрасно воспитанный молодой человек. Наследник был высоким, учитывая стандарты середины XIX в. Его рост составлял 186 см. Следует отметить, что Александр II всегда очень внимательно следил за своей внешностью. В различных музейных собраниях сохранились коллекции его многочисленных мундиров. Став императором в 1855 г., он сразу начал «переодевание» военной, придворной и бюрократической элиты.

Александр II с детства отличался хорошим физическим развитием. У него были пропорциональная фигура, высокий рост и правильные черты лица. Он был безупречно воспитан. К ношению военной формы Александр II приучался с детства, она сидела на нем «как влитая». Он знал об этом и искренне любил военную форму, умея ее носить. К военной форме во всех ее проявлениях он относился с любовью. Так, в своей приемной в Зубовском флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе он держал часть «военно-мундирной» коллекции Николая I. Ее стены украшали картины с изображениями мундиров, «под стеклянными колпаками стояли куклы, изображающие ординарцев»²⁶, в форме различных полков русской армии.

Современники единодушно отмечали, что «мундир сидел на нем как-то особенно щеголевато, грудь выделялась, талия стройно перетянута по-николаевски»²⁷. Вплоть до реформы военной формы в период правления Александра III высшим шиком в ношении офицерской формы считалась именно эта «николаевская» статья.

Военный министр Д.А. Милютин, пытавшийся модернизировать армию по современным для того времени стандартам, не раз сталкивался с непрошибаемым упорством Александра II в вопросах, касавшихся малейших изменений в военной форме. Он писал: «Государь придавал вообще большое значение мундиру и мельчайшим подробностям формы. Сам он надевал мундир того или другого полка в известные дни, соответственно связанным с ними воспоминаниям или по другим соображениям, доходившим иногда до такой тонкости, что нелегко было с первого раза угадать их. Так, например, в годовщину какого-нибудь сражения он надевал форму полка, особенно отличившегося в этом бою; удостоивая своим посещением бал, Государь приезжал в мундире того полка, в котором некогда служил хозяин или отец хозяйки, и т. п. Таких же утонченных соображений в выборе соответствующего каждому случаю мундира государь требовал и от членов своего семейства... тому, кто не обладал достаточною догадливостью в этом отношении, Государь делал замечания»²⁸.

Периодически военный министр приходил в отчаяние от бесконечных «идей» Александра II, связанных с не менее бесконечным «совершенствованием» военной формы: «Независимо от большого числа текущих дел, много времени потрачено на разговоры о задуманных самим Государем переменах в обмундировании (в цветах погонов и воротников)... Иная великая государственная реформа проводится легче, чем какое-нибудь изменение цвета погона или отмена тесака у барабанщика»²⁹.

Выезжая за границу, Александр II переодевался в статское платье и наслаждался «свободой». Конечно, его «свобода» была относительной, поскольку царя постоянно сопровождали сотрудники III Отделения Собственной Его Императорского Величества (С.Е.И.В.)

Канцелярии, и тем не менее, в 1867 г. в Париже «Государь и оба великие князья переоделись в штатское платье и поехали в русскую церковь, где было отслужено молебствие. Вечером того же дня они были в театре des Varietes, на представлении Оффенбаховой оперетки «Герцогиня Геролынтейн»; в антрактах гуляли по бульвару, наслаждаясь своим incognito, как школьники, выпущенные на каникулы.

Император Александр II. *ЕМ. Ботман. 1856 г.*

На другой день, в воскресенье, Государь и великие князья, опять в штатских платьях, были у обедни в русской церкви, где собралось много русских, после завтрака присутствовали на скачках на Longchamp, а потом ездили в Сент-Клу, чтобы взглянуть на юного наследного принца... государь и великие князья пользовались свободными часами и доставляли себе развлечения, посещая в строгом incognito парижские театры и общественные гуляния. Эти редкие для них развлечения частной жизни доставляли им, конечно, более удовольствия, чем роскошные и блестящие балы, которые давались в честь царственных гостей...»³⁰.

Что касается прически Александра II, то он, будучи молодым человеком, носил небольшие, щегольские усики с зачесанными, по моде того времени, висками. В 1840 г. на его лице появились бакенбарды, которые тогда еще не были соединены подусниками с усами.

На портретах «совершенно модного живописца» Ф. Крюгера эти нюансы внешнего облика царя тщательно зафиксированы. Именно с этой прической – зачесанными на правую сторону волосами, усами и бакенбардами – Александр II короновался в 1856 г.

Со временем эта прическа получила дальнейшее развитие. Именно Александр II ввел в 1860-х гг. новый стандарт прически, включавшей сложную конструкцию из ухоженных усов с подусниками и роскошных бакенбард. Вся эта «конструкция» на лице органично сочеталась с тщательно уложенными волосами. При этом Александр II никогда не носил бороды.

Естественно, вся элита Российской империи немедленно, с большим или меньшим успехом, воспроизвела на своих лицах эту сложную «конструкцию». Даже наследник-цесаревич, великий князь Александр Александрович, во второй половине 1870-х гг. на некоторое время отпустил длинные бакенбарды.

Надо заметить, что со времен знаменитого «резания бород» Петром I в декабре 1699 г. форма растительности на лице мужчин приобрела явный политический подтекст. Более того, это регулировалось законодательно. Перечень законов, регламентирующих мужские прически, весьма внушителен.

Мундир генерал-фельдмаршальский лейб-гвардии Павловского полка. Кат. 293

Мундир генерал-фельдмаршальский лейб-гвардии Литовского полка. Кат. 295

Одежда Александра II. *а, б* — мундиры генерал-фельдмаршальские лейб-гвардии Павловского и Литовского полков; *в* — форма генерала лейб-гвардии гусарского Гродненского полка; *г* — сюртук гражданский

Начало этому перечню было положено в январе 1705 г., когда Петром I был подписан указ «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлин с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков»³¹. Законодательное преследование бородачей велось с завидным постоянством. Так, в марте 1837 г. Николай I подписал указ «О не ношении лицам, имеющим придворные звания, усов и бород». В указе отмечалось, что «многие из состоящих в звании камергеров и камер-юнкеров позволяют себе носить усы, кои присвоены только военным, и бороды в виде жидовских», поэтому император «повелеть соизволил: строжайше воспретить, дабы никто из имеющих придворные звания, не осмеливался носить ни усов, ни бород»³². Кроме этого, когда в конце 1840-х гг. начался знаменитый дискурс западников и славянофилов, то у последних «русская» борода стала своеобразным политическим знаменем, что вызвало гонения властей. Только в 1874 г. Александр II разрешил ношение бороды во всех войсках и на флоте, кроме гвардии, гренадер и императорской свиты³³. При этом отдельным указом в 1875 г. военным было запрещено фабрить бороды и усы³⁴. Примечательно, что сам Александр II не терпел бородачей, поэтому в его окружении их не было. Однако некоторые лица из свиты царя имели такие разросшиеся бакенбарды, что бритый подбородок буквально терялся среди них, и они выглядели со стороны настоящими бородачами, соблюдая при этом «букву» законов.

Со временем на голове у Александра II появились глубокие залысины, но он так и не изменил своей прически, сохранив зачес волос на правую сторону, и никогда не носил парика. Можно отметить, что с возрастом размер его усов несколько увеличился. На официальных портретах конца жизни императора видна некоторая «неухоженность» его прически – разросшиеся усы с подусниками и не очень аккуратно уложенные волосы.

Внешний облик российских императоров был тесно связан с их харизмой. Многие современники Александра II отмечали космополитичность и некоторую вялость характера царя. Оценивая характер Александра II, фрейлина А.Ф. Тютчева отмечала, что, по ее мнению, «он не был государем, популярным в истинном смысле слова; народ не чувствовал притяжения к нему, потому что в нем самом совершенно отсутствовала национальная и народная струна... Человеческая природа такова, что она более ценит людей за них самих, чем за их дела»³⁵. Отчасти так и было. По воспитанию, манерам и поведению Александр II являлся скорее европейским монархом, совершенно не обладая «национальной спецификой», столь характерной для его сына – Александра III.

А.Ф. Тютчева, наблюдавшая Александра II на протяжении полутора десятков лет и старавшаяся быть объективной в своем отношении к нему, писала, что в свои 35 лет (1853 г.) цесаревич «был красивый мужчина, но страдал некоторой полнотой, которую впоследствии потерял. Черты лица его были правильны, но вялы и недостаточно четки; глаза большие голубые, но взгляд мало одухотворенный; словом лицо его было маловыразительно, и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид»³⁶.

Современники подмечали и мелкие особенности в поведении Александра II, которые его не красили. Впрочем, подобные черточки можно при желании обнаружить почти у всех. Граф С.Д. Шереметев, товарищ детства Александра III, вспоминал: «Бывало, как государь сильно горячится, волнуется по мере того, что говорит, глаза становятся совсем круглыми, голос, и без того картавый, становится раздражительным и крикливым. Очень неприятно было видеть его в такие минуты, чувствовалось что-то несильное в этом раздражении, которое с годами все увеличивалось. Он не всегда держался меры, и многим приходилось от него выслушивать неподходящие слова»³⁷. Откровенные недоброжелатели, которых всегда

много у публичных политиков, называли царя «бодрилой», а писатель Д.В. Григорович (в кругу близких людей) прямо глумился над ним, «уморительно имитируя его басок и картавость»³⁸.

Говоря об особенностях характера Александра II, следует отметить его чувство долга и ответственности, что было характерно для всех Романовых в XIX столетии. Так, присутствуя на театре военных действий, Александр II выполнял преимущественно инспекторско-представительские задачи, посещая, в числе прочих, многочисленные госпитали, при этом царь «заходил в палаты тифозных и горячечных»³⁹.

Но даже симпатизировавшие императору современники, отдавая ему должное, считали его слабым. Слабым человеком и слабым, подверженным влияниям самодержцем. Амплитуда колебаний его внутривластного курса была значительна, от либеральных реформ 1860-х гг. до «закручивания гаек» в 1870-х гг. Это также отражение его характера. При этом Александр II очень ревностно относился к власти. Своих старших сыновей он приобщал к власти, следуя традиции и здравому смыслу, но делал это с некоторой оглядкой. Граф С.Д. Шереметев отмечал: «В основе характера государя таилось мелочное чувство, и то была ревность. Она проявлялась в нем не раз и по отношению к самым близким ему людям. Такое чувство испытывал он по отношению к императрице и даже к цесаревичу Николаю Александровичу»⁴⁰.

Это чувство известной «ревности» проявлялось и во взаимоотношениях с соратниками. Колебания внутривластного курса, смена министров позволили князю П.А. Кропоткину справедливо отметить, что «ни в вопросах политики, ни в личных симпатиях он не был человеком, на которого можно было положиться, и вдобавок отличался мстительностью. Сомневаюсь, чтобы он искренно был привязан к кому-нибудь»⁴¹.

Примечательно, что Александр II в начале своего правления проводил кадровую политику, своими корнями уходящую в XVIII в. В 1860-х гг. по Петербургу ходила едкая реплика Ф.И. Тютчева, связанная с назначением на пост товарища министра финансов генерала С.А. Грейга, служившего сначала в Конногвардейском полку, а затем в Морском министерстве: «Странное дело, конногвардейскому офицеру поручают финансы; публика, конечно, удивлена, но в меру, не особенно сильно; попробуйте же Рейтерна⁷ сделать командиром Конногвардейского полка, все с ума сойдут, поднимется такой вопль, как будто Россия потрясена в своих основаниях»⁴².

⁷ Рейтерн Михаил Христофорович – граф, статс-секретарь, действительный тайный советник, член Государственного совета, министр финансов, председатель Комитета министров. Родился 12 сентября 1820 г. в г. Поречье, Смоленской губернии, умер 11 августа 1890 г. в Царском Селе.

Императрица Мария Александровна

Императрица Мария Александровна прожила в России почти 40 лет. Приехав в страну юной девушкой, она стала истинно русской. Вторая половина ее жизни в России полна драматизма. Жена, родившая мужу-императору девять детей, она трагически потеряла старшего любимого сына-цесаревича накануне его свадьбы и одновременно фактически лишилась мужа.

Картины, акварели и фотографии донесли до нас ее внешний облик. Красивая и утонченная, в молодости Мария Александровна отличалась прекрасным вкусом. В 1841 г. цесаревна носила в качестве утреннего туалета легкое батистовое или жаконетовое платье⁸ с белым вышитым воротничком, соломенную шляпу с лентами в цвет соломы, коричневую вуаль, коричневый зонтик, шведские перчатки и клетчатое мантио⁴³.

На картинах английской художницы Кристины Робертсон, считавшейся признанным мастером женского портрета и приглашенной в Россию Николаем I, изображена молодая женщина в дворцовых интерьерах. На одной из картин 1849 г., написанной в жанре парадного портрета, цесаревна Мария Александровна предстает перед зрителем стоя, в роскошном парчовом платье, ее шея и руки украшены крупным жемчугом. У цесаревны под рукой находится раскрытый фолиант с закладками. У ног – любимая левретка. Примечательна прическа будущей императрицы. Ее прекрасные густые волосы разделены посередине пробором. Эта прическа фактически без изменений сохранялась до последних дней жизни Марии Александровны.

На втором портрете, также кисти Кристины Робертсон, цесаревна Мария Александровна сидит за столиком перед раскрытой книгой. Изящный кувшин на столе подчеркивает изящество цесаревны. Безусловно, все детали этих парадных портретов тщательно продумывались и согласовывались.

Фрейлина А.Ф. Тютчева, впервые увидевшая Марию Александровну в 1853 г., отмечала, что 28-летняя цесаревна выглядела очень молодо.

⁸ Жаконетовое платье – жаконет – полушерстяная ткань с добавлением хлопка.

Великая княгиня Мария Александровна. *К. Робертсон. 1850 г.*

Несмотря на высокий рост и стройность, она отличалась худобой и хрупкостью, но это складывалось в совершенно особое изящество, «какое можно найти на старых немецких картинах». Мемуаристка отмечала, что цесаревна не являлась классической красавицей николаевской эпохи, поскольку «черты ее не были правильны». Но при этом у цесаревны – прекрасные волосы, нежный цвет лица, большие голубые (немного навывкат) глаза, «смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами... а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к выражению ее глаз»⁴⁴.

До нас дошла миниатюра, выполненная А.Г. Рокштулем⁴⁵ и датированная 1855 г. На ней Мария Александровна изображена в роскошном бальном платье, с синей муаровой лентой через плечо и с миниатюрной короной на голове. Из украшений только столь любимые ей жемчуга: в прическе, на шее и в ушах.

Одним из самых известных парадных портретов императрицы Марии Александровны стало полотно художника Ф.К. Винтерхальтера, законченное в 1857 г. На этом официальном

портрете, написанном вскоре после коронации Александра II, мы видим женщину еще во всем блеске зрелой красоты. Волосы, руки и шея унизаны крупными жемчугами. Пышное парадное платье обильно украшено кружевами. В изящно сложенных руках – костяной, тонкой работы веер. Молодая императрица словно только вышла из бальной залы.

На левой руке императрицы, наряду с массивными золотыми браслетами, на безымянном пальце – два золотых кольца.

Императрица Мария Александровна. *Ф.К.Винтерхальтер. 1857 г.*

Императрица Мария Александровна. *Фото 1860-х гг.*

Именно о них писала камер-юнгфера императрицы А.И. Яковлева: «На левой руке она носила очень толстое обручальное кольцо и другое, такое же толстое, с узорною чеканкою, поперечник такой же толщины был прикреплен большим рубином. Это – фамильное кольцо, подаренное государем всем членам царской семьи»⁴⁶. К сожалению, на картине правая рука императрицы просматривается не полностью, но камер-юнгфера упоминает, что «на правой руке, на четвертом пальце, великая княгиня носила множество колец; это были воспоминания ее детства, юности, тут были кольца ее матери; все не дорогие и не имевшие даже особенного наружного достоинства»⁴⁷.

На фотографиях 1865–1866 гг., сделанных после пережитой личной трагедии, связанной со смертью старшего сына – великого князя Николая Александровича, умершего в апреле 1865 г., мы видим постаревшую женщину, сломленную горем. Всю оставшуюся жизнь она носила платья в темных тонах в память об умершем первенце. Примечательно, что, находясь при умирающем сыне, «она была очень тверда» и плакала меньше всех⁴⁸. Вся твердость характера понадобилась ей в 1870-х гг., когда она боролась со своей болезнью и когда ее муж Александр II поселил свою многолетнюю любовницу с детьми над покоем Марии Александровны в Зимнем дворце.

Мария Александровна была императрицей и прекрасно знала, что ревность, выставленная на показ, – дурной тон. Поэтому она никогда не показывала, что глубоко уязвлена многочисленными увлечениями мужа, которые она, в узком кругу, не без иронии называла «умилениями моего мужа»⁴⁹. Чего ей стоила эта ирония, знала только она сама.

Александр III

Будущий Александр III, второй сын в семье Александра II и Марии Александровны, до 1865 г. не рассматривался как возможный кандидат на российский престол. Родители были настолько уверены в своем Никсе⁹, который должен был стать Николаем II, что не допускали и мысли о каком-либо несчастье с ним. Сам великий князь Александр Александрович спокойно относился к своему «второму» положению и готовился к карьере гвардейского генерала. При этом между братьями сохранялись очень теплые отношения.

Великий князь Александр Александрович с детства отличался некоторой тяжеловесностью, заслужив прозвище Бульдозка. Он не был столь изящен и умен, как его старший брат, и это устраивало родителей, не желавших видеть в нем конкурента старшему сыну.

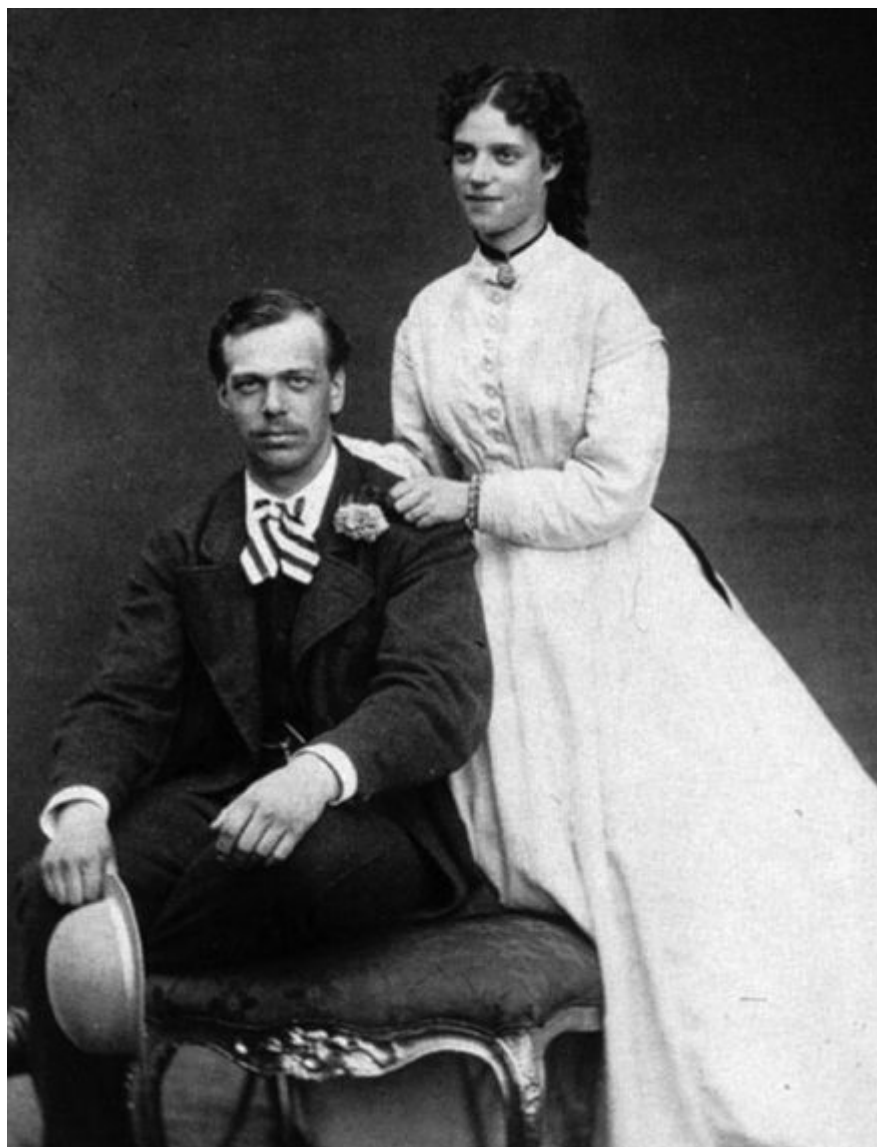
Когда цесаревич Николай Александрович в апреле 1865 г. умирал в Ницце, его младший брат был рядом с ним, а затем он присутствовал при обмывании тела, помогая обрывать покойника в чистое белье⁵⁰.

Будущий Александр III после смерти в апреле 1865 г. старшего брата Николая унаследовал от него не только титул цесаревича, но и невесту – датскую принцессу Дагмар.

Брак между цесаревичем и принцессой заключался без большой любви. Александр по приказу отца-императора был вынужден отказаться от своей первой любви – фрейлины Мещерской. В мае 1866 г. он отправился в Данию свататься. Именно тогда будущий Александр III впервые надел статское платье.

Рано начавший полнеть, высокий и крепкий Александр Александрович, видимо, чувствовал себя в гражданском костюме неловко. Однако этикет требовал от русского цесаревича, сватавшегося к датской принцессе, быть одетым именно в партикулярное платье. Сохранились фотографии этого периода.

⁹ Никса – семейное прозвище великого князя Николая Александровича.

Цесаревич Александр Александрович и Дагмар. *Фото 1866 г.*

На одной из них молодой цесаревич в темном, двубортном сюртуке, белой рубашке с отложным воротником. На этой постановочной фотографии (а в то время только такие и были) цесаревич опирается о спинку венского стула, придерживая руками темный, в цвет сюртука, котелок и перчатки. Слегка просматривается пестрый галстук.

Этот галстук хорошо виден на другой фотографии, менее официальной, из той же свадебной серии. Эта фотография уже не так статична. Одетый «по гражданке» цесаревич может себе позволить свободную позу (он непринужденно сидит на стуле, подогнув ногу), что в военном мундире было совершенно недопустимо. Расстегнутый сюртук позволяет увидеть обязательный жилет и часовую цепочку брегета. Котелок уже светлый, но, судя по всему сюртук, рубашка и галстук те же самые, что и на другой фотографии.

Конечно, цесаревич имел богатый гардероб, положенный ему по статусу. Однако современники единодушно отмечали, что Александр III тяжело привыкал к новым вещам. И если он что-либо «обнашивал» из своего гардероба, то носил эту вещь до тех пор, пока она буквально не разваливалась. Это особенно хорошо заметно по «гражданским» вещам цесаревича. У него не было большого навыка носить сюртуки и пиджаки, но в некоторых из них он, видимо, чувствовал себя хорошо. Причем это приводило к тому, что костюмы

катастрофически теряли вид, несмотря на все усилия камердинеров. Кроме этого император Александр III полнел, и некоторые из привычных, но редко носимых сюртуков и пиджаков становились малы, но император упорно отказывался надевать новый костюм. Не из скупости, а потому что привык к старому.

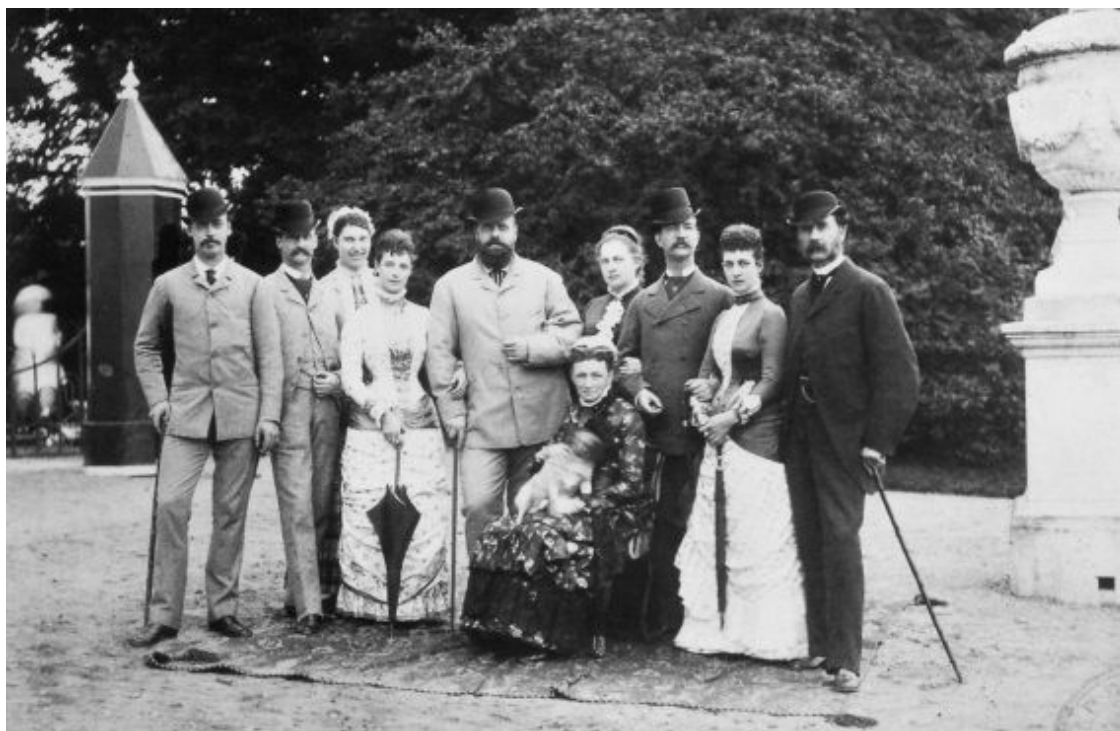
Император Александр III. *Фото 1890-х гг.*

На фотографиях хорошо видно, что пиджак мал, когда застегнут на все пуговицы, что карманы оттянуты и что его «украшают» многочисленные складки. Любопытно то, что одна из фотографий многовариантна в воспроизведениях. Видимо, фотографии русского монарха «по гражданской» были такой редкостью, что фотографы активно использовали ретушь при их подготовке для тиражирования. На исходной фотографии Александра III, одетого в гражданский костюм, держит под руку его жена, императрица Мария Федоровна. На последующих фотографиях Марию Федоровну трудами ретушеров «убрали», и император стоит один.

Как правило, костюмы Александр III позволял себе носить во время визитов в Данию, на родину жены. Эти поездки носили почти семейный характер. В Дании российский император чувствовал себя свободно и позволял себе появляться на людях в одежде, в которой он чувствовал себя комфортно.

Тем не менее у императора возникали ситуации, когда он должен был выглядеть безукоризненно. Так, во время визита в Англию в 1873 г. русский цесаревич безупречен с точки зрения внешнего вида. Об этом свидетельствуют несколько фотографий, сделанных английскими фотографами во время визита.

Следуя тенденциям европейской моды, русский цесаревич в Англии мог позволить себе надеть светлую модную «тройку» в довольно крупную клетку. Примечательно, что на фотографии, сделанной в середине 1870-х гг., мы видим двух любящих сестер (цесаревна Мария Федоровна, в девичестве датская принцесса Дагмар, и принцесса Уэльская Александра, старшая сестра российской цесаревны) в одинаковых платьях. Как правило, эти «парные» платья заказывались у известного парижского портного Чарльза Ворта. Таким образом сестры демонстрировали всем свою сохранявшуюся с детства близость.

Датская королевская и русская императорская семьи в Дании.
Фото 1890-х гг.

Ближайшее окружение императрицы Марии Александровны, зная трепетное отношение матери к старшему сыну, подчеркнуто критически относилось к цесаревичу Александру. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что, бывая у наперсницы императрицы фрейлины А.Н. Мальцовой, он часто слышал «слабое мнение» о новом цесаревиче⁵¹.

Перемены в характере будущего Александра III зрели незаметно даже для тех, кто постоянно находился рядом с ним. Точкой, во многом завершившей формирование его характера, стала трагическая смерть Александра II. Многие из тех, кто видел Александра III в мартовские дни 1881 г., отметили для себя эти совершенно непонятные и неожиданные для них изменения. Фрейлина А.Ф. Тютчева записала свои впечатления в дневник 25 марта 1881 г.: «В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное, и я замечала это еще очень немного лет тому назад. Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена, которая меня в нем поразила; откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, —

одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами»⁵².

Платье из узорчатого бархата и шелка. Фирма «Ч. Ворт». Париж. 1880-е гг.

Впоследствии эти черты личности Александра III развились и усилились. Мемуаристы отмечали некий контраст между свитой царя и им самим. Контраст, порожденный спокойным сознанием своей исключительности. Об этом в воспоминаниях очень хорошо написал художник, критик и искусствовед А.Н. Бенуа, случайно увидевший царя среди его свиты в театре: «Состав этой густой и толкавшейся в разные стороны массы не отличался ни красотой, ни элегантностью, ни величественностью, ни какой-либо «породистостью». Большинство присутствующих состояло из согбенных под бременем лет сановников и из большей частью маленьких, толстеньких, а частью из тощих и комично высоких старых дам... Двери ложи распахнулись, выбежали церемониймейстеры с длинными тросточками, и за ними появился государь, ведя под руку новобрачную... Меня

поразили его «громоздкость», его тяжеловесность и – как-никак – величие... Лицо государя поражало своей значительностью. Особенно порастил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз... Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и

тревожное, производил впечатление удара. Взгляд человека, стоящего выше всех, но который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и жизнь самых близких!»⁵³

Следует подчеркнуть, что «особость» царя не являлась искусственной позой, порожденной исключительностью положения, нет. Это была столь редко встречающаяся и столь ценяемая людьми особая харизма власти, воспринимаемая на подсознательном уровне. А.Н. Бенуа писал: «Поражала его чрезвычайная простота, абсолютная непринужденность, абсолютное отсутствие какой-либо «позы» (позы властелина), что нельзя было сказать ни про его брата Владимира, ни (в особенности) про недоступного, высокомерного вел. кн. Сергея Александровича»⁵⁴.

При спокойном осознании силы своей власти Александр III считал себя вправе периодически «проявлять характер». Современники отмечали, что он умел держать и сдерживать. Несмотря на всю ровность характера, царь мог себе позволить, отчасти театрально, «гневаться», ударяя «кулаком об стол, и удар был серьезный»⁵⁵.

Его резолюции пестрят резкими и нелицеприятными высказываниями и характеристиками. Он мог прямо в глаза назвать нерадивого подданного резким словом. Как вспоминали близкие к царю люди: «Крепкое словцо»⁵⁶ было присуще его натуре, и это опять русская черта, но в словах не было озлобления. Этот была потребность отвести душу и ругнуть иной раз сплеча, не изменяя своему добродушию. Иногда за столом и при свидетелях говорил он, не стесняясь, прямо набело, и когда уж очень становилось неловко от его слов, «она» (императрица Мария Федоровна. – *И. 3.*) полушутя, бывало, обращалась ко мне и говорила: «Быстро расскажите мне что-нибудь» или «Ничего не слышно, не правда ли, мы ничего не слышали?», а, в сущности, нисколько этим не стеснялась и всегда сочувствовала ему. И это было особенно привлекательно»⁵⁷. Но при этом Александр III «никогда и никому не говорил «ты». Николаевское поколение видело в этом что-то патриархальное и отеческое, но на самом деле оно не всегда оправдывалось и только сбивало понятия... Ни тени «фамильярности» никогда не допускал себе цесаревич»⁵⁸.

Император Александр III (*с бакенбардами*)

Будучи великим князем, цесаревичем, а затем и императором Александр III всячески подчеркивал свою «русскость». И в этом отсутствовали наигранность, поза или ксенофобия. Это была органически присущая ему черта, которая выражалась и в использовании русского языка в светском обществе, и в его одежде, художественных симпатиях, и в самом внешнем облике. Поэтому его способность «ругнуть, иной раз сплеча» и говорить «прямо набело» – часть его искренней русской души. При этом Александр III прекрасно знал свою родословную и не заблуждался по поводу своей «русскости» «по праву крови». Его мать, бабушка и прабабушка были немками, и множество исследователей высчитывали доли русской (мизер) и немецкой крови в его жилах.

Тем не менее, когда он прочитал «Записки» Екатерины II, из которых можно сделать вывод, что отец Павла I – один из русских вельмож, а не Петр III, он искренне обрадовался, поскольку это увеличивало долю его русской крови. Причем он совершенно не симпатизировал славянофилам, считая их «ряжеными» и по духу, и по внешнему виду. Так, близких к славянофилам фрейлин А.Ф. Тютчеву и А.Д. Блудову он не выносил одинаково, поскольку «он был слишком русский человек, чтобы быть славянофилом»⁵⁹.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на лице наследника-цесаревича Александра Александровича появляется борода. Это совершенно выбивалось из традиций царствования Александра II, но, видимо, отвечало каким-то внутренним импульсам цесаревича.

Великие князя Владимир (*неизвестный художник, конец XIX в.*) и Алексей Александровичи (*А.И. Корзунин, 1889 г.*)

Отметим, что появление бороды у цесаревича не было фрондой по отношению к отцу, хотя отношения между ними складывались очень сложно. Дело в том, что на время ведения боевых действий Александр II официально разрешил офицерам носить бороды. Как известно, «запретный плод» сладок, и в армии почти все офицеры начали отращивать бороды. Даже 20-летний великий князь Сергей Александрович начал отращивать бороду, записав в дневнике 9 июня 1877 г.: «Государь разрешил в кампании носить бороды, и мы отпускаем себе, я также»⁶⁰. Однако, когда император возвратился в Петербург (10 декабря 1877 г.), он уже через неделю потребовал от своего ближайшего окружения привести себя в порядок. 19 декабря Сергей Александрович писал цесаревичу: «Мою чудную бороду пришлось обрить, это было очень печально и неприятно, но ПапА не хочет, по-видимому, чтобы носили бороды»⁶¹.

Тем не менее, судя по фотографиям, цесаревич и его младшие братья Владимир и Алексей бороды так и не сбрили. Борода цесаревичу шла. Крупный телом и лицом, без «изящества» вельмож предыдущих царствований, он очень органично смотрелся с бородой. В результате Александр III стал первым «бородатым» российским императором, возобновив во внешнем облике традицию православных московских царей допетровской Руси.

Император Александр III. *И.Н. Крамской*

После воцарения Александра III мода «на бороды» немедленно охватывает всю мужскую половину высшего света.

Современники, сравнивая Александра III с его предшественниками, отмечали его сходство в отношении к России с Николаем I. Именно Николай I первым из российских императоров громко и четко заявил о своей любви к России и сделал первые шаги к «русификации»¹⁰ высшего света, и «эстафету» воспринял Александр III. Граф С.Д. Шереметев, сравнивая Николая I и Александра III, писал: «Он (Николай I. – *И. З.*) сам желал быть Русским и по-своему, насколько мог, хотел им быть, хотя и в одежде средневекового рыцаря, да и не по одной одежде. Но он своим умом познал, что править Россией можно только будучи Русским или показывая, что хочешь им быть. Эта нота недостаточно звучала в Александре II, у которого его чувство было явно немецким, навеянное сентиментализмом времен своей юности. Русское воплощение царя в XIX веке совершилось в Александре III! Вот почему и царствовать после нельзя без этого воплощения...»⁶²

Надо заметить, что Александр III инстинктивно отличал позу от истинного чувства. Или, по крайней мере, был очень определен в своих симпатиях и антипатиях. Так, граф С.Д. Шереметев упоминает, что, увидев у него на столе книгу стихотворений Тютчева, Александр III заявил, что «вообще не любит Тютчева, и как поэта, и как человека»⁶³.

Примечательно, что когда Александр II посещал Аничков дворец, в котором жил с семьей наследник, все ощущали некую отчужденность между отцом и сыном. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что присутствие Александра II «несколько стесняло всех, даже хозяев. Уж очень были различны характеры и вкусы. Государь подсаживался к цесаревне, слегка картавя заводил с нею речь и лишь изредка обращался к цесаревичу... Меня поражало это различие между сыном и отцом: другие приемы, другие речи, другое воспитание»⁶⁴.

В одежде император Александр Александрович был непривередлив. У него, конечно, имелись все необходимые «по должности» мундиры и сюртуки. Но, в отличие от своего отца, он не обладал коллекцией мундиров. Мемуаристы утверждают, что Александр III, как правило, носил привычные вещи, совершенно занавешивая их. С.Ю. Витте упоминает о штопанных штанах императора и клиньях, вшитых в его брюки. Дома с юных лет он привык носить тужурку⁶⁵. Не носил Александр III и ювелирных украшений. Из колец у него было только венчалное и то «к концу растрескалось, так что опасно было его носить»⁶⁶. Скромность российских императоров в отношении ювелирных изделий носила также традиционный характер. Мемуаристы упоминают, что Александр I не носил «никаких драгоценностей, ни одного кольца, даже не носил часов»⁶⁷.

Говоря об Александре III, следует упомянуть и о такой детали, как манере царя обращаться к соратникам и подданным. Мемуаристы утверждают, что Александр III стал первым царем, обращавшимся к своим подданным на «вы». Это не совсем так. Первым монархом, который ввел обращение «вы» со своими подданными, стал Александр I. Однако императорский двор в начале XIX в. был франкоязычным, поэтому русское «вы» императора не прижилось.

Николай I, начавший «русификацию» Императорского двора, обращался к своим подданным только на «ты», и эту привычку переняли его братья и сыновья. При этом в своей переписке Николай Павлович, как правило, использовал обращение «вы». При дворе Александра II обращение на «ты» сохранялось. Вместе с тем Александр II иногда использовал обращение «вы», чтобы показать свою нерасположенность к собеседнику, поэтому царского

¹⁰ Русификация – политика, направленная на укрепление империи, в том числе через распространение русского языка как государственного языка империи.

«вы» очень опасались. Однако времена изменились, и сыновья Александра II постепенно усвоили привычку обращаться к близким и подданным только на «вы». Поэтому и Александр III использовал это обращение.

Император Николай II

Традиционный и хорошо знакомый внешний облик российского императора Николая II сложился достаточно рано. Будучи еще наследником, в начале 1890-х гг. на лице молодого Николая Александровича появились небольшие, щегольские усы.

Цесаревич Николай Александрович во время путешествия по Японии. *Фото 1891 г.*

На фотографиях 1891 г., запечатлевших царя во время путешествия на Восток, мы видим бритый подбородок, короткую стрижку ежиком и небольшие усы. Судя по сохранившимся фотографиям, бородка на лице Николая II появилась в 1892–1893 гг. На серии фотографий, связанных с его помолвкой в апреле 1894 г., – уже новый образ, который Николай II не менял до конца своей жизни: короткая стрижка, с пробором на правую сторону, достаточно большие, ухоженные усы и небольшая, округлая борода. Со временем усы стали короче и «слились» с бородой. На голове появились небольшие залысины, а волосы слегка поредели.

Внешний облик царя на протяжении всей его жизни описан многими мемуаристами. Все они отмечали спортивность царя и его хорошую физическую форму при крепком здоровье. Например, генерал Ставки¹¹ Ю.Н. Данилов описывал «позднего», 46-летнего царя следующим образом: «Государь был невысокого роста, плотного сложения, с несколько непропорционально развитую верхнюю половиною туловища. Довольно полная шея придавала ему не вполне поворотливый вид, и вся его фигура при движении подавалась как-то особенно, правым плечом вперед.

¹¹ Ставка – в данном случае Ставка Верховного Главнокомандующего русской армии. Образована в августе 1914 г. Сначала размещалась в Барановичах, со второй половины 1915 г. – в Могилеве.

Цесаревич Николай Александрович и принцесса Гессенская Алиса после помолвки.
Фото 1894 г.

Император Николай II носил небольшую светлую овальную бороду, отливавшую рыжеватым цветом, и имел спокойные серо-зеленые глаза, отличавшиеся какой-то особой непроницаемостью, которая внутренне всегда отделяла его от собеседника»⁶⁸.

За своим внешним обликом Николай II следил весьма тщательно. Об этом свидетельствуют счета парикмахеров, 2–3 раза в месяц посещавших царя. У Николая II в силу положения имелся достаточно обширный гардероб. Самой его значительной частью являлись различные военные мундиры. Будучи шефом множества полков русской армии, император надевал эти мундиры в зависимости от ситуации и с учетом множества причин: полковых праздников части, которая несла караул во дворце, различных полковых юбилейных дат и т. п. В этой коллекции были и мундиры полков европейских армий, надеваемые во время официальных визитов. Гардероб включал и гражданское платье, его Николай II, как правило, мог позволить себе носить только за границей.

Первая серия фотографий Николая II в статском платье относится к его поездке «на Восток» в 1890–1891 гг., когда он еще был цесаревичем. На этих фотографиях молодой 22-

летний цесаревич одет в легкую «тропическую форму», и только во время официальных визитов он надевал офицерский мундир.

Первая семейная фотография Кобург. *Апрель 1894 г.*

Во время экскурсий цесаревич, как правило, одевался в модный легкий европейский костюм. На фотографии, сделанной в 1891 г. в Японии, на цесаревиче – фетровый котелок. Именно этот котелок разрубил двумя ударами сабли самурай-полицейский во время покушения на цесаревича в мае 1891 г. В Государственном Эрмитаже по сей день хранится белая рубашка с монограммами цесаревича Николая, на ней остались следы крови после покушения.

Примерно в эти же годы молодой цесаревич обзавелся охотничьим костюмом «из английской рогожки». Все последующие годы фасон этого охотничьего костюма неизменно сохранялся. Этот костюм сохранился, и именно с этого, пропотевшего костюма экспертам удалось взять генетический материал при проведении экспертизы по идентификации останков Николая II в 1990-х гг.

В 1893 г. цесаревич Николай Александрович посетил Англию. Во время визита обнаружилось, что двоюродные братья – наследники русской (будущий Николай II) и английской (будущий Георг V) короны – необычайно похожи. Похожи настолько, что это стало поводом для серии фотографий.

Следующую серию фотографий в статском платье сделали во время сватовства цесаревича Николая Александровича в апреле 1894 г. По традиции русский цесаревич приехал в Дармштадт в статском костюме. На этих постановочных фотографиях цесаревич довольно скован и несколько озабочен. Это понятно, поскольку обстоятельства сватовства к Алисе Гессенской оказались довольно сложными.

С 1895 г. в «Список» поставщиков Высочайшего двора вошел гражданин Швейцарии Генри Фолленвейдер, владелец фирмы «Генри». В своем магазине, находившемся в Петербурге на Большой Морской, 18, он продавал морскую форменную и гражданскую одежду. Включение его в «Список», видимо, состоялось Высочайшим решением, поскольку поставки этой фирмы морской и гражданской одежды ко Двору начались именно с 1895 г.

Фирма «Генри» поставляла Николаю II гражданскую одежду. Например, с апреля по август 1903 г. Генри Фолленвейдер продал Николаю II 16 предметов по счетам на сумму 1043 руб. Список этих предметов весьма показателен: сюртук, жилет и брюки (на 150 руб.); смокинг (150 руб.); три костюма (по 115 руб. каждый); белый теннисный костюм (110 руб.); осеннее пальто (140 руб.); сюртук «Фантазия» (30 руб.); три белых жилета для фрака (по 20 руб. каждый); велосипедные штаны (28 руб.); жилет к костюму (25 руб.); шелковый теннисный пояс за 5 руб.

В этом же магазине чистили и ремонтировали фраки Николая II, а также стирали царские жилеты. Магазин оказывал и сопутствующие услуги: например, купленная готовая одежда подгонялась по фигуре заказчика.

Следует еще раз подчеркнуть, что Николай II появлялся в штатском платье очень редко, и даже ближайшее окружение императора, постоянно находившееся рядом с ним, увидев царя в партикулярном платье, воспринимало это как несообразность.

Император Николай II во время визита в Германию. *Фото 1910 г.*

При этом, как следует из бухгалтерских счетов, в гардеробе царя имелись все необходимые штатские вещи, и за ними тщательно следили. В 1897 г. во время поездки на родину жены в Дармштадт Николай II и Александра Федоровна совершили инкогнито поездку во Франкфурт-на-Майне. Одеты они были в обычные партикулярные костюмы состоятельных буржуа. Окружение молодого императора немедленно отметило, что Николай II не имел привычки носить штатское платье, и цилиндр на нем был плохого качества⁶⁹.

Довольно много фотографий Николая II, одетого «по гражданке», осталось после посещения Германии осенью 1910 г. Главная цель поездки – лечение императрицы Александры

Федоровны на ее родине в Дармштадте. За границей семья Николая II пробыла около трех месяцев. Визит носил родственный, приватный характер, и Николай II по большей части одевался в гражданское платье, причем весьма разнообразное. Поначалу это вызывало удивление. Например, подруга императрицы А.А. Вырубова, впервые увидев в 1910 г. Николая II одетым «по гражданке», отметила этот факт в воспоминаниях: «Государь пришел в штатском платье. С непривычки было как-то странно его так видеть, хотя в то же время очень забавляло»⁷.

После 1910 г. Николай II совершил еще несколько поездок за границу, во время которых у него была возможность носить статское платье. Один из последних зарубежных визитов состоялся в мае 1913 г. В августе 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну, с этого времени Николай II ни разу не одевал статское платье. Одетый в солдатскую гимнастерку, он встретил смерть в июле 1918 г.

Портные Николая II

Как уже отмечалось, российские императоры на родине носили только военную форму. Как правило, ее шили портные, специализировавшиеся на производстве военного обмундирования. Для сшитой военной формы требовалось еще множество элементов, от головных уборов, погон, аксельбантов и до сапог. Все это приобреталось в так называемых магазинах офицерских вещей. Хозяева этих магазинов со временем оказывались в числе поставщиков Высочайшего двора.

Самым давним поставщиком считался хозяин магазина офицерских вещей фабрикант И. Скосырев. Семейное дело существовало с 1812 г. Магазин располагался в Петербурге на Владимирском пр., 4. По «Списку» императорских поставщиков можно восстановить три поколения семьи Скосыревых, которые последовательно получали высокое звание поставщика Высочайшего двора: фабрикант И. Скосырев получил звание поставщика Высочайшего двора еще в 1857 г., затем звание подтвердил его сын Василий Скосырев, поставщик с 1863 г. Завершил купеческую династию Александр Скосырев, поставщик с 1895 г.

В военном магазине М.И. Скосырева, продававшего форменную одежду для офицеров, в 1903 г. для императора Николая II приобретены товары на сумму в 1234 руб. 90 коп. В основном это мелочи: два шарфа, семь фуражек различных полков, форменные ремни, кокарды для фуражек, пряжки для сабли, эполеты и т. д.

Поскольку российские императоры состояли шефами различных иностранных полков, то в числе поставщиков оказались германские (И. Эйснер, Берлин, с 1862 г.; Теодор фон Линкер, Дармштадт, с 1896 г.; Феликс Коллани и Оскар Курде, владельцы фирмы «L.H. Berger Collani», Берлин, с 1903 г.) и датские (А.Н. Herlin, с 1910 г.) портные.

Одним из выдающихся петербургских военных портных конца XIX – начала XX вв. являлся Николай Иванович Норденштрем, поставщик Императорского двора с 1895 г. Фирма «Норденштрем Н.» была одной из старейших столичных фирм, специализировавшейся на изготовлении военных мундиров. Основал ее Николай Иванович Норденштрем, приехавший в Петербург из Швеции в 1821 г. В 1841 г. мастерская перешла к его племяннику Андрею Ивановичу, в 1852 г. – к Николаю Ивановичу и в 1856 г. – к Карлу Ивановичу Норденштрему. Фирма имела ателье и магазин на Невском пр., 46. В начале 1900-х гг. главой фирмы стал К.Н. Норденштрем. Портные и закройщики фирмы выполняли весьма ответственные заказы – шили мундиры для Александра III, его младших братьев, великих князей Алексея, Сергея и Павла Александровичей.

Счета Н.И. Норденштрема за военную форму, поставленную для великого князя Сергея Александровича с 1884 по 1895 г., составили 14 500 руб. Первые его поставки великому князю Сергею Александровичу относятся еще к 1877 г. С декабря 1902 г. по декабрь

1903 г. магазин Норденштрема поставил 15 предметов и 2 комплекта военного обмундирования на сумму в 1572 руб. В этот список вошли: конногвардейский колет (225 руб.); зимний доломан (250 руб.); парадная кираса (55 руб.); тужурка (100 руб.); китель Московского полка (100 руб.); китель Преображенского полка (100 руб.); морской китель (110 руб.); жилет (15 руб.); три пары брюк (по 38 руб.); двубортный китель Преображенского полка (90 руб.); брюки для морской формы (38 руб.); брюки для пехотной формы (40 руб.); парадный пехотный мундир (145 руб.); парадный мундир Сводного полка (135 руб.). Этот же портной принимал царские мундиры в чистку и ремонт. Некоторые из мундиров, жилетов и брюк расставлялись портным, поскольку в 1903 г. царь начал прибавлять в весе.

В ателье известного портного шили мундиры для великих князей Константина и Дмитрия Константиновичей; великих князей Николая и Петра Николаевичей; великих князей Георгия и Александра Михайловичей; великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, а также для Александра и Константина Петровичей Ольденбургских, для принца Петра Александровича Ольденбургского, герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского⁷¹. Любой офицер Императорской гвардии считал для себя обязательным сшить мундир именно у «старика Норденштрема». Через мастерскую Н.И. Норденштрема, поставщика Императорского двора, проходили практически все состоятельные гвардейские офицеры, «строившие» себе форму.

Коронационные платье Александры Федоровны и мундир Николая II

«Синий» (определение по цвету мундира) кирасир В.С. Трубецкой писал в воспоминаниях: «Ежедневно я после учений ездил в Петербург, где первым долгом посещал почтенного Норденштрема – знаменитого петербургского военного портного... там я без конца примеривал офицерский колет, сюртуки, вицмундиры, кителя, пальто, николаевскую шинель, короткие и длинные рейтузы и чахчиры¹² с лампасами для парада, для гостиных и для повседневной жизни»⁷².

Для коронации 1896 г. Николаю II сшили особый мундир, в настоящее время он хранится в Оружейной палате Московского Кремля в коллекции коронационных одежд русских монархов. Поскольку церемония коронации включала в себя очень значимое таинство миропомазания, то на мундире и сапогах сделали специальные отверстия для совершения обряда таинства. На мундире – клапан на груди, откинув его, можно было помазать миром обнаженную грудь императора. Как вспоминал камердинер, который одевал Николая II перед коронацией: «Мундир и подошвы сапог государя имели заранее сделанные отверстия, через которые было совершено таинство миропомазания. Переодевшись, государь велел убрать мундир и сапоги, которые должны были храниться как святыня и в качестве исторической реликвии»⁷³.

Российские императоры, как и обычные люди, привыкали к определенной одежде и с трудом с ней расставались. То же было и с Николаем II. Он годами носил одни и те же вещи, предпочитая латаные и штопанные, но привычные детали туалета. Это, конечно, усложняло жизнь его камердинерам. Как и все Романовы, он страстно любил военную форму. В его платяных шкафах хранились сотни военных мундиров, часть из них ныне можно увидеть в Александровском дворце Царского Села. В ясеневых шкафах в гардеробной Николая II в Александровском дворце Царского Села к 1917 г. хранилось до 1500 мундиров императора. Фактически он должен был иметь полный комплект формы всех полков русской армии. Во время парадных выходов он надевал мундир того полка, который в это время нес караул в императорской резиденции. Тем не менее Николай II предпочитал форму преображенцев и лейб-гусар⁷⁴. С удовольствием Николай II носил малиновую косоворотку гвардейских стрелков.

Случались и другие, несравнимо меньшие расходы на одежду, но они показывают, сколь обширен был круг людей, вовлеченных в личное обслуживание императора. Так, в 1902 г. казак Собственного конвоя Платон Монастырский «исправлял» черкеску и бешмет царя формы Собственного конвоя и получил за работу 10 руб.

Характер и манера поведения

Многие черты в поведении Николая II обусловлены его детством. Несколько эпизодов времен детства и отрочества сыграли заметную роль в формировании личности царя. О них Николай II вспоминал, спустя много лет. Так, на маленького Николая глубочайшее впечатление произвел эпизод с шаровой молнией, которая влетела в дворцовую церковь во время службы. Он видел, что император Александр II оставался во время этого происшествия совершенно спокоен, и стремление подражать деду заставило его сознательно вырабатывать необычайное самообладание⁷⁵. 1 марта 1881 г. 12-летний будущий Николай II смотрел на умирающего, залитого кровью деда – Александра II, угасающего в своем кабинете на

¹² Чахчиры – форменные лосины, элемент гусарской формы.

втором этаже Зимнего дворца. Он, безусловно, был потрясен, и это зрелище также отложилось в глубинных слоях его личности. В октябре 1888 г. 19-летний цесаревич едва не погиб во время железнодорожной катастрофы близ станции Борки под Харьковом. В мае 1891 г. на Николая Александровича совершено покушение в Японии, оставившее «зарубку» на его голове.

Император Николай II. Э.К.Литарт. 1900 г.

Николай II не сразу обрел навык и привычку к бесчисленным публичным выступлениям и к появлению на людях в качестве первого лица государства. Поначалу от этого он испытывал настоящий стресс. Однако со временем навык был приобретен, но, тем не менее, несмотря на его внешнее спокойствие и «непрошибаемость», он, как и всякий человек, нервничал, и «внешним образом смущение государя выражалось, например, в столь известном постоянном поглаживании усов и почесывании левого глаза»⁷⁶. Эту сохранявшуюся внутреннюю неуверенность царя при внешнем «непрошибаемом» спокойствии отмечали многие внимательные мемуаристы, особенно те, кто мог наблюдать царя длительное время в его повседневной жизни. Так, один из генералов Ставки вспоминал, что «эти черты государя выявлялись и наружно нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым

покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов»⁷⁷.

Постепенно Николай II выработал и определенную «защитную» манеру поведения, ставшую частью его делового стиля: «Все жесты и движения императора Николая II были очень размеренны, даже медленны. Эта особенность была ему присущей, и люди, близко знавшие его, говорили, что государь никогда не спешил, но никуда не опаздывал»⁷⁸.

Поскольку к каждому слову императора внимательно прислушивались, Николай II рано понял, что последствия самых, на его взгляд, безобидных реплик могут оказаться весьма серьезными. Поэтому он очень редко бывал откровенен со своими собеседниками, предпочитал слушать, держа свое мнение при себе. Спорить, доказывать то, что для него представлялось совершенно очевидным, он не желал. Молчание же императора многие ошибочно принимали за согласие с их мнением и после испытывали жестокое разочарование, когда император поступал так, как он считал необходимым. Тогда немедленно начинались разговоры о двуличии царя. Ближко знавшие царя люди единодушно отмечали его «умение владеть собою и скрывать свои внутренние переживания. В самые драматические моменты жизни внешнее спокойствие не покидало его»⁷⁹.

Спокойствие и сдержанность царя в стрессовых ситуациях оставались загадкой для современников и порождали самые разнообразные толки. Сдержанность в поведении и оценках, в подражание деду, формировалась им сознательно с детства, а затем уже стала маской, настолько сросшейся с ним самим, что трудно было отделить развившийся фатализм его натуры и сознательно скрываемые эмоции. Флигель-адъютант А. Мордвинов (его тестем был англичанин К.И. Хис – воспитатель и преподаватель молодого цесаревича) также подчеркивал, что «даже мальчиком он почти никогда не горячился и не терял самообладания»⁸⁰.

Государственная деятельность неизбежно связана с решением сложных, конфликтных ситуаций. Общеизвестно, что царь старался избегать их. Объясняют это по-разному. Одни пишут о его воспитанности, мешавшей ему говорить неприятные вещи своим сановникам, другие видят в этом проявление некоего двоедушия и иезуитства. Например, С.Ю. Витте, не питавших особых симпатий к царю, отмечал, что «государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только тогда, когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит»⁸¹. Министр народного просвещения А.Н. Шварц писал, что «не сердился он, как будто, никогда. Ни сам я гнева его никогда не видел, и от других о проявлениях его никогда не слышал»⁸². Военный министр А. Редигер считал, что, «несмотря на выпавшие на его долю тяжелые дни, он никогда не терял самообладания, всегда оставался ровным и приветливым, одинаково усердным работником. Он мне говорил, что он оптимист»⁸³.

Особенно примечательно поведение царя в стрессовых ситуациях. За время его царствования их возникало весьма достаточно. Но войны – это события, потрясающие любую державу до основания. В день начала Русско-японской войны военный министр А.Н. Куропаткин записал в дневнике: «28 января 1904 г. На докладе 27 числа государь был бледен, но спокоен»⁸⁴. Посол Германской империи граф Пурталес, сообщивший царю об объявлении войны в 1914 г., также отмечал это необычайное самообладание, оно даже вызывало у него впечатление некой психической аномалии: «31 июля 1914 г. Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе.... У меня получилось впечатление, что мой высокий собеседник либо в необычайной манере одарен самообладанием, либо еще не успел, несмотря на мои весьма серьезные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения»⁸⁵.

Особенно много толков вызвало поведение царя во время отречения. Наиболее часто цитируется фраза официального историографа Ставки генерала Д.Н. Дубенского, произнесенная во время допроса в августе 1917 г.: «Это такой фаталист, что я не могу себе представить... он отказался от Российского престола, как сдал эскадрон»⁸⁶. Это показное спокойствие глубоко оскорбило многих и, в свою очередь, заставило спокойно отнестись к смерти самого царя и его семьи летом 1918 г. Но, вместе с тем, генерал, сталкивавшийся с царем только с 1914 г., счел нужным добавить: «Я думаю, будут писать об этом многие психологи, и им трудно будет узнать; а вывести, что это равнодушный человек, будет неверно».

Впечатление о чрезмерном спокойствии царя глубоко поразило и принимавшего текст отречения А.И. Гучкова¹³. Во время допроса в Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством, 2 августа 1917 г. он поделился своими наблюдениями: «Вообще я должен сказать, что вся эта сцена произвела в одном отношении очень тяжелое впечатление, ...что мне прямо пришло в голову: да имеем ли мы дело с нормальным человеком? У меня и раньше всегда было сомнение в этом отношении, но эта сцена; она меня еще глубже убедила в том, что человек этот просто, до последнего момента, не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал, ...мне казалось, что эти люди должны были понять, что они имеют дело с человеком, который не может считаться во всех отношениях нормальным»⁸⁷.

Не все разделяли это мнение. О том, что это «непрошибаемое» спокойствие только маска, писали те, кто хорошо знал царя на протяжении многих лет. Они подчеркивали, что для сохранения этой привычной маски царю иногда требовались серьезные волевые усилия. Хорошо знавшая его баронесса С.К. Буксгевден вспоминала, что «сдержанность была второй его натурой. Многие спрашивали: отдавал ли он полностью себе отчет в трагичности некоторых событий? – настолько спокойно было его отношение, настолько скрытно было выражение его лица. На самом деле это была маска»⁸⁸. А. Блок приводит слова генерала Д.Н. Дубенского: «Когда он говорил с Фредериксом об Алексее Николаевиче, один на один, я знаю, он все-таки заплакал»⁸⁹.

Свои настоящие переживания царь позволял видеть только самым близким людям. Младшая сестра царя Ксения в дневнике писала, что после приема в Зимнем дворце в апреле 1906 г. по случаю открытия заседаний I Государственной думы: «Многие плакали! Мама и Алике плакали, и бедный Ники стоял весь в слезах, самообладание его, наконец, покинуло, и он не мог удержаться от слез!» Очень характерное замечание сестры – «наконец». Видимо, чрезмерное спокойствие государя угнетало даже самых близких к нему людей⁹⁰. Анна Вырубова в воспоминаниях упоминает, что когда царь вернулся в Царское Село после отречения 9 марта 1917 г., он «как ребенок рыдал перед своей женой»⁹¹. Она же передает слова царя: «Видите ли, это все меня очень взволновало, так что все последующие дни я не мог даже вести своего дневника»⁹². Один из биографов царя, Е.Е. Алферьев, в самом названии своей книги выразил мысль о его необычайной воле. Он писал, что «постоянной упорной работой над собой он развил в себе сверхчеловеческое самообладание и никогда не выражал сколько-нибудь явно своих переживаний. По своей природе Государь был очень замкнут... Незнание порождало непонимание»⁹³.

Такая внешняя и эмоциональная «закрытость» царя имела и объективные причины: слишком многие люди в беседах с ним искали малейших проявлений каких-либо эмоций,

¹³ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – российский политик, депутат и с 1910 г. – председатель III Государственной думы, стоял во главе партии октябристов. Член Государственного совета (1915–1917 гг.), военный и морской министр Временного правительства (1917 г.), председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1920-е гг. эмигрировал.

на основании которых они могли бы судить об отношении Николая II к их словам. Царь же желал сохранить полную приватность своих мыслей и настроений по поводу взглядов и аргументов очередного собеседника, дабы избежать каких-либо толков и сохранить за собой определенную свободу маневра. И для этого необычайно хорошо подходила маска непроницаемого спокойствия. В целом подобное поведение было нетипично для российских монархов, ведь в силу своего положения они могли себе позволить не сдерживать эмоции, а «царский гнев» – вообще неотъемлемая часть их «царской профессии». Поэтому у П.А. Столыпина и вырвалось однажды: «Да рассердитесь же хоть раз, Ваше Величество!»

Советские историки 1920-х гг., занимавшиеся этим вопросом, сошлись во мнении, что это спокойствие есть результат особого психоэмоционального склада царя. Например, П.Е. Щеголев утверждал: «Чувствительность Николая была понижена чрезвычайно, она была ниже уровня, обязательного для нормального человека»⁹⁴.

Нам представляется, что нет никаких оснований говорить о какой бы то ни было психической аномалии. Столь сдержанное поведение – результат многолетних волевых усилий, вошедших в привычку, ставших вторым лицом. Кроме этого, религиозность царя, граничившая с фатализмом, также способствовала некоему отстраненному взгляду на происходящие события, а образ спокойного, держащего себя в руках царя импонировал окружающим. Но импонировал только в условиях стабильности. В ситуации надвигающегося краха, отчетливо ощущаемого многими современниками, это чрезмерное спокойствие воспринималось как безволие, как психическая аномалия, что в свою очередь подрывало престиж императорской власти.

О патологическом впечатлении от «непробиваемого» спокойствия царя пишет протопресвитер русской армии и флота Г.П. Шавельский. В своих воспоминаниях он приводит весьма любопытную фразу Николая II, произнесенную в июле 1916 г. в беседе с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым: «Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу»⁹⁵.

Очень важным является степень воздействия монарха на ближайших сотрудников. То, что Николай I и Александр III обладали отчетливо выраженной харизмой власти, общеизвестно. Эта харизма основывалась как на их характере, так и на «профессионально-должностной» способности подчинять. Что касается Николая II, то внутренняя убежденность в божественности своей власти у него была, но интеллигентный царь считал излишним кого-то убеждать в этом. Поэтому на все попытки спорить с ним он отвечал молчанием, а затем, через некоторое время, «убирал» спорщика с политической арены. Те, кто работал с царем непосредственно, были убеждены в том, что царь «слаб». По мнению В.И. Гурко, с одной стороны, Николай II «не умел внушить свою волю сотрудникам», но с другой – и «сотрудники его не были в состоянии переубедить в чем-либо царя и навязать ему свой образ мыслей»⁹⁶. Трагичным для судеб России стало то, что во главе огромной империи «на переломе» оказался человек, не имевший «той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться»⁹⁷.

Заканчивая разговор об особенностях характера царя, хотелось бы привести один малоизвестный факт, вновь порождающий непростые вопросы. Николай II, как и его дед, и отец, был страстным охотником. По принятому в Министерстве Двора порядку в конце каждого охотничьего сезона составлялся итоговый список царских охотничьих трофеев. Так, в этом списке у Николая II наряду с традиционными медведями, зубрами, оленями, волками постоянно присутствовали вороны, бродячие кошки и собаки. Причем в огромных количествах. Так, по подсчетам автора, только за шесть лет (1896, 1899, 1900, 1902, 1908, 1911 гг.) царь застрелил 3786 «бродячих» собак, 6176 «бродячих» кошек и 20 547 ворон⁹⁸. Трудно понять, зачем были нужны эти несчастные собаки и кошки царю, где и как он их отстре-

ливал. Не было ли это своеобразным выходом для глубоко скрытой агрессивности внешне кроткого царя?

Императрица Александра Федоровна

Императрицу Александру Федоровну в России не любили. А к 1917 г. уже ненавидели. Это отношение к императрице проявилось и в описаниях ее внешности: «Нельзя сказать, чтобы внешнее впечатление, производимое ею, было благоприятно. Несмотря на ее чудные волосы, тяжелой короной лежавшие на ее голове, и большие темно-синие глаза под длинными ресницами, в ее наружности было что-то холодное и даже отталкивающее. Горделивая поза сменялась неловким подгибанием ног, похожим на книксен при приветствии или прощании. Лицо при разговоре или усталости покрывалось красными пятнами, руки были мясисты и красны»⁹⁹. При этом никого не интересовало, что у императрицы больные ноги, и «неловкое подгибание ног» связано именно с этим. Однако характер ее действительно был, что называется, сложный.

Своей внешности императрица, как и всякая женщина «с положением и возможностями», уделяла большое внимание. При этом имелись и нюансы. Так, императрица практически не использовала косметику и не завивала свои прекрасные волосы. Только накануне больших дворцовых выходов парикмахер с ее позволения использовал завивочные щипцы. Императрица не делала маникюр, «поскольку Его Величество терпеть не мог наманикюренные ноги»¹⁰⁰. Из духов императрица предпочитала «Белую розу» парфюмерной фирмы «Аткинсон». Они, по ее словам, прозрачны, без всякой примеси и бесконечно ароматны. В качестве туалетной воды она использовала «Вербену»¹⁰¹.

Свои парфюмерные предпочтения появились и у великих княжон, когда те подросли. Девочки, как и положено в их возрасте, экспериментировали, но со временем остановились на парфюмерии французской фирмы «Коти». При этом Татьяна предпочитала «Jasmin de Corse» («Корсиканский жасмин»), Ольга – «Rose Tee» («Чайная роза»), Мария то и дело меняла духи, но, в конечном счете, остановилась на «Сирени», а постоянными духами Анастасии стала «Фиалка»¹⁰².

Начавшееся в октябре 1894 г. царствование Николая II немедленно пополнило Список поставщиков Высочайшего двора новыми портными. Из иностранцев появились только два новичка: фирма «Дэвис и сын» (с 1895 г., Лондон) и фирма портного Редферна (с 1895 г., Париж). При этом следует учесть, что все остальные иностранные портные, вошедшие в Список с начала 1860-х гг., продолжали выполнять заказы российского Императорского двора.

Особенностью этого периода стало появление «собственных» Списков поставщиков у вдовствующей и у царствующей императриц. Так, в Списке вдовствующей императрицы Марии Федоровны к 1915 г. насчитывалось четыре портных: Радферн (с 1895 г., Лондон; видимо, у этого мастера были мастерские в Лондоне и Париже); дамский портной Павел Китаев (с 1903 г.) и Рене Бризак, как «преемник французского гражданина Альберта Бризак» (с 1914 г., Петроград).

Императрица Александра Федоровна. *Н.К. Бондаревский. 1907 г.*

Хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о женских платьях в контексте повседневной жизни Императорского двора, привычно затянутого в мундиры, следует иметь в виду, что даже «неформенные» платья имели значение «Табели о рангах». Другими словами, даже «обычное» платье великой княгини или императрицы должно наглядно демонстрировать ее статус. И первенство в «Табели...» оставалось за императрицами. Если же это правило нарушалось, то окружающие так или иначе ставили нарушительницу на место. Подобный случай описан мемуаристом в ноябре 1887 г. После торжественного обеда императрица Мария Федоровна «выразила намерение переменить нарядное и вырезное платье на более скромный костюм, причем великая княгиня Мария Павловна объявила, что наряда не переменит и поедет в театр (там должно было состояться первое представление оперы Верди «Отелло». – *И. 3.*) в том же вырезном платье и бриллиантовой диадеме. Государь подошел к Марии Павловне и полушутя-полусерьезно велел ей одеться в одинаковое с императрицей по степени нарядности одеяние»¹⁰³.

Надо заметить, что мужчины-мемуаристы не только весьма внимательно отслеживали уровень женских парадных одеяний, но и квалифицированно описывали их: «...У импера-

трицы было белое атласное платье, спереди оно раздваивалось и открывало серебряное глазетовое, серебром шитое треугольное поле, точно так же по бокам были разрезы, в коих виднелись из атласа же сделанные, смятые, в несколько рядов расположенные пучки, на рукавах пониже плеч были весьма художественно исполнены перевязки. Все платье было оторочено мелкими шелковыми шариками, напоминавшими жемчуг. На шее у императрицы было превосходное в один ряд ожерелье из крупного жемчуга. На великой княгине Марии Павловне было тоже белое атласное платье, тоже с переднею частью, вышитою серебром. На великой княгине Елизавете Федоровне розовое, обшитое собольим мехом, имевшее форму, которую в конце прошлого века столетия называли «польский фасон»¹⁰⁴.

В Списке царствующей императрицы Александры Федоровны упомянуто пять портных. Первой «своей» петербургской портнихой Александры Федоровны стала в 1902 г. некая Морэн-Блосье. В 1907 г. дамский портной Михайлов пополнил личный Список императрицы. Примечательно, что у двух императриц некоторые портные «пересекались». Так, Павел Китаев, «автоматически»¹⁰⁵ унаследовавший звание придворного поставщика от своего учителя Ильи Крылова (поставщик с 1878 г.), одновременно вошел в Списки обеих императриц в 1903 г. Его мастерская располагалась на Невском пр., 68/40, около Аничкова моста.

В мае 1896 г. в Москве состоялась коронация Николая II. В Успенском соборе Московского Кремля на помосте установили три трона. Два из них предназначались для вдовствующей и действующей императриц. Для них важной частью подготовки торжеств было шитье парадных платьев для церемонии коронации. Окружение императриц ревниво следило за подготовкой торжественных одеяний императриц.

Платье вдовствующей императрицы Марии Федоровны обошлось в 4040 руб. Эта сумма включала в себя покупку материала из «серебряной грани», изготовленного на ткацкой фабрике поставщиков Императорского двора Сапожниковых (855 руб.). Основную сумму уплатили за художественную вышивку этой ткани, сделанную в мастерской м-м Залеман (3000 руб.). Шитье самого платья стало самой дешевой позицией в общей сумме стоимости платьев (185 руб.). Платье сшила «мастерица Иванова».

Коронационное платье императрицы Александры Федоровны обошлось в 5857 руб. Примечательно, что эскизы коронационного платья для императрицы готовили и признанные модельеры, и дилетанты. Отвечала за этот «участок работы» фрейлина М.Н. Ермолова, она представила Александре Федоровне на выбор четыре проекта рисунка платья. Николай II и Александра Федоровна выбрали проект самой фрейлины Ермоловой, составленный по мотивам тем, почерпнутым в древней ризнице Новоспасского Московского монастыря. Фрейлине-дилетантке за удачный эскиз заплатили 300 руб. Окончательной прорисовкой эскиза, шитьем на бумаге и материи занималась госпожа (г-жа) Тейхарт (200 руб.). Материал купили на московской фабрике Сапожниковых (747 руб.). По традиции ткань была с «серебряной гранью» и очень тяжелая. С учетом того, что церемония коронации была очень продолжительной в переполненном Успенском соборе, а у Александры Федоровны болели ноги, то перед фабрикантами Сапожниковыми поставили задачу изготовить специальную «облегченную» ткань. Они успешно справились с задачей, но заказчикам это стоило денег. Вышивку ткани делали монахини Ивановского монастыря в Москве (4000 руб.). Платье шила самая известная мастерица, специализировавшаяся по парадным платьям, г-жа Бульбенкова (фирма «M-me Olga»). Шитье обошлось в 610 руб.¹⁰⁶ После коронации мундир Николая II и платье Александры Федоровны сдали в Оружейную палату Московского Кремля.

Со временем у императрицы Александры Федоровны сложился круг модельеров, которые шили на нее. Из них императрица Александра Федоровна предпочитала вещи «от Бризака». Модный дом, основанный французским гражданином Бризаком, также значился в

Списках обеих императриц. В 1914 г. Торговый дом возглавил Рене Бризак, подтвердив звание придворного поставщика.

Имя Альбера Бризака, или, как его называли в России, Августа Лазаревича, широко известно в конце XIX – начале XX вв. В своих воспоминаниях последний хозяин фирмы Рене Бризак упоминает, что он родился в 1885 г. в Петербурге. За несколько лет до этого его «дедушка и бабушка основали в этом городе крупный Дом моделей». К 1885 г. у руля фирмы стояли уже родители Рене – Альбер Бризак и его жена. Уже в 1880-х гг. среди клиентов Торгового дома «Альбер Бризак» были «Ее Императорское Величество императрица Мария Федоровна, супруга царя Александра III, и вся императорская семья. Позднее клиенткой Дома стала Ее Императорское Величество императрица Александра Федоровна, супруга царя Николая II, а также их четыре дочери, Великие Княжны: Мария, Ольга, Татьяна и Анастасия... Вся одежда, начиная от матросок, которые носили маленькие Великие Княжны, до платьев и манто, которые они носили, будучи молодыми девушками, выпускались Домом А. Бризака»¹⁰⁷.

Следует отметить, что не только Альбер Бризак выполнял обязанности главного дизайнера-модельера фирмы. Судя по воспоминаниям А.А. Вырубовой, в семейной фирме активно работала и его жена. Более того, Вырубова прямо упомянула, что у женской половины семьи Николая II портнихой была именно «M-me Brizaak». Талантливая женщина-модельер создавала такие фасоны, которые позже дали основания мемуаристам упомянуть, что женская половина семьи Николая II одевалась просто, но со вкусом¹⁰⁸. Рене Бризак также пишет, что «императрица очень любила мою мать, она относилась к ней с большим доверием и часто советовалась с ней относительно своих детей»¹⁰⁹.

Это действительно было так. Императрица Александра Федоровна внимательно следила за внешним видом своих дочерей, и костюмы им шили те же портные, что и самой императрице. Как правило, костюмы заказывались одного и того же покроя для всех четырех дочерей. Или два парных костюма для «старших» – Ольги и Татьяны и два одинаковых для «младших» – Марии и Анастасии. Девочки по-разному относились к бесконечным примеркам. Например, великая княжна Татьяна очень любила наряды, и любое платье, даже самое простое, смотрелось на ней великолепно¹¹⁰.

Если посмотреть счета императрицы только за один год (1914 г.), то по счетам «V. Brisac», шившей «на девочек», выплатили очень приличные суммы¹¹¹.

Дата	Ольга	Татьяна	Мария	Анастасия
2 января 1914 г.	750 руб.	2778 руб.	576 руб.	571 руб.
18 января 1914 г.	420 руб. 60 коп.	476 руб. 85 коп.	414 руб. 90 коп.	322 руб. 20 коп.
25 февраля 1914 г.	1362 руб.	1248 руб.	689 руб.	619 руб.
5 июня 1914 г.	521 руб.	553 руб.	461 руб.	439 руб.
8 июля 1914 г.	908 руб.	855 руб.	795 руб.	773 руб.
28 октября 1914 г.	1194 руб.	1029 руб.	861 руб.	809 руб.

Если посчитать, то только в 1914 г. по счетам «V. Brisac» уплатили 19 423 руб. По тем временам это огромные деньги, вполне сопоставимые с ювелирными счетами.

Мадам Бризак обшивала, кроме императриц, значительную часть состоятельных дам Петербурга. Так, в 1907 г., когда

Лили Ден первый раз представлялась императрице Александре Федоровне, то на ней было «простое белое платье от Бриссак (написание оригинала. – *И. З.*) и шляпка, украшенная розами». Императрице наряд молодой девушки пришелся по вкусу¹¹².

Надо признать, что мадам Бризак прекрасно учитывала особенности психологии своих заказчиц, эксплуатируя их тщеславие. Поскольку хорошо было известно, что она одевает всех дам фамилии Романовых, то она откровенно «задирала» цены. Одна из мемуаристок приводит следующий эпизод, описывая методы работы мадам Бризак: «Это была высокая смуглая женщина. Всякий раз, как она появлялась, чтобы проследить за примеркой, я указывала ей на дороговизну ее услуг. Бриссак сначала смотрела на меня с обиженным выражением лица, затем с заговорщицким видом шептала: «Прошу Ваше Императорское Высочество не кому не говорить об этом в Царском Селе, но для вас я сделаю скидку». Позднее Алики рассказывала мне о том, как она посетовала на чересчур высокие цены, на что мадам Бриссак ответила: «Прошу Вас, Ваше Императорское Величество, никому об этом не сообщать, но я всегда делаю скидку для Вашего Величества». Мы с Алики от души расхохотались! Вот старая пройдоха! Она так хорошо на нас заработала, что могла жить на широкую ногу в собственном особняке в Петербурге»¹¹³.

Следует отметить, что при заказе каждого нового платья Александра Федоровна действительно всегда интересовалась его ценой и сетовала на дороговизну. Это не было крохоборством, это привычка, впитанная со времен небогатого детства и закрепленная при английском пуританском дворе королевы Виктории. Ближайшая подруга императрицы писала, что «воспитанная при небольшом дворе, Государыня знала цену деньгам и потому была бережлива. Платья и обувь переходили от старших великих княжон к младшим»¹¹⁴. Удивительно, но царские дочери в буквальном смысле донашивали одежду друг за другом. Это мемуарное свидетельство подтверждают и счета портным-поставщикам, которые перешивали детскую одежду.

Магазин Торгового дома «А. Бризак» входил в неофициальный список «статусных» магазинов, которые могли лично посещать родственники императорской семьи. Однако хозяева магазина должны были неукоснительно выполнять определенные требования, связанные с тем, что их покупатели входили в число охраняемых лиц. Например, предприниматели должны были заблаговременно оповещать полицию о намерении царственных покупателей посетить магазин. В связи с этим Р. Бризак писал: «Я очень хорошо помню о штрафе, который был наложен на моего бедного отца полицией в тот день, когда великая княжна Ольга, сестра императора, неожиданно приехала в магазин, застав врасплох мою бедную мать, чтобы посмотреть новые модели, прибывшие накануне из Парижа. Мой бедный отец просто забыл проинформировать полицейский пост квартала. И только благодаря вмешательству великой княжны Ольги этот штраф никогда не был оплачен»¹¹⁵.

В 1901 г. Рене Бризак, окончив школу, занялся делами, далекими от семейного бизнеса: работал подмастерьем в фирме «Центральные электросети», индустриальным дизайнером на металлургическом заводе Лесснера, который одним из первых в России начал изготавливать автомобильные шасси.

В 1906 г. в Шато де Вилар в местечке Сен-Марселин во Франции скончался дедушка Рене, заложивший в Петербурге фундамент семейного бизнеса. К началу 1914 г. в Торговом доме сменилось руководство. Альбер Бризак и его жена передали семейное дело сыну Рене, в 1914 г. тот включен в «Список» как поставщик обеих императриц. Затем Альбер Бризак

с женой уехали из России, но когда они оказались в Германии, началась Первая мировая война. Бросив все вещи, они бежали из Германии в Швейцарию. Французский гражданин Рене Бризак после начала войны отправился во Францию, где принял участие в боевых действиях. Рене Бризак, уезжая в августе 1914 г. на родину, оставил «у руля» Торгового дома «А. Бризак» свою жену. Осенью 1914 г. с большим трудом хозяева фирмы – чета Бризак – через Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию вернулись в Россию. Старые Бризаки были вынуждены вновь возглавить семейное дело. В конце 1914 г. «госпожа В. Бризак» пожертвовала 400 руб. на Склад вещей, организованный императрицей Александрой Федоровной в Зимнем дворце¹¹⁶.

В декабре 1916 г. Рене Бризак получил телеграмму от матери из Петрограда о том, что скончался его отец – знаменитый модельер Альбер Бризак. Рене немедленно отправился из Франции в Россию. Надо отметить, что семейство Бризаков было известно не только в России, но и во Франции. Так, в 1916 г. кузен Рене Марк Бризак являлся главой правительства и министром авиации Франции. Другой кузен, Жюль Бризак, руководил органами общественной благотворительности.

Платье вечернее. Мастерская А. Бризака. Санкт-Петербург. Начало XX в.

Вернувшегося в Петроград Рене Бризака в феврале 1917 г. приняла императрица Александра Федоровна. Принимала она его не как главу Дома моды «А. Бризак», а как представителя союзной Франции¹¹⁷. После того как Рене Бризак прибыл во дворец, его проводили в маленький зал на первом этаже Александровского дворца. В этот день Бризак был единственным, кого принимала императрица. Императрица встретила Рене Бризака очень тепло, благословив и поцеловав в лоб. Но разговор между собеседниками так и не коснулся актуальных тенденций женской моды. Заботы были иные. После расспросов о семье императрица начала расспрашивать Бризака о настроении во французской армии, спрашивала его мнение о сроках окончания войны. Видимо, это был один из последних приемов Александры Федоровны накануне Февральской революции 1917 г.

После Февральской революции 1917 г. Бризаки начали постепенно сворачивать семейный бизнес в Петрограде. Они не видели перспектив для развития бизнеса в новой России, где проработали более 40 лет три поколения их семьи. Для такого пессимизма появились весомые основания. Весной 1917 г. Торговый дом «А. Бризак» возглавил уполномоченный Петросовета, их лучший закройщик, работавший в фирме с 1899 г. Все счета фирмы заблокировали, и распоряжаться ими Р. Бризак мог только с санкции бывшего закройщика. Бризакам категорически запрещалось переводить деньги за границу и отправлять туда свой товар. Таким образом, уже весной 1917 г. Бризаки перестали быть хозяевами своего дела. Фактически это стало концом одного из известнейших домов мод в России.

В этой ситуации мать и сын Бризаки приняли решение об отъезде из России во Францию. Они попытались «отбить» часть своего имущества и добились своего! Р. Бризак подчеркивает, что это удалось только благодаря «доброжелательному содействию наших бывших служащих, преданного персонала, большинство которых видело меня еще с моего рождения». Условия сделки с новой властью были следующими: Бризаки оставляли персоналу Торгового дома всю недвижимость, нажитую Бризаками за 40 лет жизни в России, включая все товары Дома моделей. В распоряжение служащих передавался склад с прекрасными мехами – шиншиллы, соболи и горностаи.

Также там осталась изумительная коллекция кружев, большое количество тканей, среди которых были многочисленные отрезы великолепных лионских брошей¹⁴, заказываемые для придворных выездов и для пошива стильных платьев. Кроме того, Бризаки обязывались выплатить авансом каждому из рабочих и служащих Торгового дома, которых насчитывалось в 1917 г. около двухсот человек, полностью годовую зарплату. На этих условиях Бризакам позволили вывезти все личные драгоценности и сумму в десять тысяч рублей, или двадцать пять тысяч золотых франков.

В 1923 г. Рене Бризак, будучи в Финляндии, последний раз посетил Петроград. Он пробыл в городе только один день, но это дало ему повод написать: «Имя Бризак было слишком известно в России, более полувека мы имели честь быть поставщиками императорской семьи, и очевидно, что это не могло понравиться Советской власти»¹¹⁸. В 1930 г. умерла мать Рене Бризака, на протяжении многих лет она была соратницей выдающегося модельера Альбера Бризака. Похоронили ее в Париже на кладбище Монпарнас.

Наряду с Бризаками всем придворным дамам было хорошо известно имя модельера Ольги Николаевны Бульбенковой (1835–1918). Она стала создательницей модной мастерской, специализировавшейся на шитье роскошных придворных платьев.

Именно она обшивала императриц Марию Александровну и Марию Федоровну. Г-жа Ольга шила на императрицу Марию Федоровну после ее воцарения в 1881 г. Ее мастерская в 1880-х гг. находилась по адресу: Миллионная ул., д. Черткова, № 25–27, кв. 13. В конце

¹⁴ Лионское броше – пестрая шерстяная ткань, отличается более или менее гладким фоном с распределенными по нему фигурами.

марта 1881 г. Мария Федоровна оплатила ей счет на 200 руб.: «Г-жа Ольга. Платье, мантильи и придворные шлейфы: платье белое Фан с двумя лифами (атлас 50 руб.; канаус 28 руб.; аграмант 49 руб.; кружево 21 руб.; волан 7 руб.; приклад 10 руб.; фасон 35 руб.)»¹¹⁹.

Поскольку так называемое русское придворное платье предполагало золотое шитье, ширина которого зависела от положения дамы в придворной иерархии, то золотошвейные работы исполнялись для «г-жи Ольги» в мастерской И.А. Васильева, расположенной на Екатерининском канале. Золотое шитье на придворных платьях, предназначенных для царской семьи, исполнялось в московском Новодевичьем монастыре. В начале XX в. делами О.Н. Бульбенковой практически руководила ее племянница – Ариадна Константиновна Виллим (1890–1976).

Парадное платье Александры Федоровны. *Начало XX в.*

Следует отметить, что шитое золотом женское придворное платье как важный элемент дворцовой формы появляется при Николае I, в начале 1830-х гг. 27 ноября 1833 г. А.С. Пушкин отметил в дневнике: «...Осуждают очень дамские мундиры – бархатные, шитые золотом, – особенно в наше время, бедное и бедственное»¹²⁰. В 1834 г. женская «придворная форма» подробнейшим образом регламентировалась в Своде законов Российской империи: «Штатс-дамам и Камер-фрейлинам: верхнее платье бархатное зеленое, с золотым шитьем по хвосту и борту, одинаковым с шитьем парадных мундиров Придворных чинов. Юбка белая из материи, какой кто пожелает, с таким же золотым шитьем вокруг и на переди юбки. Наставницам Великих Княжон: верхнее платье бархатное синего цвета; юбка белая; шитье золотое того же узора. Фрейлинам Ее Величества: верхнее платье бархатное пунцового цвета; юбка белая; шитье тоже, как сказано выше. Фрейлинам Великой Княгини: платье и юбка, как у фрейлин Ее Величества, но с серебряным Придворным шитьем. Фрейлинам Великих Княжон: платье бархатное светло-синего цвета; юбка белая; шитье золотое, того же узора. Гофмейстринам при фрейлинах: верхнее платье бархатное малинового цвета; юбка

белая; шитье золотое. Приезжающим ко Двору Городским Дамам предоставляется иметь платья различных цветов; с различным шитьем, кроме, однако ж, узора шитья, назначенного для придворных дам. Что же касается до покроя платьев, то оный должны иметь все по одному образцу, как на рисунке показано.

Всем вообще Дамам, как Придворным, так и приезжающим ко Двору, иметь повойник или кокошник произвольного цвета, с белым вуалем, а Девицам повязку, равным образом произвольного цвета и также с вуалем»¹²¹.

Нишу, связанную с изготовлением шитых золотом придворных платьев, и занимала модельер Ольга Бульбенкова.

Наряду с Бризаками и Бульбенковой императрица Александра Федоровна доверяла вкусу модельера Надежды Ламановой. Именно в ее мастерской исполнялась большая часть костюмов по заказу российского Императорского двора и аристократии.

Надежда Петровна Ламанова (1861–1941) родилась 14 декабря 1861 г. в русской провинции, в деревне Шутилово Нижегородской губернии. Отец – Петр Михайлович Ламанов, потомственный дворянин из обедневшего рода. Семья была на грани разорения, когда двадцатилетняя Надя после окончания курса местной гимназии уехала из родительского дома в Москву, чтобы самостоятельно зарабатывать на жизнь. Проучившись два года в школе кройки О. Суворовой, Надя в 1879 г. переходит на самостоятельную работу – закройщицей в известную мастерскую Войткевичей.

В 1885 г. Н.П. Ламанова открывает в Москве свое дело, а уже через 2–3 года ее мастерская приобретает широкую известность в среде живописцев, актеров, режиссеров. После открытия собственной мастерской и первых признаний ее таланта Надежда Петровна продолжала учиться – теперь в Париже – у известных, знаменитых в Европе модельеров. Позже произошло знакомство с выдающимся французским модельером Полем Пуаре, перешедшее затем в длительную творческую дружбу.

В этот период Надежда Петровна создает серии блистательных придворных туалетов, подлинных шедевров искусства. Эти вещи красноречиво свидетельствуют о том, что их творец – художник высочайшего класса, обладающий при этом оригинальным русским почерком.

В 1901 г. К.С. Станиславский приглашает Ламанову в Московский художественный театр. Здесь она трудилась в костюмерной мастерской 40 лет – до последнего дня своей жизни. Под руководством Надежды Петровны «работались» костюмы для всех спектаклей театра. Круг друзей художницы к этому времени расширился. Среди близких ей людей были В.И. Мухина, М. Горький, М.Ф. Андреева, В.А. Серов. Кисти последнего принадлежит портрет Надежды Петровны, написанный в 1911 г.

Говоря об основных тенденциях моды конца XIX в., следует иметь в виду, что после Всемирной выставки в Париже на смену «историзму» пришел стиль модерн. Бальные платья начала XX в. являются одной из многочисленных граней этого изящного стиля. Силуэт их определял особой конструкции корсет, придававший фигуре S-образный изгиб, подчеркиваемый лифом с напуском и юбкой, плотно облегающей бедра и веером распускающейся к полу. В этом силуэте нашел выражение эстетический идеал стиля модерн с его тяготением к волнистым формам и текучим линиям. Шили эти платья из мягких, пластичных, струящихся тканей светлых пастельных тонов: дымчатого, серебристо-серого, палевого и т. д. Часто использовался принцип многослойности: шифон, газ и тюль, положенные на атлас или парчу, приглушали блеск этих тканей, заставляя мерцать их в зависимости от освещения, создавая особый декоративный эффект. Подлинным воплощением стиля является и декор костюмов. Он многообразен по решению: вышивка блестками, бисером и синелью с характерным для модерна использованием в орнаменте стилизованных растительных мотивов. Широко использовались кружева¹²².

В первое десятилетие XX в. в costume происходят дальнейшие трансформации, но при этом сохраняются стилевые доминанты модерна. Так, более стройным становится силуэт, исчезает корсет, сильно стягивавший фигуру. Одна из особенностей моды – соединение тяжелых тканей (бархата, парчи, атласа) с полупрозрачными воздушным газом, шифоном и тюлем. Своего апогея достигает декор нарядных туалетов. Часто платье из тонких, воздушных тканей украшала тяжелая вышивка стеклярусом, металлической нитью, мехом.

Дошедшие до нас платья императрицы Александры Федоровны дают возможность составить представление о вкусовых пристрастиях императрицы. Близкие к императрице мемуаристки подчеркивали, что «одевалась она очень хорошо, но не экстравагантно. Она подбирала наряды к своему типу внешности и ненавидела крайности моды»¹²³. Дома императрица любила носить блузки с юбкой. Этот «женский взгляд» на императрицу, вероятно, более точен, чем «мужской», утверждавший, что «женская суетность была ей абсолютно чужда; например, нарядами она вовсе не интересовалась»¹²⁴. Что касается отношения к экстравагантности в одежде, так известно, что императрица категорически не воспринимала «последний крик моды» – узкие юбки.

Любимыми цветами императрицы были голубой, лиловый, сиреневый, белый, серый и светло-розовый¹²⁵. Александра Федоровна предпочитала длинные, ниспадающие широкими складками платья, в которых выглядела очень привлекательно¹²⁶. Большая часть этих платьев шились в ателье Альбера Бризака, Ольги Бульбенковой и Надежды Ламановой.

У императрицы были предпочтения и в обуви. Она любила обувь с длинным заостренным носком. Александра Федоровна обычно носила замшевые золотистого или белого цвета туфельки. Атласные туфли никогда не надевала¹²⁷.

Что касается ювелирных украшений, то императрица их, как всякая женщина «с возможностями», весьма высоко ценила и прекрасно разбиралась в качестве ювелирных изделий. По свидетельству мемуаристки «перстни и браслеты она действительно любила и всегда носила перстень с крупной жемчужиной, а также крест, усыпанный драгоценными камнями»¹²⁸.

В соответствии с программой очередного дня Александра Федоровна сама составляла список вещей, которые она предполагала одеть на следующий день. Так называемые комнатные девушки Александры Федоровны тщательно готовили одежду, выкладывая ее в гардеробной.

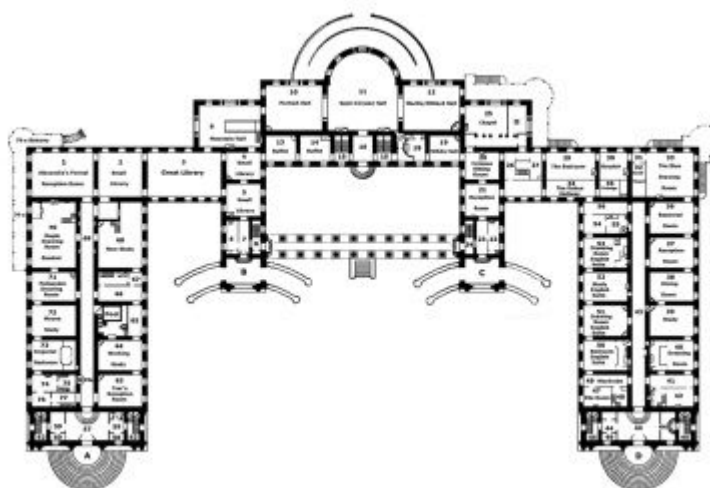
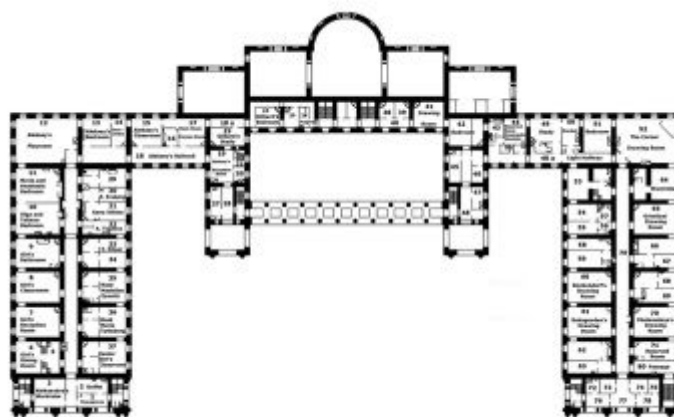
Платье визитное. Мастерская Н. Ламановой. Москва. Вторая половина 1890-х гг.

У прислуги в распоряжении были электроутюги и гладильные доски, а в списке поставщиков значились специалисты по чистке и покраске одежды. Кроме этого, вся одежда императорской семьи стиралась только в механической прачечной Аничкова дворца. Одевалась императрица сама, без посторонней помощи.

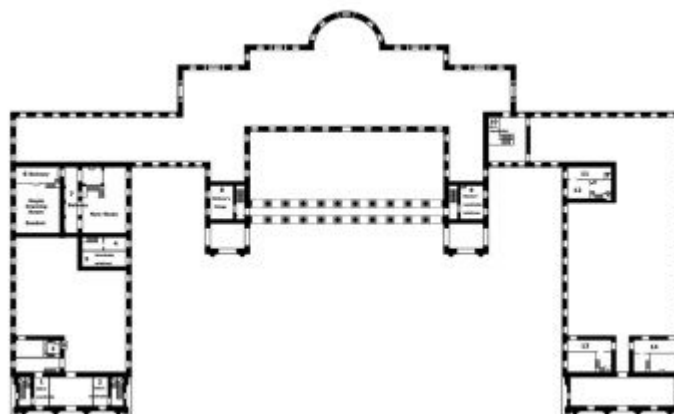
Хранению одежды и белья в Александровском дворце Царского Села, который с 1905 по 1917 г. являлся постоянной жилой резиденцией российского императора, уделялось самое пристальное внимание. На первом этаже дворца, на «царской половине», располагалась комната дежурного гардеробщика Александры Федоровны (комната № 60), неподалеку располагалась гардеробная Николая II (комната № 66). В этих помещениях в дубовых шкафах хранились повседневные вещи императорской четы.

На втором этаже, в коридоре, рядом с комнатами цесаревича Алексея, в ясеневых шкафах хранились военные мундиры и фуражки цесаревича. На этом же этаже, вдоль коридора великих княжон, в ясеневых шкафах хранились костюмы кормилиц детей Николая II (шкаф № 1); «русские»¹²⁹ платья княжон (№ 2); пальто и меха (№ 3); платья, головные уборы и перчатки княжон (№ 4); шляпы, шарфы, зонтики и трости (№ 5); подушки и прочие подно-

шения княжнам (№ 6); саше¹⁵, носовые платки, воротнички, полотенца, накидки, русские кустарные кружева (№ 7) и пр. Хранились даже ленты (!!! – *И. 3.*) от подносившихся букетов, они занимали целый шкаф (№ 8). В шкафу № 10 хранились японские костюмы, подаренные княжнам. В № 11 хранились одеяла и накидки княжон, детские костюмы, шапочки, трости, пояски и прочие вещи наследника Алексея. В этом же коридоре (у стены, справа) стояли сундуки для перевозки вещей княжон во время путешествий. Шкафы для хранения одежды располагались и в комнатах великих княжон. Например, в уборной великих княжон (комната № 9) в шкафах хранились «русские» маскарадные костюмы (боярышни и кучера), традиционные маскарадные костюмы (маркизы и пьеро) и «национальные» костюмы. В этом же шкафу находились костюмы сестер милосердия, их почти постоянно носили девочки с осени 1914 г. Там же хранилась и мемориальная вещь – военный сюртук времен Александра I¹³⁰.

¹⁵ Саше – Sachet – изящно отделанные ароматические подушечки, которые кладутся в белье и бумагу, чтобы их надуть. Для приготовления саше в мешочки накладывают смесь мелко измолотых душистых растений и смол. Свой аромат саше сохраняют очень долго, а потому представляют экономные духи.

Александровский дворец. Планы подвала, первого и антресольного этажей

В комнатах антресольного этажа, располагавшихся между первым и вторым этажами, находились основные «стратегические» запасы царской одежды. В гардеробной Александры Федоровны (комната № 1) в дубовых шкафах хранились платья, сшитые в мастерских А. Бризака и Н. Ламановой. В ясеневых шкафах на площадке деревянной лестницы – зонты, веера и шляпы Александры Федоровны, в том числе изготовленные в мастерской поставщика Высочайшего двора Бертрана. В гардеробной Николая II (комната № 2) кроме обычных дубовых шкафов для хранения одежды находились еще металлические чемоданы-корфы, использовавшиеся для хранения одежды царя во время зарубежных вояжей. В комнате № 3 антресолей находились меховые вещи Александры Федоровны. В этой же комнате присутствовала дежурная портниха на случай каких-либо срочных переделок.

Поскольку у Николая II имелось огромное количество мундиров различных полков русской и иностранных армий, то для их хранения выделялась еще одна комната (комната № 4), в ней жил камердинер царя. Там, перед комнатой, в ясеневых шкафах хранились костюмы, мундиры и белье императора. В комнате гардеробщика (№ 5) также были шкафы с военным обмундированием. В сундуках держали белье. Примечательно, что в комнате гардеробщика находился мужской манекен «с фигурой» царя, который, видимо, постоянно использовался портными, для того чтобы освободить царя от примерок. Можно добавить также, что после того как в начале 1920-х гг. в Александровском дворце развернули выставку, посвященную повседневной жизни царской семьи, то в 1922 г. из гардеробов Зимнего дворца в Царское Село отправили комплекты одежды дворцовой прислуги. На черно-белых фотографиях 1920-х гг. хорошо видны манекены арапов, лакеев и скороходов, одетых в роскошные мундиры.

К сожалению, о других портных-поставщиках известно значительно меньше. Из российских портных царствования

Николая II можно упомянуть Ивана Вагина (поставщик с 1895 г.), Евдокию Иванову (с 1898 г.), Александру Трофимову (с 1898 г.).

Среди персонала, обслуживавшего российских императоров, встречаются и весьма узкие специалисты. Так, двум российским императорам – Александру III и Николаю II – с 1881 г. стирала и «ремонтновала» рубашки некая Клара Г. Коиффевр. Она же вышивала монограммы на рубашках и стирала царские носки. При случае почтенная Клара занималась и ночными сорочками императрицы Александры Федоровны. Царская семья была действительно экономной, поскольку на рубашках «ремонтновались» не только воротнички, но и рукава.

Надо отметить, что расценки на эти работы держались весьма высокие. Так, только в мае 1903 г. прачка заработала «на носках» 104 руб. 40 коп.¹³¹ В июне все было скромнее: перешиты рукава 8 рубашек (8 руб.); заштопаны 4 рубашки (6 руб.); переделаны 8 пар рукавов рубашек (8 руб.); постираны 8 рубашек (2 руб. 80 коп.) и 4 пары черных подтяжек (7 руб.); перевозка рубашек в Петергоф (3 руб.).

У поставщиков Императорского двора приобретались также шляпы и перчатки. Для Николая II на протяжении 1903 г. несколько раз заказывались перчатки «у Моррисона» на общую сумму 222 руб. 30 коп. (53 руб. 35 коп.; 111 руб. 75 коп.; 107 руб. 20 коп.). Поставщик Императорского двора с 1872 г. Фабрицио Бруно (фирма «Братья Бруно») заработал в 1903 г. на царских заказах только 36 руб., продав шелковый цилиндр за 16 руб. и мягкую шляпу за 12 руб., взяв 8 руб. за доставку.

Мода в стиле милитари

«Бабий век» российской монархии породил специфическую женскую моду в стиле милитари. Этот стиль, как явление, сложился во второй половине XVIII в. при российском Императорском дворе и был связан с формированием традиции ношения так называемых мундирных платьев, поскольку русские монархи по традиции являлись шефами тех или иных воинских подразделений и с полным правом носили форму подшефных полков.

Предпосылки для этого сформировались еще в первой половине XVIII в. Например, несколько костюмов Петра I с полным правом можно назвать мундирными, поскольку в их отделке использовались те или иные детали военных мундиров.

При Елизавете Петровне в повседневный быт Императорского двора вошли маскарады, на которых императрица появлялась затянутая в офицерские лосины. Она любила носить офицерскую форму, существует несколько конных портретов, на них императрица Елизавета Петровна изображена верхом, в полковничьем мундире шефа лейб-гвардии Преображенского полка.

Однако для Елизаветы Петровны, «дщери Петровой», подобный образ – игра, продолжение маскарадных переодеваний, поскольку ее права на трон бесспорны, и она пользовалась устойчивым влиянием в гвардейской среде.

Другое дело Екатерина II. В ходе переворота 1762 г. императрица Екатерина Алексеевна впервые появилась перед войсками в офицерском мундире¹³², возглавила «поход» гвардии на Ораниенбаум, где находился Петр III. Именно этот сюжет и запечатлел художник Э. Вигилиус.

Императрица Елизавета Петровна с арапчонком. *Л.К. Пфанцельфельд. 1757 г.*

Однако то, что было допустимо в чрезвычайной ситуации дворцового переворота, выбивалось из норм повседневной жизни, согласно которым женщинам не полагалось (а скорее запрещалось) носить мужское платье. В результате появившиеся мундирные платья стали своеобразным компромиссом между общепринятыми моральными нормами того времени и стремлением продемонстрировать близость к гвардейским полкам, которые были в то время главной опорой трона. Екатерина II, ликвидировавшая руками Орловых законного внука Петра I, отчетливо понимала, что популярностью среди гвардейцев пренебрегать не стоит. Поэтому ее первое мундирное платье датируется 1763 г., и сшито оно по форме Преображенского полка. Потом появляются мундирные платья по форме Конного полка, Кавалергардского корпуса. Последнее мундирное платье Екатерины II шилось по форме Морского флота в 1796 г.

Мундирные платья Преображенского (1763 г.) и Конного (1773 г.) полков, принадлежащие Екатерине II

Таким образом, коллекция мундирных платьев Екатерины II охватывает весь период царствования и насчитывает шесть единиц¹³³. Первое мундирное платье сшито в 1763 г., последнее – в 1796 г.

При этом следует отметить, что в то время не существовало жестких канонов изготовления мундирных платьев. Это были скорее импровизации самой императрицы «по мотивам» офицерской формы. Об этом свидетельствует тот факт, что мундирные платья одного и того же полка существенно отличались по крою. Например, мундирные платья по форме лейб-гвардии Преображенского полка, изготовленные в 1763 г. и после 1785 г., схожи только «цветом полка».

На изображении видно, что в мундирном платье, изготовленном после 1785 г., отчетливо прослеживаются национальные мотивы, поскольку вместо лифа и юбки использован сарафан в русском стиле.

Императрица Екатерина II. Э. Вигилиус

Можно, конечно, утверждать, что появление элементов кроя древнерусского женского платья было связано с тем, что Екатерина II, немка на троне, даже в мелочах стремилась продемонстрировать свою «русскость», свою приверженность национальным традициям России. Но с не меньшей уверенностью можно предположить, что стареющая императрица просто стремилась скрыть свою полноту, которую лиф с юбкой только бы подчеркнули, а прямой сарафан скрывал.

Это предположение подтверждается и особенностями кроя мундирных платьев императрицы по форме Конного полка.

Епанча на платье 1766 г. выполнена в талию, с богатым шитьем большого воротника и позолоченными офицерскими пуговицами. На мундирном платье 1773 г. уже более свободный, «сарафанный» крой (Екатерине II тогда было 44 года) с отчетливыми национальными мотивами (откидные рукава с открытыми проймами, расположение декора). Но при всей «русскости» мундирных платьев в них присутствовали и элементы господствовавшей французской моды. Таким образом, мундирные платья Екатерининской эпохи состояли из лифа, юбки и верхнего распашного платья, украшенного форменным шитьем с медными золочеными пуговицами.

В монографиях, посвященных истории русского костюма, мундирное платье Екатерины II по форме Конного полка (1773 г.) описывается следующим образом: «На фижмах, верхнее платье из синего шелка, распашное, с отложным воротником и длинными откидными рукавами. Спинка приталенная, от талии заложена мягкими складками, со шлейфом. Нижнее платье из красного шелка, рукава из синего с красными обшлагами. Воротник, низ откидного рукава, обшлага, полочки распашного платья и перед нижнего выложены форменным золотым галуном с городками. Декор платья дополняют гладкие золоченые пуговицы»¹³⁴.

Таким образом, с легкой руки Екатерины II в императорской семье сложилась прочная традиция ношения мундирных платьев, которая просуществовала с 60-х гг. XVIII в. до 1917 г. Следует подчеркнуть, что традиция ношения мундирных платьев, как правило, не выходила за рамки собственно императорской семьи. В мундирных платьях императрицы и великие княжны появлялись на парадах, полковых праздниках, принимали во дворце военачальников. Цвет платья и его форменное шитье полностью соответствовали цветовому решению и декору формы того или иного полка, шефом которого являлись женщины императорской фамилии.

Следует уточнить, что были шефы из числа великих княгинь, например великая княгиня Александра Иосифовна – шеф Кирасирского полка. Но при этом мундирных платьев они, как правило, не носили¹³⁵. В целом мундирные платья были исторической прерогативой женской части семьи правящего императора. Но в любом правиле есть исключения. Так, 19 марта 1914 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна записала в дневнике: «В 10⁴/₄ отправилась в Царское¹³⁶ на манеж, где должен был состояться парад гвардейских драгунов, чьим шефом является теперь М. П.¹³⁷ На ней была военная униформа, и она прямо-таки сияла от удовольствия, что играет первую скрипку. Приветствовала она всех по-военному – взмахом руки, что было невероятно комично. Затем был большой обед с полком и полковыми дамами»¹³⁸.

В первой четверти XIX в., в эпоху наполеоновских войн, стиль милитари в женской одежде выходит за рамки императорской семьи. Это уже не были мундирные платья Екатерининской эпохи в полном смысле слова. Скорее всего, это вольные стилизации элементов женского туалета на военную тему. «Гроза двенадцатого года» прямо отразилась на женской моде того времени, сделав популярными различные военизированные вставки. Особой популярностью пользовались элементы яркой и красивой гусарской формы. Этой моде следовали и в императорской семье. Так, и у вдовствующей императрицы Марии Федоровны в 1815 г. появилось малиновое платье, расшитое шелковым шнуром, напоминающим по шитью и цвету форму лейб-гвардии Гусарского полка, которая включала в себя малиновый доломан со шнурами на груди. У этого платья есть своя история. Еще при Екатерине II наследник-цесаревич и великий князь Павел Петрович стал шефом Гусарского полка. Будучи императором, Павел I причисляет Гусарский полк к гвардии. В это время и вводится новая парадная форма, включавшая малиновый доломан со шнурами. В свою очередь жена Павла I императрица Мария Федоровна покровительствовала этому полку, поэтому и ее платье, сшитое в 1815 г., можно отнести к разряду мундирных платьев. В архивных документах это платье упоминается как «платье малиновое, в коем Ее Величество изволила присутствовать на смотре Польских войск в Варшаве в 1818 году. К оному перчатки и сапожки».

Возрождение традиции ношения «классических» мундирных платьев в императорской семье происходит в период тридцатилетнего правления Николая I. Он, офицер по призванию, высоко ценивший и умевший носить военную форму, одевает в мундир не только всю страну, но и свою жену с дочерьми. Порядку ношения любой формы в то время придавалось огромное значение. Так, были случаи, когда студентов исключали из университетов за рас-

стегнутый крючок на форменном мундире. Даже при Императорском дворе для статс-дам и фрейлин ввели форму придворного платья с жесткой регламентацией цвета, ширины золотого или серебряного шитья, в зависимости от придворного статуса.

Великая княжна Ольга Николаевна в форме 3-го гусарского Елисаветградского полка

Следует подчеркнуть, что в семье Николая I право носить мундирное платье ценилось весьма высоко. По крайней мере, дочери царя считали ношение мундирного платья большой честью. Правда, между отцом и дочерьми подчас происходили столкновения, поскольку в представлениях о красоте в стиле милитари и строгом порядке ношения военной формы у них имелись расхождения во взглядах.

1 января 1845 г. в качестве новогоднего подарка от отца великая княжна Ольга Николаевна получила приказ по Военному ведомству, из которого узнала, что она стала шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка. Радости ее не было предела. Однако между отцом и дочерью возник конфликт по поводу кроя формы. Дочь хотела, чтобы «было красиво», а отец, «чтобы было по форме». Спустя годы Ольга Николаевна вспоминала: «Папа непременно хотел нарядить меня так же, включая расшитые чачкиры генерала. Я же протестовала против брюк. Папа настаивал на этом. И впервые в жизни он рассердился на меня. Наконец был найден выход: вышивка должна была быть нашита на мою верховую юбку; со всем же остальным, включая саблю, я согласилась»¹³⁹.

Этот эпизод показывает, что к 40-м гг. XIX в. традиция ношения «классических» мундирных платьев утратилась. Но Ольга Николаевна на уровне женского инстинкта возвращает «женский крой» мундирных платьев.

Надевала военный мундир и жена Николая I – императрица Александра Федоровна. В 1835 г. во время встречи трех императоров в Калише на одном из парадов «Мама вела кавалергардов в таком блестящем порядке, что привела в восторг Дедушку. Она была в парадной форме и с белой фуражкой на голове»¹⁴⁰.

Своих кавалергардов Александра Федоровна увидела еще в 1817 г., когда впервые приехала в Россию: «Увидев кавалергардов, стоявших возле Адмиралтейства, я вскрикнула от радости, так они мне напомнили дорогих моих берлинских телохранителей. Я не думала тогда, что буду со временем шефом этого полка»¹⁴¹. Не случайно во время похорон императрицы Александры Федоровны в мае 1860 г. «за колесницей с гробом ехал государь верхом, в мундире лейб-кирасирского Ее Величества полка»¹⁴².

Кавалергардский полк сформирован при Павле I – 11 января 1800 г. Шефом полка с 1826 по 1860 г. состояла императрица

Александра Федоровна, с 1831 по 1860 г. полк именовался Кавалергардский Ее Величества императрицы Александры Федоровны. После смерти Александры Федоровны в 1860 г., спустя 20 лет, со 2 марта 1881 г., шефом Кавалергардского полка стала императрица Мария Федоровна, вплоть до 1917 г. полк снова назывался Кавалергардским Ее Величества¹⁴³.

К сожалению, мундирные платья эпохи правления Николая I не сохранились. Надо заметить, что императоры делали жен и дочерей шефами тех полков, которые имели яркую, красивую форму, поэтому предпочтение отдавалось гусарам, уланам и кавалергардам.

В период правления Александра II традиция ношения мундирных платьев вновь утрачена. Стиль милитари почти уходит из женской моды. Хрупкая и больная императрица Мария Александровна была далека от практики хождения в конном строю во главе подшефных полков. И тем не менее, когда Мария Александровна выразила «неодобрение» цвету солдатских пик «своего» Кирасирского полка, то командир полка Арапов незатейливо пошел к горничной императрицы и с ее помощью вырезал кусок любимого синего платья императрицы и по этому образцу выкрасил пики¹⁴⁴.

Тем не менее мундирное платье имелось и у Марии Александровны, в нем она периодически появлялась на публике. Так, военный министр Д.А. Милютин упоминает, как в апреле 1868 г. в день 50-летия Александра II императрица Мария Александровна появилась на балконе Зимнего дворца в белом гусарском ментике, опушенном бобром¹⁴⁵. Судя по описанию, это был мундир Гродненских гусар.

При Александре III, преклонявшемся перед своим дедом, Россия вновь одевается в форму. В истории России это является отчетливым признаком укрепления власти. Еще до воцарения Александра III, с 31 мая 1880 г., его жена стала шефом «синих» кирасир – лейб-гвардии Кирасирского Ея Императорского Высочества великой княгини Марии Федоровны полка. Императрице Марии Федоровне «синие» кирасиры, которые дислоцировались поблизости от Гатчинского дворца, жилой резиденции императорской семьи с марта 1881 г., были особенно близки. Впоследствии ее сын, младший брат Николай II, великий князь Михаил Александрович, стал командиром этого полка. Ежегодно на полковые праздники Мария Федоровна одевала свое мундирное платье по форме «синих кирасир» и принимала их очередной парад на плацу перед Гатчинским дворцом.

Кроме самых близких к императрице гатчинских «синих» кирасир Мария Федоровна стала шефом еще нескольких подразделений русской армии: Гвардейского экипажа (с 22 июля 1892 г.), 11-го уланского Чугуевского Ее Имени полка (с 20 мая 1868 г.), 2-го Лейб-Драгунского Псковского Ее Имени полка (с 31 мая 1880 г.), 15-го драгунского Переяславского Императора Александра III полка (с 1896 г.) и 11-го Восточно-Сибирского Стрелкового Ее Имени полка (с 22 июля 1907 г.)¹⁴⁶.

Хрупкая Мария Федоровна, имевшая прекрасную фигуру, возродила построй мундирных платьев «ранней» Екатерины II – приталенный лиф, юбка и епанча. Естественно, шитье на платье соответствовало шитью офицерских мундиров подшефных полков.

Следует также отметить, что шефство Марии Федоровны не ограничивалось представительскими функциями. Она имела голос при решении кадровых вопросов, имевших отношение к наиболее близким к ней полкам. Об этом свидетельствует письмо Николая II к матери от 3 ноября 1914 г.: «В Кавалергардском полку за время войны отношения между Долгоруковым и всеми офицерами сделались невозможными... Николаша... на его место предлагает князя Эристова... Реши, как знаешь, и, пожалуйста, телеграфируй мне...»¹⁴⁷

Сохранились два мундирных платья императрицы Марии Федоровны – по форме лейб-гвардии Кирасирского и лейб-гвардии Кавалергардского полков. Мундирное платье по форме «синих» кирасир состояло из колета¹⁶ и юбки. Подол белой юбки обшит форменным галуном¹⁷. Колет к юбке сшит из белого сукна, приталенный, с баской. Воротник-стойка и манжеты из синего сукна. Рукава длинные двухшовные, на спинке – шлица с синей выпушкой и четырьмя гербовыми пуговицами. Воротник, полочки и манжеты обшиты форменным галуном; на воротнике и манжетах – вышивка серебром. На манжетах нашиты по две гербовые пуговицы.

¹⁶ Колет – воинский мундир, застегивающийся на крючках и делавшийся обыкновенно из лосины. Колет входит в состав обмундирования кирасирских полков; делается из сукна белого цвета.

¹⁷ Форменный галун – узкая ткань из серебряных или позолоченных высокопробных (ок. 90 %) нитей, на желтой или белой шелковой основе, употребляемая для обшивки разных предметов обмундирования и снаряжения.

Мундирное платье «синих» кирасир

Кроме мундирных платьев в повседневном обиходе императорской семьи встречались вещи с символикой подшефных полков. Так, в Туалетной Марии Федоровны Гатчинского дворца хранился парфюмерный флакон в виде каски кавалергарда. В Павловском дворце хранится икона-диптих, принадлежавшая Марии Федоровне, выполненная в виде штандарта лейб-гвардии Кирасирского полка. У Марии «синих» кирасир Федоровны хранился веер с надписью на алом атласном экране «Карусель Кавалергардского Ея Величества полка 1886». На лицевой пластине был прикреплен эмалевый Мальтийский крест – полковой знак, серебряное кольцо сделано в виде шпоры, с офицерским темляком кавалерийского образца вместо кисти. Веер сделан в память о ежегодном полковом празднике, проходившем 5 сентября, и поднесен императрице, которая была шефом полка¹⁴⁸.

При Николае II, весьма почтительно относившемся ко всему, что касалось памяти его отца, традиция ношения мундирных платьев продолжилась в ее классическом варианте. Императрица Александра Федоровна стала шефом нескольких полков русской армии: лейб-гвардии Уланского Имени Ее Величества, 5-го гусарского Александрийского (с 30 июля 1904 г., в этот день в царской семье родился наследник-цесаревич Алексей Николаевич. В

свою очередь, 30 июля 1907 г. в три года он зачисляется в состав полка в чине корнета), 21-го Восточно-Сибирского стрелкового и Крымского конного, а из числа иностранных – Прусского 2-го гвардейского драгунского полка. Поэтому у нее имелись мундирные платья по форме каждого из подшефных полков. В основном это были полки русской армии, чьи исто-рии восходили к рубежу XVIII – начала XIX вв. Например, Уланский лейб-гвардии Е.И.В. Государыни императрицы Александры Федоровны полк сформирован в 1803 г. За проявлен-ный героизм в боях с наполеоновскими войсками в 1812 г. полк получил Георгиевский пол-ковой штандарт. За участие в Заграничных походах 1813–1814 гг. – 22 Георгиевские трубы. За участие в боевых действиях в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – знаки на шапки с надписью «За Телиш 16 окт. и Балканы 18 дек. 1877 г.». Традиционно уланские каски имели квадратный верх.

Однако ухудшающее здоровье императрицы, замкнутость на очень непростых семей-ных проблемах сделали ношение мундирного платья императрицей Александрой Федоров-ной крайне редкими эпизодами ее официальной жизни во главе российского Императорского двора. Но когда подрастали дочери, то они, включаясь в официальную жизнь Император-ского двора, становились шефами гвардейских и армейских полков.

Первыми шефами «своих» полков стали старшие дочери Николая II, великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны. Произошло это в 1909 г. В то время девочкам исполнилось 14 и 12 лет соответственно. Надо добавить, что в 1907 г. состоялась очередная реформа обмун-дирования в русской армии. В результате реформы отказались от упрощенных мундиров времен Александра III и вернулись к традиционно красивым, больше пригодным для пара-дов, чем для повседневной жизни, «историческим» мундирам. Именно в эти красивые мун-диры и одели царских дочерей. Великая княжна Ольга Николаевна стала шефом 3-го гусар-ского Елисаветградского полка, а ее младшая сестра, великая княжна Татьяна Николаевна, – шефом 8-го уланского Вознесенского полка. Но мундирные платья по форме «своих» полков они получили только летом 1913 г.¹⁴⁹, когда им было 18 и 16 лет.

31 июля 1913 г. в Красном Селе Николай II со старшими дочерьми принимал смотр Елисаветградского и Вознесенского полков, которые «представились отлично». Вечером этого же дня великие княжны приняли участие в торжественном обеде с офицерами «под-шефных» полков. 5 августа 1913 г. Николай II в дневнике назвал «памятным днем» для Ольги и Татьяны. В Петергофе, как вспоминал император, «Вознесенские уланы и Елисаветград-ские гусары представились щеголевато и прекрасно в зимней парадной форме. Оба шефа молодцами прошли во главе своих полков и отлично сделали заезд. Завтракали с офицерами и дамами во дворце и затем снимались группой. Около 4 час. оба полка вошли пешком в Александрию, привел их к нашему дому, где песенники пропели несколько песен при Алике, сидевшей в коляске. Провел их с дочерьми вдоль моря к воротам и простился с ними». Именно в этот день и были сделаны фотографии царских дочерей во главе подшефных пол-ков.

Стоит также отметить, что поскольку при российском Императорском дворе все строи-лось на основании принципа прецедента, то великая княжна Ольга Николаевна не случайно стала шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка, поскольку в 1845 г. ее полная тезка, дочь Николая I, великая княжна Ольга Николаевна была шефом именно этого полка.

Новоиспеченные «улан» и «гусар» были горды своей замечательно красивой формой, охотно позировали и начали принимать участие в полковых праздниках подшефных полков.

Последней великой княжной, ставшей шефом 9-го драгунского Казанского полка рус-ской армии, была великая княжна Мария Александровна. Стоит обратить внимание на то, что если императрицы, как правило, становились шефами старейших аристократических гвардейских полков, то великие княжны со времен Николая I – шефами рядовых армейских полков.

Стоит упомянуть и о том, что связь с подшефными полками сохранилась у императрицы Марии Федоровны и в эмиграции. В сентябре 1926 г. она направила телеграмму Собранию Кавалергардского полка в эмиграции: «Генералу князю Эристову. Сердечно благодарю Моих дорогих кавалергардов за поздравления и выраженные чувства. Мария». Поздравления кавалергардов были связаны с юбилеем – 60-летием приезда датской принцессы Дагмар в Россию в сентябре 1866 г.

Таким образом, можно констатировать, что сложившийся в 1760-х гг. феномен женского военного мундирного платья «прошел» через весь имперский период существования России.

Великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны в мундирных платьях Елисаветградского и Вознесенского полков

При этом на протяжении 150 лет сохранялась идеологическая основа этой традиции – демонстрация связи между представителями императорской фамилии и русской армией, а мундирные платья стали зримым символом этой связи.

Императоры верхом

Говоря о внешнем облике российских императоров, следует также упомянуть и о такой особенности, как умение держаться на лошади. В монументальной скульптуре Медный всадник, Этьен Фальконе запечатлел Петра I верхом. Это было данью европейской традиции. Конный памятник первого лица – неотъемлемый атрибут европейской художественной традиции. Вспомним памятник Николаю I на Исаакиевской площади Петербурга работы Э. Монферрана и барона Клодта. Николай I действительно был прекрасным наездником и великолепно управлялся с лошадьми.

Что касается Александра II, то современники весьма критично оценивали его навыки как наездника. При этом следует иметь в виду, что первые лошади-пони у царских детей появлялись в 3–4 года, а систематически учить верховой езде их начинали с 7 лет. Тем не менее мемуарист утверждает, что «Государь Александр II ездил неважно, постоянно шпоря лошадь, когда она стояла на месте, и не замечая того»¹⁵⁰. Возможно, скульпторы учитывали это, поскольку на конном памятнике Александру II, сооруженном в Софии, император спокойно сидит на спокойной лошади. В России также преобладали его «пешие» памятники.

Что касается Александра III, то он тоже был плохим кавалеристом. Это было во многом связано с весом императора, которому требовались лошади-тяжеловесы. Доброжелательно относящийся к Александру III граф С.Д. Шереметев писал о царе: «Ездок он был плохой и вообще не охотник до верховой езды. Кавалерийской жилки у него не было, и это ставилось ему многими в упрек»¹⁵¹. Тем не менее самым известным памятником царю остался конный памятник работы Паоло Трубецкого, стоящий сейчас перед Мраморным дворцом в Петербурге. В результате конкурса вариант Трубецкого отобрала сама вдовствующая императрица Мария Федоровна. Памятник этот воспринимался публикой очень по-разному. Либеральная интеллигенция считала его пародией на российское самодержавие. Монархисты видели в нем символ незыблемости российской монархии. Споры об этом памятнике не утихают по сей день.

Самой лихой кавалеристкой среди российских императриц считалась императрица Мария Федоровна, жена Александра III. Граф С.Д. Шереметев упоминал, что «цесаревна наслаждалась верхом, скакала через рвы и канавы, брала препятствия, с трудом за нею угонялись»¹⁵². Дочь императрицы упоминает, что «Мама... обожала лошадей, но Папа их терпеть не мог»¹⁵³.

На акварелях придворного художника М. Зичи запечатлено несколько сюжетов участия цесаревны Марии Федоровны в псовых охотах. При этом иконография остальных императриц XIX в. почти совершенно исключает сюжеты, изображающие их сидящими верхом. Есть единственная картина О. Берне, посвященная Царскосельской карусели 1842 г. На этой картине императрица Александра Федоровна изображена в средневековых одеждах, спокойно сидящая верхом в дамском седле.

Николай II был хорошим кавалеристом. Он уверенно держался в седле, но при этом верховой езды не любил¹⁵⁴. Поэтому, когда у царя появилась возможность, то он поменял лошадь на автомобиль. К концу своего правления Николай II, даже принимая парады, объезжал строй полков на автомобиле. Тем не менее во время особо торжественных случаев Николая II старались «усадить» на лошадь. Это делало императора более величественным, поскольку рост в 168 см не добавлял царю представительности. Кроме этого, у него была непропорциональная фигура – короткие ноги при длинном туловище. Лошадь и седло скрывали эти недостатки царя. Удивительно, но и вечно больная императрица Александра Федо-

ровна иногда садилась на лошадь. В мае 1906 г. Николай II записал в дневнике: «Алике ездила верхом».

Взаимоотношения в семье

Семья, жена и дети, традиционно занимает важное место в жизни любого мужчины. Так было и при российском Императорском дворе. Но при этом в обыденном сознании бытует представление, что «жениться по любви» на императорском уровне невозможно. Отчасти это действительно так, но, тем не менее, практически все¹⁵⁵ XIX столетие при российском Императорском дворе браки заключались именно «по любви».

К началу XIX в. для подбора невест молодым великим князьям сложилась определенная методика. Как правило, великих князей по завершении образования отправляли в европейское турне, одной из главных задач которого был выбор невесты среди многочисленных немецких принцесс. При этом конкретные кандидатуры цесаревичам не навязывались. Просто маршрут их путешествия по Европе планировался так, чтобы у них появилась возможность «отсмотреть» всех потенциальных невест. Опытные дипломаты тактично «подводили» невест, «согласованных на всех уровнях», к российским женихам.

Традицию женитьбы на иностранках заложил Петр I, который женил своего сына Алексея на немецкой принцессе и выдал своих сводных племянниц Анну и Екатерину за герцогов Курляндии и Мекленбурга. За весь XIX в. только одна российская императрица была датчанкой, все остальные были именно немками, как и подавляющее число жен великих князей. Немки отвечали многим практическим соображениям.

Во-первых, протестантки легко меняли вероисповедание, принимая накануне замужества православие. На рубеже XVIII XIX вв. сделана единственная попытка породниться с католическим домом Габсбургов благодаря одной из дочерей Павла I. Этот брак был во многом обусловлен популярными тогда идеями сближения католической и православной церквей, что отчасти проявилось и в том, что Павел I стал гроссмейстером католического Мальтийского ордена. После этого русских великих княжон за католиков не выдавали.

Императрица Елизавета Алексеевна на прогулке в Царском Селе. *Неизвестный художник, начало XIX в.*

Во-вторых, немки, воспитанные в бедных семьях, были домовитыми, рачительно вели «хозяйство» императорской или великокняжеской семьи.

В-третьих, приехав в Россию, немки не тащили за собой родню, но при этом вводили своих русских мужей в круг самой родовой европейской аристократии. Таким образом, в браках с немецкими невестами имелось больше плюсов, чем минусов.

Брак Александра I был далек от идеала, даже в то весьма свободное в отношении супружеской верности время. Екатерина II начала подыскивать невесту любимому внуку с 1790 г., когда ему исполнилось 13 лет. Выбор невесты сделала именно Екатерина II. Из множества кандидаток она выбрала дочь маркграфа Баденского Луизу-Марию-Августу. Окончательно вопрос решился, когда потенциальная невеста в октябре 1792 г. прибыла в Петербург. Великому князю Александру Павловичу, которому тогда было 15 лет, 13-летняя девочка-невеста понравилась. 9 мая 1793 г. состоялось миропомазание 14-летней принцессы Луизы, которая была наречена великой княжной Елизаветой Алексеевной. 10 мая последовало обручение с великим князем Александром Павловичем, а 28 сентября 1793 г. – бракосочетание.

Когда молодые повзрослели, они осознали, насколько далеки друг от друга. Все внешние формы брачных отношений соблюдались, но супружеских отношений фактически не было. Тем не менее у Елизаветы Алексеевны родились две дочери – Мария (1799–1800) и Елизавета (1806–1808). Можно с большой долей уверенности утверждать, что вторая дочь императрицы родилась от связи с конногвардейцем Охотниковым. У Елизаветы Алексеевны при родах второй дочери возникли осложнения, которые сделали ее бесплодной. Александр Павлович знал об этой связи, но закрывал на нее глаза, поскольку сам жил на две семьи.

М.А. Нарышкина

Мемуаристы упоминают о многочисленных любовных связях Александра I, некоторые из которых были мимолетными (актриса Фаллие, мадам Шевалье, девица Жорж, фрейлина В.И. Туркестанова), а другие продолжались годами. Его фактической женой стала одна из первых красавиц петербургского света М.А. Нарышкина (урожд. княгиня Четвертинская), она родила царю троих детей. Двое из них умерли в раннем детстве, а Софья в – 1824 г.¹⁵⁶ При этом прекрасная полька М.А. Нарышкина была женой обер-егермейстера Д.Л. Нарышкина. Один из современников писал об Александре I: «Государь любил общество женщин,

вообще он занимался ими и выражал им рыцарское почтение, исполненное изящества и милости»¹⁵⁷.

Великая княгиня Анна Федоровна и великий князь Константин Павлович

Не сложилась семейная жизнь и у второго сына Павла I – великого князя Константина Павловича. В феврале 1796 г. его женили на Саксен-Кобургской принцессе Юлиане-Генриетте-Ульрике, при миропомазании нареченной великой княгиней Анной Федоровной.

Этот брак оказался бездетен, что дало формальные основания для развода в марте 1820 г. Уже в мае 1820 г. 41-летний Константин Павлович сочетался вторым, морганатическим браком (браком, заключенный между членом императорской семьи и лицом неимператорского происхождения) с 25-летней полькой Иоанной Грудзинской, получившей после того титул светлейшей княгини Лович.

Старшие братья, испытывавшие все трудности непростых отношений с женами, искренне желали счастья младшему брату и поэтому на него не давили. Брак будущего Николая I, конечно, готовился заранее. Вопрос о браке с прусской принцессой Шарлоттой-Фредерикой-Луизой-Вильгельминой обсуждался в семье еще в конце 1808–1809 гг., когда Николай достиг возраста 13 лет. Окончательно вопрос был решен в 1813 г., когда Александр I увидел принцессу в Силезии. Однако последнее слово оставалось за женихом.

Княгиня Лович

С династической и дипломатической точки зрения брак был выгоден и Пруссии, и России. После разгрома Наполеона Россия, наряду с Англией, политически доминировала в Европе. Пруссия же, ослабленная наполеоновскими войнами, нуждалась в сильном союзнике. Поэтому прусский король Фридрих-Вильгельм одобрил возможность этого брака. Потенциальная невеста получила хорошее образование, поскольку с ней занимались профессора Берлинского университета.

Впервые Николай Павлович увиделся с принцессой Шарлоттой 21 февраля 1814 г., когда прибыл в Берлин. Российского великого князя приняли в прусской королевской семье. Между молодыми юношей и девушкой (18 и 16 лет) возникла взаимная симпатия. После

многочисленных согласований в октябре 1815 г. объявляется о помолвке, но брак отложили до совершеннолетия молодых. Видимо, к этому решению подтолкнул печальный опыт Александра I.

В сентябре 1816 г. в Берлине состоялось обручение по протестантскому обряду. В апреле 1817 г. Николай Павлович вернулся в Петербург. Вскоре принцесса Шарлотта с братом выехали в столицу Российской империи. Наконец, в июне 1817 г. состоялась церемония перехода невесты в православие, которую нарекли Александрой Федоровной. На момент заключения брака жениху шел 22-й, а невесте 20-й год. Церемония бракосочетания состоялась 1 июля 1817 г. в Большой церкви Зимнего дворца. В этот день будущей императрице исполнилось 20 лет.

Брак был «по любви», поскольку это личный выбор великого князя, хотя и тщательно подготовленный старшим братом. На протяжении всей жизни Николай Павлович с трогательной внимательностью относился к своей жене императрице Александре Федоровне. К супруге он проявлял предельное внимание, окружая ее роскошью. На половине императрицы в Зимнем дворце традиционно собиралась ее большая семья, центром которой была слабая и постоянно недомогавшая Александра Федоровна.

С начала XIX в. загар в аристократической среде считался дурным тоном. В эпоху романтизма бледные, анемичные девушки (по моде того времени) уже в 17 лет «разочаровывались» в жизни, прогуливаясь с томиком Байрона по аллеям пригородных резиденций. Поэтому, когда в 1817 г. в Россию приехала принцесса Шарлотта, дамы высшего света, внимательно рассмотрев девушку, вынесли свой вердикт: слишком загорелая, как простолюдинка. Воспитательница Николая Павловича графиня Ливен сочла возможным заявить Шарлотте: «Вы очень загорели, я пришлю вам огуречной воды умыться вечером»¹⁵⁸.

В 1818 г. великая княгиня родила первого ребенка – будущего императора Александра II. В 1820 г. родился мертвый ребенок. Всего она родила Николаю Павловичу семерых детей, не считая мертворожденного. Конечно, это не могло не сказаться на состоянии здоровья еще молодой женщины.

Частые роды стали одной из причин преждевременного старения и худобы Александры Федоровны. Она считалась крайне больной женщиной, испытывавшей периодические «припадки биения сердца». По этой причине императрица могла позволить себе принимать гостей полулежа. Врачи старались удалять императрицу из столицы на зиму, поэтому она регулярно выезжала на курорты за границу (в 1821, 1824, 1834, 1835, 1839, 1844–1845, 1852, 1856, 1859 гг.), где лечилась сывороткой и минеральными водами. Постоянными местами ее пребывания были модные климатические курорты в Спа, Эймсе, Крейте у подножия Альп. Зимы Александра Федоровна проводила в Неаполе, Палермо, Ницце, Шлангенбахе¹⁵⁹. Современники отмечали, что императрица после трагических событий декабря 1825 г. страдала конвульсивными подергиваниями головы.

Трогательное и внимательное отношение к жене не мешали бравому Николаю I заводить интрижки. Эти интрижки император называл «васильковыми дурачествами». Испытывал он и более сильные чувства. Так, одна из фрейлин его жены В.А. Нелидова, на протяжении многих лет была его негласной фавориткой.

Императрица Александра Федоровна. *К. Робертсон. 1840–1841 гг.*

Но следует подчеркнуть, что свои несемейные увлечения Николай I тщательно скрывал, и все выглядело весьма прилично.

Современников, особенно дам, крайне интересовали эти «васильковые дурачества». При этом они дружно отмечали, что «дурачества» занимали далеко не главное место в жизни императора, буквально заваленного многочисленными делами и скованного очень плотным рабочим графиком.

Так, даже весьма осведомленные дамы, с надежными «источниками информации» при Дворе, задавались вопросом: «Когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой? В 9-м часу после гулянья он пьет кофе, потом в 10-м сходит к императрице, там занимается, в час или 1 у2 опять навещает ее, всех детей, больших и малых, и гуляет. В 4 часа садиться кушать, в 6 гуляет, в 7 пьет чай со всей семьей, опять занимается, в десятого половина сходит в собрание, ужинает, гуляет в 11, около двенадцати ложится почивать. Почивает с императрицей в одной кровати»¹⁶⁰.

Судя по всему, Варвара Аркадьевна Нелидова являлась больше другом царя, чем фавориткой, поэтому отношения Николая I и Нелидовой были непонятны окружающим, кото-

рые пытались уловить хотя бы намеки на их «неформальные отношения». Бывшая фрейлина императрицы, «черноокая Россети», упоминает в воспоминаниях, что в марте 1845 г. «за ужином государь пожаловал за наш стол, между мной и Захаржевской; по ту сторону Захаржевской сидела Варинька Нелидова, которую государь всегда зовет Аркадьевна... она очень умно себя ведет и очень прилично. Особенного не было сказано»¹⁶¹.

Видимо, император Николай I считал придворный флирт неотъемлемой частью своей «работы». Конечно, его «маневры» весьма критично оценивались «обойденными» его вниманием современницами: «В Аничковом дворце танцевали всякую неделю в Белой гостиной: не приглашалось более ста персон. Государь занимался в особенности бар.[онессой] Крюднер, но кокетствовал, как молоденькая бабёнка, со всеми и радовался соперничеством Бутурлиной и Крюднер. Я была свободна как птица и смотрела на все эти проделки как на театральное представление, не подозревая, что тут развивалось драматическое чувство зависти, ненависти, неудовлетворенной страсти, которая не переступала границ единственно оттого, что было сознание неискренности государя. Он еще тогда так любил свою жену, что пересказывал ей все разговоры с дамами, которых обнадеживал и словами, и взглядами, не всегда прилично красноречивыми»¹⁶². Этот приватный бал («не приглашалось более ста персон») состоялся в марте 1845 г., когда семейный стаж императорской четы составил уже 28 лет, но при этом мемуаристка признает, что Николай I «любил свою жену». Об этом же свидетельствует и диалог между мемуаристкой и баронессой А.П. Крюднер, наблюдавшей, как царь беседует с одной из дам. «Вы ужинали, но последние почести сегодня для нее. – Это странный человек, – сказала она, – нужно, однако, чтобы у этого был какой-нибудь результат, с ним до конца никогда не бывает, у него на это нет мужества; он придает странное значение верности. Все эти маневры с ней ничего не доказывают»¹⁶³.

Современники подчеркивали, что по отношению к дамам Николай Павлович придерживался тона «утонченной вежливости», что совершенно не мешало императору требовать от своих подданных строгого соблюдения правил придворного этикета.

Наряду с аристократками у Николая Павловича были и лихие интрижки с простолюдинками, с которыми он мог познакомиться на улице или маскараде. С ними он был по-солдатски прост, скор и решителен. Видимо, следы этих интрижек отразились в его «Гардеробных суммах». Например, в 1853 г. он выплатил некой «жене коллежского регистратора Грибанова Ольге в пособие» дважды по 300 руб. В этом же году дочь коллежского секретаря Авдотья Юрьева также трижды получила 300 руб. «в пособие» и в «вспомоществование»¹⁶⁴. В списке секретных пенсий, выплачивавшихся из сумм Кабинета Е.И.В., с 1842 г. значилась некая дочь титулярного советника девица Герасимова, которой выплачивалась скромная пенсия в 38 руб. в год¹⁶⁵. То, что в списке вдовы чиновников, офицеров и пр. – это понятно, но «девица Герасимова» – загадка.

Семья Александра II

Цесаревич Александр Николаевич с молодых лет любил женщин. Всю жизнь. Еще до женитьбы он пережил несколько обычных юношеских романов, на которые родители смотрели сквозь пальцы, считая их естественной данью возрасту. Так, в 15 лет он флиртовал с фрейлиной матери Натальей Николаевной Бороздиной, которая была старше его на два года.

Самым серьезным «добрачным» увлечением будущего Александра II стала прекрасная полька, фрейлина его матери Ольга Калиновская. Роман начался в январе 1837 г. на так называемом китайском маскараде, на котором Калиновская изображала первую придворную даму. Цесаревичу тогда было 19 лет.

Отношения между молодыми людьми, конечно, находились под строгим «контролем» со стороны императрицы-матери Александры Федоровны и отца Николая Павловича. Естественно, эти отношения носили платонический характер, однако в их юном возрасте переживались весьма пылко.

После завершения образования в 1838 г. цесаревич отправился в Европу. К этому времени для него уже составили список потенциальных невест. По свидетельству младшей сестры цесаревича: «Саша уезжал с тяжелым сердцем. Он был влюблен в Ольгу Калиновскую и боялся, что во время его отсутствия ее выдадут замуж»¹⁶⁶.

Тем не менее чувство долга заставило цесаревича внимательно отнестись к подготовленному «списку», и произошло то, что должно было произойти: цесаревич Александр Николаевич обратил внимание на одну из немецких принцесс.

Во время большого ознакомительного тура по Европе в 1838–1839 гг. цесаревич Александр Николаевич остановился на одну ночь в Дармштадте. Эта случайная, незапланированная, мимолетная остановка в марте 1839 г. в конечном итоге и решила его судьбу. Именно там он впервые увидел 15-летнюю дочь Дармштадтского герцога Людвига II принцессу Максимилиану – Вильгельмину-Августу-Софию-Марию и заинтересовался ею. Между родителями молодой принцессы и российского цесаревича достигнута договоренность о будущей помолвке.

Однако не все оказалось просто, и в этом проявился непоследовательный и слабый характер цесаревича. Дело в том, что после возвращения из Германии в 1839 г. «его любовь к Ольге Калиновской снова разгорелась жарким пламенем. Несколько раз заявлял он о том, что из-за нее согласен отказаться от всего... Папа был очень недоволен слабостью Саши. Еще в марте он говорил о том, что согласен жениться на принцессе Дармштадтской, а теперь после четырех месяцев уже хотел порвать с нею. Это были тяжелые дни. Решили, что Ольга должна покинуть Двор»¹⁶⁷.

Николай I счел необходимым лично переговорить с фрейлиной, объяснив ей «в простых словах, что не только два сердца, но будущность целого государства поставлена на карту»¹⁶⁸. В результате Ольгу Калиновскую удалили от Императорского двора, и вскоре она вышла замуж за графа Огинского.

Родителей это увлечение старшего сына совсем не радовало, хотя они понимали, что для 20-летнего юноши подобные увлечения совершенно нормальны. О том, насколько родители опасались «варианта Калиновской», свидетельствует красноречивая реплика в письме Николая Павловича 1841 г.: «Его тоска по польке, чего оборони Боже!»¹⁶⁹ Но родители не оказывали прямого давления на сына. Хотя принято считать Николая I солдафоном, в отношениях к своим детям он вел себя бережно и тонко.

После удаления фрейлины и нескольких тяжелых разговоров с отцом цесаревич Александр Николаевич весной 1840 г. уехал в Германию, где 4 марта в Дармштадте объявили о

его помолвке. Летом цесаревич представил невесту родителям. 8 августа 1840 г. состоялся торжественный въезд Гессенской принцессы в Санкт-Петербург. 5 декабря 1840 г. она приняла в православии имя Марии Александровны, а на другой день – 6 декабря 1840 г., в день именин Николая I, – молодых обручили. Бракосочетание состоялось в апреле 1841 г.

Ровно через год после торжественного въезда Марии Александровны в Петербург Николай I вспомнил, сколько нервов ему стоило «дело Калиновской», поэтому в письме к генерал-адъютанту А.А. Кавелину, от 8 августа 1841 г., Николай Павлович писал: «Не могла уйти от моих глаз его склонность к Ольге Калиновской; не обратив на сие больше внимания, чем следовало, я объяснил, однако, сыну, что сколь ни естественно в его летах предпочитать одно лицо женского пола другому, не должно, однако, давать волю мечтам или склонности, когда они не приличны ни по званию, ни по положению лиц»¹⁷⁰.

Примечательно, что многодетный отец Николай I очень по-доброму относился ко всем женам своих сыновей. Но особенно по-доброму к старшей невестке – великой княгине Марии Александровне: «Папа с радостью следил за проявлением силы этого молодого характера и восхищался способностью Мари владеть собой. Это, по его мнению, уравнивало недостаток энергии в Саше, что его постоянно заботило»¹⁷¹.

Семья цесаревича быстро увеличивалась. С 1842 по 1860 г. Мария Александровна родила 8 детей – двух девочек и шестерых мальчиков¹⁷². Однако Александр II, «войдя в возраст», приобрел прочную репутацию «жизнелюба». Он всегда очень внимательно относился к женщинам, и в его жизни случалось множество мимолетных любовных приключений. По традиции на «забавы» монарха смотрели сквозь пальцы, поскольку это также одна из традиций Императорского двора. На быстроменяющиеся «забавы» мужа императрица Мария Александровна внешне старалась не реагировать.

На отношениях супружеской пары сказывались и объективные обстоятельства: императрица становилась все более нездоровой, худела. Однако ситуация коренным образом изменилась в 1860 г. после рождения последнего ребенка – Павла Александровича. Врачи заявили, что следующая беременность убьет императрицу, и супружеские отношения между Александром II и Марией Александровной полностью прекратились¹⁷³.

После этого рядом с Александром II немедленно появилась новая пассия. Ею стала фрейлина императрицы молоденькая княжна Екатерина Михайловна Долгорукова. То, что фрейлин использовали при Дворе для адюльтеров, было привычным. Во второй половине XIX в. их заменили балерины. На фрейлинах, как и на балеринах, не женились. Но фрейлина Е.М. Долгорукова стала единственной, закончившей свою историю законным браком с императором. Эта была последняя любовь стареющего императора к женщине, младше его на 29 лет. Их связь продолжалась 14 лет, и во второй семье императора Александра II родилось четверо детей.

Между тем Александр II и Мария Александровна очень скромно отметили в 1866 г. свою серебряную свадьбу. Скромно потому, что едва закончился годичный траур по умершему старшему сыну. Это трагическое событие, о котором упоминалось выше, буквально сломало императрицу. С этого времени она постоянно носила траур. Ей было не до традиционных семейных торжеств. Мемуарист упоминает, что серебряную свадьбу их величества «праздновали семейно, без всякого официального торжества. Только самые близкие люди собрались утром для принесения поздравления»¹⁷⁴.

Александр II и Е.М. Долгорукова с детьми

Александр II 16 апреля 1866 г. подарил жене «кольцо, подобное обручальному, с цифрой «XXV» из бриллиантов и золотое пасхальное яичко с двойным числом помолвки и ее 25-летней годовщины; то же число было изображено на браслете с крупной жемчужиной и на портрете Государя в полной парадной форме лейб-гвардии Преображенского полка (в этой форме он просил ее руки)». Были и другие подарки. Мария Александровна получила вазу из ляпис-глазури Петергофской гранильной фабрики, а каждому из детей досталось по пасхальному яйцу из твердого камня. Кроме этого младшие сыновья, Сергей и Павел, получили «корзины с живыми мопсами для пополнения их коллекции»¹⁷⁵.

Состоялись и неизбежные, но сведенные к минимуму торжественные публичные мероприятия. На семейное торжество прибыла сестра Александра II королева Вюртембергская Ольга Николаевна. Из посторонних лиц на торжестве присутствовал только князь А.И. Барятинский, приглашенный царем как его шафер на свадьбе в 1841 г. 16 апреля 1866 г. к 11 часам утра в Зимнем дворце собрались все члены Императорской фамилии, и великий князь Николай Николаевич (Старший) от имени всего царского дома поднес императорской чете икону трех святителей, которую Александр II сам отнес в Малую церковь Зимнего дворца

для постоянного размещения. Вслед за этим отслужили обедню с благодарственным молебном. В 2 часа дня вся Императорская фамилия поехала в Петропавловскую крепость, где состоялась панихида по цесаревичу Николаю Александровичу. На этом закончились семейные торжества. Через два дня, 18 апреля 1866 г., в Николаевском зале Зимнего дворца состоялся большой бал на 1000 человек, которым, собственно, и закончились публичные торжества в Петербурге¹⁷⁶.

К этому времени Александр II уже имел определенную репутацию среди прекрасной половины высшего света. Современники, обратившие внимание на мельчайшие нюансы в поведении императора (например, граф С.Д. Шереметев упоминает, что «всем было уже известно движение его руки, когда он вынимал носовой платок, и по этому движению судили о настроении его духа»¹⁷⁷), отмечали, что, «не поддаваясь влиянию мужчин, Александр II имел необыкновенную слабость к женщинам. Близкие ему люди, искренно его любившие, говорили, что в присутствии женщины он делается совершенно другим человеком»¹⁷⁸.

Несмотря на то что семья практически распалась, и наличие второй семьи у Александра II было секретом полишинеля (т. е. секретом, который всем известен), тем не менее на официальном уровне все выглядело очень пристойно. Семейные юбилеи регулярно отмечались. Так, 13 марта 1874 г. семейно праздновалось 35-летие первой встречи Александра II и Марии Александровны. На так называемом охотничьем ужине были розы и первая земляника¹⁷⁹. В 1876 г. прошел еще один семейный юбилей, связанный с 35-летием со дня свадьбы Александра II и Марии Александровны. 16 апреля Александр II подарил жене браслет с большим диамантом (алмазом), который можно было носить и как брошку. На браслете выгравированы памятные даты «1841–1876». Кроме этого, он перевел на счет жены «подарочные» 100 000 руб. В заключение состоялся большой семейный обед¹⁸⁰.

К этому времени маленькая Катенька Долгорукова давно и жестко держала гражданского мужа в своих руках. Александр II действительно любил свою «дусю», хотя уже хорошо знал все ее недостатки. В 1868 г. он писал¹⁸¹ своей Катеньке: «я знаю мою гадкую шалунью до самого донышка и люблю мою дусю до безумия со всеми ее недостатками, как Бог ее сотворил».

Они любили друг друга. Об этом свидетельствует вся их переписка. У них был свой «язык». На фотографиях, подаренных

Е. Долгоруковой, Александр II на французском языке писал: «Твой отвратительный Мунька, который тебя обожает» (1868 г.); «От твоего Муньки, который тебя любит больше, чем душу» (1878 г.). Сама Долгорукова была не менее откровенна: «Я люблю тебя со страстью, как безумная... очутиться в твоих объятиях и забыть весь мир» (1868 г.); «Итак, до сегодняшнего вечера, до $\frac{3}{4}$, и вопьемся как кошки. Это то, к чему у меня ужасная страсть. Целую тебя всего страстно» (1870 г.)¹⁸².

Однако он – император огромной страны, а она происходила из обедневшей княжеской семьи. Поэтому в любви Е. Долгоруковой присутствовал и откровенный практицизм. Вся обширная переписка Е. Долгоруковой и Александра II проникнута беспокойством княжны за свое положение, за будущее своих детей. Е. Долгорукова сделала так, что император в начале их связи поклялся перед иконой, что он женится на ней, когда станет свободен. Долгорукова писала в мемуарах: «Он поклялся мне перед образом, что предан мне навсегда и что единственная его мечта – жениться на мне, если когда-нибудь он будет свободен». Александр II, как мог, успокаивал «дусю» и в завещании, составленном 8/20 сентября 1876 г., обеспечил ее и будущее их детей материально. Это завещание он неоднократно дополнял. В конечном счете осенью 1880 г. на имя Е.М. Долгоруковой в Государственное казначейство был положен капитал, который к моменту смерти Александра II составил более 3 млн руб.

Александр II, не особенно скрываясь, жил на две семьи. Когда официальная царская семья переезжала в Царское Село, туда же переезжала и Е.М. Долгорукова с детьми. До 1877 г. она жила в доме Коменданта Императорской Главной квартиры А.М. Рылеева. Этот холостой и бездетный генерал занимался воспитанием детей Долгоруковой, а после смерти Александра II стал их опекуном. Со временем в Царском Селе и Петергофе для Е.М. Долгоруковой купили дачи.

В 1877 г. начались ремонтные работы в Zubовском флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе на «половине» Александра II. Несколько комнат, ранее используемые как служебные помещения (Рейнкнехтская и Штандартная), превратили в жилые покои. Вполне возможно, что в этих комнатах и поселилась Е. Долгорукова. Точно известно, что в 1877 г.

Е.М. Долгоруковой выделили комнаты рядом с апартаментами Александра II в Большом Царскосельском дворце.

Для взрослых детей Александра II факт наличия у отца второй семьи не являлся секретом. Однако все держали себя так, как будто никакой Катеньки в природе не существует, хотя Екатерина Долгорукова не упускала случая обозначить свое присутствие рядом с императором. В основном скандалами. Так, в августе 1877 г. она в анонимном письме к начальнику Царскосельского дворцового управления Ребиндеру потребовала «выслать в квартиру генерал-адъютанта Рылеева ту долю фруктов, которая назначается самому государю в его здесь пребывание». Ребиндер письмо проигнорировал и продолжал отсылать лучшие фрукты из Царскосельских оранжерей императрице Марии Александровне. Тогда Катенька написала жалобу Александру II, тот в это время находился в Дунайской армии, осаждавшей Плевну. В результате этой переписки с берегов Дуная Ребиндер получил телеграмму с высочайшим повелением послать Долгоруковой «фрукты, предназначенные для самого государя»¹⁸³.

В начале 1879 г., еще до серии покушений на Александра II, император переселяет свою вторую семью в Зимний дворец. Екатерину Долгорукову поместили на третьем этаже юго-западного ризалита императорской резиденции. По свидетельству мемуаристов, смех и крики маленьких детей были отчетливо слышны в гостиной Марии Александровны, которая находилась этажом ниже. Однако императрица ни словом, ни взглядом не упрекнула своего мужа.

С этого времени Екатерина Долгорукова начинает вмешиваться в государственные дела. Судя по мемуарам Е. Долгоруковой, ее влияние распространялось даже на охрану императора. Так, после апрельского покушения 1879 г. на Дворцовой площади Александр II, по просьбе Е. Долгоруковой, отказался от ежедневных утренних прогулок вокруг своей резиденции и вместо этого ежедневно совершал утреннюю прогулку по большим залам Зимнего дворца «в обществе своих троих детей, рожденных от его брака с княгиней Юрьевской»¹⁸⁴. Она постоянно консультировалась по вопросам охраны с графом Лорис-Меликовым и А. Рылевым, обсуждала эти вопросы и с Александром II. По ее словам, «за такими сведениями она обычно обращалась, руководимая заботами, вдохновляемыми ее искренней привязанностью»¹⁸⁵. Ее энергию можно понять: молодая, тридцатитрехлетняя женщина с тремя детьми (один ребенок умер) понимала, что все ее благополучие держится на жизни и здоровье Александра II, которому шел 63-й год и на которого непрерывно совершались покушения.

Некоторые из придворных немедленно «поменяли ориентацию», уделяя Е. Долгоруковой самое пристальное внимание. Начали крутиться вокруг Катеньки и разного рода дельцы, хорошо представлявшие степень ее влияния на стареющего Александра II. Так, С.Ю. Витте, видный политический деятель, упоминал, что Катенька не брезговала добычей в пользу этих дельцов «различных концессий и льгот»¹⁸⁶. И, конечно, не бескорыстно.

«Наконец», 20 мая 1880 г. императрица Мария Александровна, после длительной болезни, в одиночестве угасла в Зимнем дворце. Александр II в это время жил со своей «дусей» в Зубовском флигеле Большого Екатерининского дворца. С 20 мая для Катеньки Долгоруковой начались горячие дни, во время которых она проявила бешеную энергию и железную волю. Она буквально «ковала, пока горячо...».

О том, как развивались отношения Александра II с Екатериной Долгоруковой в мае-июне 1880 г., дает представление их переписка. В день смерти жены, 20 мая 1880 г., Александр II писал Долгоруковой: «Ты знаешь... что я исполню мой долг, лишь обстоятельства мне это позволят». На следующий день Александр II сообщил министру Императорского двора А.В. Адлербергу о своем желании вступить в законный брак с Екатериной Долгоруковой. Результаты этого разговора царь зафиксировал в дневнике 22 мая 1880 г.: «Адлерберг, представив множество возражений, не советует мне вступать в новый брак. Должен признать, что в некотором отношении он прав, но я не мог с ним говорить с полной откровенностью. Я дал слово чести и должен сдержать его, даже если Россия и История мне этого не простят»¹⁸⁷.

Только после смерти Александра II министр Императорского двора А. В. Адлерберг поделился с близкими людьми своими впечатлениями от этого разговора. Он подчеркивал, что «покойный государь был совершенно в руках княгини Юрьевской, которая довела бы государя до самых крайних безрассудств, до позора». По словам министра, он был «крайне возмущен» намерением царя жениться, когда тело его жены, матери его детей еще не предано земле. Адлерберг был категорически против этого брака, Александр II настаивал на своем желании: «Государь, со своей стороны, доказывал необходимость предположенного брака, считая себя обязанным к этому чувством чести, совести и религии. Он горячился, волновался, и горячий наш спор продолжался более часа»¹⁸⁸. Наконец, Адлербергу удалось убедить царя соблюсти минимальные приличия и отложить брак.

Для Катеньки отсрочка представилась катастрофой. Она стала жестко давить на Александра II, требуя немедленного выполнения обещания жениться. Царь не отказывался от своего обещания, но хотел соблюсти элементарные приличия, и настойчивость «дуси» стала вызывать у него раздражение. В письме к ней от 27 мая 1880 г. Александр II писал: «Но ты должна понимать, милая дуся, что мне неприятно касаться подобного предмета, когда тело усопшей еще не предано земле. Поэтому не будем говорить об этом, ибо ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы не сомневаться в моем слове»¹⁸⁹.

Александр II действительно сдержал свое слово. Когда миновал 40-й день после смерти императрицы Марии Александровны, он решительно объявил А.В. Адлербергу о своем желании жениться: «Государь при одном из моих докладов снова поразил меня, объявив свое решение не отлагать долее исполнение намерения и совершить обряд немедленно, секретным образом. Я снова пытался отклонить его, представив все неприличие такого поступка до истечения годовичного срока после кончины императрицы. Во все время, что я говорил, государь сидел молча, бледный, смущенный, руки дрожали, вдруг встает и, не сказав ни слова, выходит в другую комнату. Я в полном недоумении соображаю, что остается мне делать, и намеревался также уйти, как вдруг отворяется снова дверь, и входит женщина; за нею вижу фигуру государя, который, впустив княжну в кабинет, затворяет за нею дверь. Странное было мое положение – очутиться лицом к лицу с женщиной, с которой приходилось мне говорить в первый раз и которая напустилась на меня с резкими упреками за то, что я отговариваю государя от исполнения долга чести. Я вынужден был возражать ей, так что между нами произошла бурная сцена, продолжавшаяся довольно долго. Среди горячего нашего спора дверь в кабинет полураскрылась, и показалась голова государя, который кротко спросил, пора ли ему войти. На это княжна с горячностью ответила: «Нет, оставь нас

докончить разговор». Государь захлопнул снова дверь и только несколько времени спустя вошел в кабинет, когда сама княжна, излив всю злобу на меня, вышла из кабинета»¹⁹⁰.

Эта сцена поразила министра Императорского двора А.В. Адлерберга. Он первый раз видел и слышал, как выставляли из собственного кабинета самодержавного хозяина многомиллионной империи! В этот миг он, видимо, совершенно отчетливо понял, кто будет управлять этой империей.

Венчание Александра II и Екатерины Долгоруковой состоялось 6 июля 1880 г. в Екатерининском дворце Царского Села перед походным алтарем Александра I. Несмотря на секретность, факт венчания стал сразу широко известен. Императорскую фамилию и петербургский высший свет шокировал поступок Александра II. Осенью 1880 г. в крымской Ливадии молодую жену официально представили детям Александра II от первого брака.

Для молодых великих князей, младших сыновей Александра II, это стало настоящей трагедией. При этом о своем браке Александр II сообщил сыновьям через их воспитателя Арсентьева¹⁸, «для них это был страшный удар; они питали культ к памяти своей матери, так недавно скончавшейся. Сергей Александрович знал о связи своего отца, но он поставил себе задачей помешать тому, чтобы младший брат его, великий князь Павел, что-нибудь узнал об этом»¹⁹¹.

Вскоре после возвращения в Петербург из Ливадии Екатерина Долгорукова Высочайшим указом (от 5/17 декабря 1880 г.) превратилась в княгиню Юрьевскую. По слухам, циркулировавшим по петербургским гостиным, такая «фамилия» была связана с одним из семейных преданий Романовых. Якобы император Павел I «посмертным распоряжением назвал имевшую родиться побочную дочь Юрьевскою, что и подало покойному государю назвать своих побочных детей и их мать Юрьевскими»¹⁹².

Реакция детей была пассивно-демонстративной. Например, цесаревич Александр Александрович, который в 1870-х гг. охотно жил в Царском Селе, в Александровском дворце, со дня свадьбы Александра II с княгиней Юрьевской перестал посещать Александровский дворец¹⁹³.

В Петербурге события лета и осени 1880 г. стали главным предметом для разговоров. Почти все осуждали стареющего императора и сочувствовали его детям. А.Н. Бенуа тогда был ребенком, но и ему запомнилось единодушное осуждение скоропалительного брака Александра II. Много позже он вспоминал: «В это лето мы не переехали на дачу, и тетя Лиза не прерывала своих еженедельных посещений, оттого мне особенно и запомнился этот ее гнев, сопровождавшийся совершенно убежденными пророчествами: Бог-де непременно накажет его за такое попрание божеских и людских законов!»¹⁹⁴

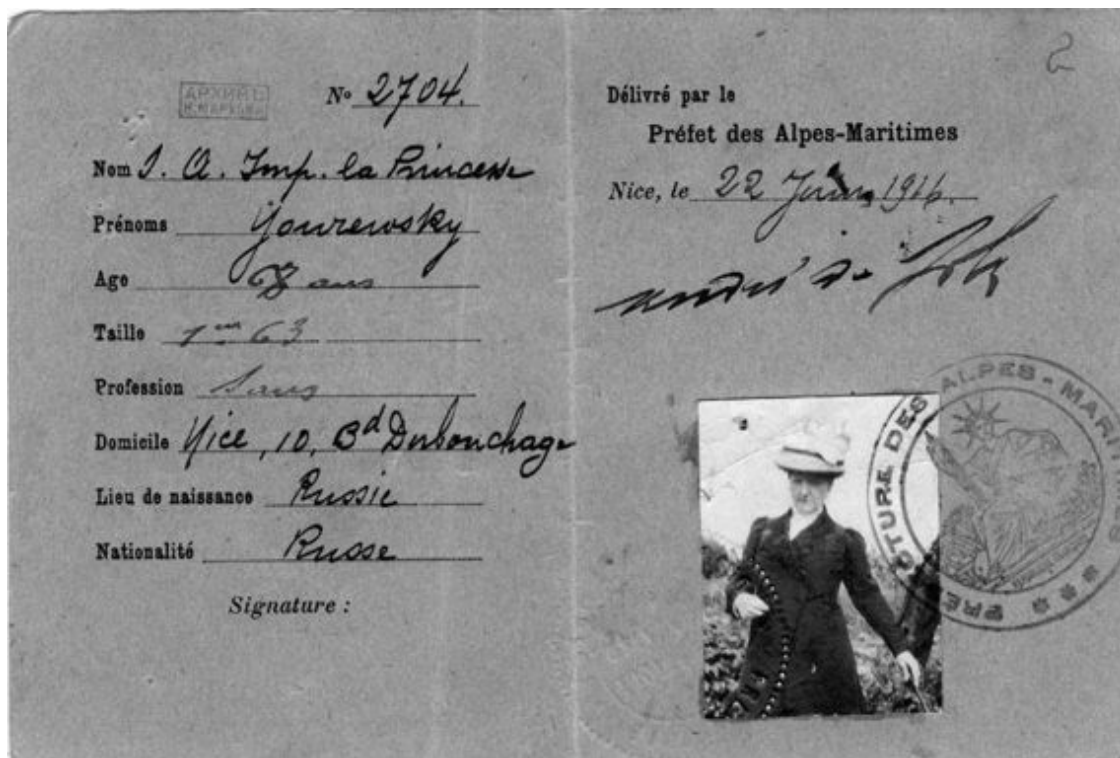
Темп развития событий второй половины 1880 г. не удовлетворил притязаний честолюбивой «дуси». В недрах Министерства Императорского двора началась неофициальная подготовка к ее коронации и превращению княгини Юрьевской в императрицу Екатерину III. Амбиции княгини Юрьевской всячески поддерживал всесильный тогда «диктатор», министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, который поддерживал с Юрьевской самые дружеские отношения.

Коронация планировалась на август 1881 г. К разработке проекта церемонии привлекли М.Т. Лорис-Меликова¹⁹⁵. По свидетельству близкого ко Двору профессора Б.Н. Чичерина, «Епитроп»¹⁹⁶ Иерусалимской церкви, ныне государственный контролер Третий Филиппов по этому случаю даже ездил в Москву, чтоб из архивов извлечь подробности о коронации

¹⁸ Арсентьев Дмитрий Сергеевич (1832–1915) – генерал-адъютант, адмирал, с 1864 по 1885 г. состоял сначала воспитателем, а затем попечителем их императорских высочеств великих князей Сергея и Павла Александровичей.

Екатерины I... Добыв в Москве архивные сведения для будущей коронации, он с торжеством возвращался в Петербург, как вдруг на полпути узнал о событии 1 марта»¹⁹⁷.

Отношения в семье обострились настолько, что Александр II периодически в минуту гнева прямо говорил своему старшему сыну, что он может лишиться своего статуса цесаревича. Отношения в большой в семье Александра II в начале 1881 г. сложились весьма непростые.

Французский паспорт княгини Юрьевской

Однако гибель императора Александра II от рук террористов 1 марта 1881 г. положила конец честолубивым притязаниям «дуси». Многие сановники, преданные соратники Александра II, в определенной степени с облегчением восприняли известие о мученической кончине царя, «списавшей» все его земные грехи. Министр Императорского двора А.В. Адлерберг конфиденциально высказал следующее мнение: «Трудно сказать, до чего могла бы довести государя эта женщина, нахальная и вместе с тем глупая и неразвитая! Вот почему я и сказал, что мученическая кончина государя, быть может, предотвратила новые безрассудные поступки и спасла блестящее царствование от бесславного и унижительного финала»¹⁹⁸.

При Александре III после ряда скандалов княгиня Юрьевская уехала из России во Францию. При Николае II она периодически приезжала в Россию. В этот период с Юрьевской подружилась великая княгиня Ольга Александровна, которая часто бывала в доме второй жены своего деда. Она вспоминала, что «всякий раз, как я приходила к ней, мне казалось, будто я открываю страницу истории. Жила она исключительно прошлым. Она только о нем и говорила». Более того, Юрьевская сохранила все мундиры Александра II, всю его одежду, даже домашний халат, и поместила их в стеклянную витрину в домашней часовне¹⁹⁹. Накануне Первой мировой войны Юрьевская продала всю недвижимость и уехала во Францию, где и скончалась в 1922 г.

Семья Александра III

Взаимоотношения в семье Александра III были на редкость гармоничны. Для императорской семьи. Несмотря на неизбежные сложности в начале супружеской жизни любой молодой четы и на взрывной характер Марии Федоровны, прозванной «Гневной», это была патриархальная семья в лучшем смысле слова.

Патриархальность проявлялась в самых разных вещах. Именно в семье Александра III сложилась традиция вечерних семейных чтений. По свидетельству современников, Александр III очень любил Гоголя, следил за современными писателями, читал Достоевского, Льва Толстого, Тургенева: «Он охотно читал вслух и чуть ли не каждый день императрице Марии Федоровне»²⁰⁰.

Одной из особенностей этой семьи было то, что ни у Александра III, ни у Марии Федоровны современники не отметили ни одного увлечения на стороне. Удивлялись потому, что царствование Александра II, особенности семейной жизни великих князей Константина и Николая Николаевичей (Старшего) давали светскому обществу Петербурга массу поводов для разговоров.

В семье рано сложились ровные отношения, со своими «сферами влияния». Александр III, еще будучи цесаревичем, не позволял Марии Федоровне вмешиваться в его «работу», хотя к ее мнению и прислушивался. Он моментально ставил жену на место, если она выходила за рамки традиционных взаимоотношений. В свою очередь у Марии Федоровны была масса дел. Она занималась домом и детьми. Это была полностью ее сфера влияния. Она унаследовала от императрицы Марии Александровны все дела, связанные с благотворительностью по линии Ведомства императрицы Марии Федоровны, и покровительствовала обществу Красного Креста. Кроме этого, у нее, как цесаревны, а затем императрицы, имелось множество представительских обязанностей.

Императрица Мария Федоровна. *И.Н. Крамской*

Проблемы в семье, конечно, возникали, но уровень этих проблем не шел ни в какое сравнение с семейными проблемами Александра II. Александр III с пониманием относился к маленьким дамским слабостям жены. И даже посмеивался над ними. Он терпел ее увлечение танцами и нарядами, иронизировал по поводу любви Марии Федоровны к прогулкам по Невскому проспекту. У Александра III даже появился «свой» глагол, обозначающий эти прогулки: «Madame vous allez хлыще». Это словечко он производил от слова «хлыщ» («хлыщить»), т. е. уподобляться катающимся хлыщам²⁰¹. Видимо, это слово прижилось в семье, поскольку Николай II в своих дневниках в молодые годы частенько его упоминал по отношению к себе.

Семья Николая II

Николай II, женившись в 26 лет на любимой женщине, пытался воспроизвести семейные порядки, к которым он привык с детства. Однако его женой стала женщина, очень далекая по складу характера от его матери.

На семейную жизнь последнего царя оказывало влияние множество факторов, но, пожалуй, одним из главных был фактор состояния здоровья императрицы Александры Федоровны и цесаревича Алексея.

Когда гессенская принцесса Алике стала невестой цесаревича Николая в апреле 1894 г.²⁰², то состояние ее здоровья стало одной из центральных тем в переписке между будущими супругами и королевой Викторией. При этом необходимо отметить, что неблагоприятное состояние здоровья принцессы Алисы не только не скрывалось ее родственниками, но, наоборот, подчеркивалось ими. Дело в том, что королева Виктория поначалу настроилась категорически против самой возможности этого брака. Еще в 1890 г. она писала старшей внучке, в замужестве принцессе Батенберг-Маунбэттен: «Сообщи Элле, что разрешения на замужество Алике в Россию не будет, и пора с этим кончать»²⁰³. И только угроза политической изоляции Англии заставила ее изменить отношение к этому браку. Но последующая откровенность королевы в сообщениях о состоянии здоровья своей внучки позволяет предположить, что она не оставляла мыслей расстроить этот брак.

Известно, что еще в восемнадцать лет молодая принцесса страдала от крестцово-поясничных болей, которые заставляли ее проводить длительное время в инвалидной коляске. Через много лет, в апреле 1909 г., старшая сестра императрицы Елизавета Федоровна упомянула в письме к царю о больных ногах как о семейном заболевании: «Ревматические боли или подагра, от которой страдали все в нашей семье»²⁰⁴.

В переписке будущих супругов тема здоровья невесты занимала значительное место. Никто не предполагал, что свадьба состоится так скоро. Из переписки следует, что на поправку здоровья невесты отводился как минимум год. Об этом пишет и она сама, и ее бабушка – королева Виктория. В апреле 1894 г. невеста писала будущему мужу из Виндзора: «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы к будущему году привести ноги в порядок, но это совсем не легко, а ты так любишь ходить пешком»²⁰⁵. Никто не предполагал тогда, весной 1894 г., что болезнь буквально за полгода поглотит последние силы императора Александра III, и что их свадьба состоится через несколько недель после смерти императора.

В мае 1894 г. для лечения больных ног невеста русского цесаревича уезжает на английский курорт Харрогит, откуда регулярно информирует своего жениха о своем здоровье. Она писала ему: «Сегодня утром я приняла свою первую серную ванну, запах довольно неприятный». Заболевание оказалось действительно серьезным, но молодая девушка не стеснялась упоминать об этом в письмах к жениху. В письме от 11 мая 1894 г. она вновь повторяет, что «у меня сегодня так болели ноги, и я приняла мою первую ванну». Все это время невеста наследника престола передвигалась в кресле-каталке, что, безусловно, сразу же начало вызывать нежелательные толки в среде русской аристократии. Естественно, это больно задевало Алису, и она признавалась жениху, что «если я не была бы в этом кресле-каталке, я бы и внимания не обращала»²⁰⁶ на пересуды скучающей публики.

Объективная информация медицинского характера о состоянии здоровья будущей русской императрицы поступала к наследнику и от королевы Виктории. В письме, написанном 25 мая 1894 г. в резиденции Балморал, она сообщала, что «результаты лечения дорогой Алики в целом удовлетворительны, но ей нужен исключительный покой и отдых. Посылаю тебе копию письма доктора из Харрогита, очень умного и хорошего человека. Она на диете

и соблюдает строгий режим. Ей приходится много лежать. Это надо было сделать давно, но врач, которому, к сожалению, очень доверяет, весьма глуп, и от него никакого проку, и он соглашается на все, о чем его просят. То, что она делает сейчас, надо было сделать прошлой осенью и зимой. Кончина ее дорогого отца, беспокойство за брата и споры о ее будущем очень сильно подорвали ее нервную систему. Надеюсь, ты это поймешь и не будешь спешить со свадьбой, ведь ради твоего и своего блага она сначала должна выздороветь и окрепнуть»²⁰⁷. В этом письме обращают на себя два момента. Во-первых, просьба королевы не спешить со свадьбой, во-вторых, ее упоминание о расшатанности нервной системы невесты. Надо заметить, что королева достаточно откровенна со своим родственником, так как особенности болезненной психики представителей Гессенского дома были широко известны среди владетельных дворов Европы.

В свою очередь внучка королевы Алиса Гессенская сообщала бабушке о ходе своего лечения. В письме от 28 мая 1894 г. она писала, что «ванны очень утомительны, и мне приходится много отдыхать. Хотя боли все еще не проходят, но я надеюсь, что со временем ванны помогут»²⁰⁸. На курорте Харрогит будущая русская императрица пробыла все лето 1894 г., и королева Виктория регулярно оповещала жениха о том, что «дорогая Аликси ведет себя благоразумно, не ездит верхом и не играет в лаун-теннис»²⁰⁹. Однако уровень медицины того времени не позволял добиться серьезных перемен к лучшему, и ноги невесты продолжали болеть. 13 августа 1894 г. Николай писал невесте: «Твои бедные ножки опять болят... – хотел бы я быть рядом с тобой, уж я бы их растер»²¹⁰.

К осени 1894 г. стало очевидно, что состояние императора Александра III безнадежно, и Алисе Гессенской становится ясно, что она выходит замуж уже не за наследника, а за императора огромной России. Алису срочно вызывали в Ливадию, прервав ее лечение раньше отведенного срока. Состояние ее здоровья не изменилось к лучшему, но для влюбленного наследника это не имело существенного значения. В его дневниковых записях, наряду с темой болезни и приближающейся кончины отца, значительное место занимают упоминания о состоянии ног «бедной Алике». 14 октября 1894 г. он записывает в дневнике: «Алике ехала в коляске, т. к. надо беречь ее ноги, чтобы боли не возобновились»²¹¹. 19 октября 1894 г., за день до смерти отца, он упоминает: «Побоялся за ее ноги, чтобы она не устала лезть наверх».

Николай и Александра Федоровна, ждущая ребенка. *Фото 1895 г.*

Позже английские родственники, хорошо зная о больных ногах императрицы Александры Федоровны, прислали ей «механический экипаж». Это был четырехместный электромобиль «Colombia», на котором она ездила по парку²¹². Но чаще для этих целей использовалась обычная инвалидная коляска.

20 октября 1894 г. умер император Александр III, и принцесса Алиса Гессенская стала невестой русского императора Николая II. Но, несмотря на весь груз забот, свалившийся на молодого монарха, тема здоровья жены продолжала оставаться одной из главных в его дневниковых записях. В день свадьбы, 14 ноября 1894 г., царь записал в дневнике: «Завалились спать рано, т. к. у нее сильно разболелась голова»²¹³. Характерно, что запись, сделанная в день свадьбы, добавляет еще одну медицинскую тему для дневников царя – это постоянные изнуряющие головные боли молодой императрицы. Поначалу в дневнике он фиксировал каждое ее недомогание. В записях за ноябрь и декабрь 1894 г. Николай без конца упоминал об этом: «За обедней бедной Алике сделалось дурно, и она вышла... У Алике разболелась голова»; «Алике легла раньше, т. к. все еще не чувствовала себя еще хорошо»; 29 января 1895 г.: «Дорогая Алике проснулась с головной болью, поэтому она осталась лежать в

постели до 2-х»; 3 марта 1895 г.: «Гулял один, т. к. Алике лежала в постели до 12 ч.»; 5 марта 1895 г.: «Алике осталась лежать и завтракала в постели... Алике легла пораньше»; 9 апреля 1895 г.: «К несчастью, у дорогой Алике продолжалась головная боль целый день» (с 8 апреля по 16 апреля) и «Только теперь, после целой недели, у нее прошли головные боли!»²¹⁴.

В результате больные ноги молодой императрицы, заставлявшие ее прибегать к инвалидной коляске, бесконечные головные боли, приводившие к тому, что она целыми днями оставалась в кровати, вызывали недовольство невесткой со стороны вдовствующей императрицы и досужие сплетни, которыми она будет окружена до конца своих дней. Начались разговоры о том, что молодая царица не в состоянии родить здорового наследника. Безусловно, эти факторы медицинского характера, из которых никто не делал поначалу секрета, учитывались в политических интригах конца XIX в.

Взаимоотношения с родственниками

Уже в первой четверти XIX в. семья Романовых благодаря многочисленным детям императора Павла I стремительно разрослась. Девочки, как правило, уезжали из России в Германию. В свою очередь, из Германии в Россию приезжали другие девочки, выросшие при карликовых дворах многочисленных германских герцогств, княжеств и королевств. Эта традиция сохранялась вплоть до начала XX в. В результате к концу XIX в. российский Императорский двор не только разросся сам по себе, но и оказался связанным тесными династическими узами со многими европейскими дворами.

Родни было много, как в России, так и за ее пределами. Как и у всех, у императорской семьи отношения с родней складывались по-разному. С одними – очень теплые и дружеские, с другими – холодные и официальные. Но, вне зависимости от личных симпатий и антипатий, на большие праздники, похороны и коронации все собирались вместе. Собравшись, обсуждали сложные межгосударственные проблемы, сплетничали и злословили, присматривали будущие партии для своих детей, интриговали, просили денег... Но при всей пестроте взаимоотношений личностные качества российских самодержцев, выстраиваемый ими «сценарий власти» определял некую стержневую линию во взаимоотношениях с ближней и дальней родней.

Великий князь Михаил Павлович.

И.Н. Крамской

При Николае I лично порядочный и твердый император установил такие правила взаимоотношений между родственниками, что никому не могло прийти в голову нарушить возрастную и династическую субординацию. Россия оставалась полуфеодальной империей, которая еще не была заражена ядом буржуазной демократии и революций. И, конечно, никто из великих князей, тогда еще немногочисленных, не мог и подумать о возможностиmorganaticкого брака. Хотя прецеденты имелись. Тем не менее «правила игры» во взаимоотношениях между родственниками, установленные Николаем Павловичем, жестко соблю-

дались вплоть до его смерти. Безусловно, симпатии и антипатии присутствовали, но это держалось глубоко под спудом, и длительное царствование не омрачилось ни разу серьезным династическим скандалом. Самый близкий родственник Николая I, его верный многолетний соратник – младший брат великий князь Михаил Павлович. Они вместе росли и были близки по своим взглядам на жизнь. Михаил Павлович отлично понимал свое место в семейной иерархии и вел себя безупречно в отношениях со старшим братом-императором. Тем не менее, при всей корректности отношений на людях, Николай и Михаил Павловичи периодически «искрились» наедине. Дочь Николая Павловича вспоминает, как они спорили, как Михаил Павлович впадал в ярость и «начинал кричать, Папа в свою очередь выходил из себя, после чего дядя предлагал уйти в отставку ...такие сцены обижали Папа, оттого что он любил своего брата и всегда оберегал его»²¹⁵.

Николай Павлович держал свою стремительно разраставшуюся родню и сановников, окружавших трон, «в кулаке», жестко пресекая малейшие вольности, которые, по его мнению, могли нанести урон чести императорской фамилии. К таким эпизодам можно отнести случаи «высочайшей контрабанды». Барон Корф описывает эпизод, когда старшая сестра царя великая княгиня Мария Павловна воспользовалась дипломатической почтой, отправив с фельдъегерем «контрабандную» посылку в адрес Канцелярии Министерства иностранных дел на имя министра графа К.В. Нессельроде. Следует еще раз подчеркнуть, что это была старшая сестра Николая I, ставшая в замужестве герцогиней Саксен-Веймарской. Ее герцогство – крохотное, и желание, по немецкой скарденности, «сэкономить на таможне» вполне понятно. Однако фельдъегерь прежде Петербурга заехал в Гатчину с пакетом к Николаю I. Тот поинтересовался, что он везет еще, и приказал принести все пять пакетов. Видимо, у осведомленного царя появилась информация о «дипломатическом» контрабандном канале. Поэтому Николай Павлович сам вскрыл объемистый пакет старшей сестры, обнаружив там фрак и брюки. Примечательно, что содержимое пакета адресовалось фрейлине Ю.Ф. Адлерберг, подруге детства Николая Павловича.

Николай Павлович немедленно вызвал в Гатчину начальника петербургской таможни Ильина с двумя досмотрщиками. Таможенники вскрыли все остальные пакеты. Согласно таможенных правил, всю «высочайшую контрабанду» конфисковали, наложив штраф на фрейлину в 630 руб. серебром. Кроме этого, наказали посла в Берлине, и император лично сделал выговор министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде²¹⁶.

Надо заметить, что столь жесткая реакция Николая I на «высочайшую контрабанду» не случайна. Тот же Корф описывает еще один подобный эпизод, произошедший несколько ранее. Статс-дама Елизавета Алексеевна Паскевич-Эриванская, супруга генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевич-Эриванского, которого Николай I глубоко уважал и называл в личных письмах «отцом-командиром», прислала в Петербург своим зятям разных гостинцев в запломбированных ящиках. Их должны были вскрыть в Петербурге. Зятья, получив посылки сами, без таможенных чиновников, сняли пломбы. Это стало известно, поскольку министр финансов считал необходимым доложить о нарушении закона. И, несмотря на все личные и давние отношения с семьей фельдмаршала, Николай I приказал взыскать колоссальный штраф в 17 000 руб. серебром, говоря, что чем выше звание, тем более должно подавать пример уважения к законам. Эти эпизоды, конечно, получили широкий резонанс, и «высочайшим контрабандистам» пришлось поумерить свои аппетиты.

Период правления Александра II дает больше информации для анализа родственных взаимоотношений как в самой императорской семье, так и в ее родственном окружении. Александр II продолжил практически все семейные традиции своего отца. На протяжении всего его царствования по воскресным дням проходили обязательные фамильные обеды в Зимнем дворце, «на которые приглашалась вся наличная Императорская фамилия»²¹⁷.

Великая княгиня Елена Павловна. *Ф.К.Винтерхальтер. 1862 г.*

Следует заметить, что традиция еженедельных собраний всей семьи на «фамильные обеды», видимо, сложилась в последней трети XVIII в. По крайней мере, точно известно, что при Александре I фамильные обеды проходили два раза в неделю. Один – на половине императора, другой – на половине вдовствующей императрицы Марии Федоровны. На фамильные обеды, кроме членов высочайшей семьи, приглашались литераторы, художники, музыканты, члены Императорской академии, военные²¹⁸.

Такую же роль при Николае I и Александре II играл салон великой княгини Елены Павловны. Эта, безусловно, умная женщина, собирая в своем салоне «творческую интеллигенцию», стала одним из негласных лидеров либерального лагеря накануне отмены крепостного права. Поскольку вопросы обсуждались принципиальные и очень болезненные, то это периодически выливалось и в личные выпады. Так, в 1860 г. великая княгиня Елена Павловна, разговаривая с графом Бобринским о перспективах и вариантах проектов отмены крепостного права, горячась, обмолвилась, что «Александр Николаевич – человек очень ограниченного ума. Бобринский тотчас встал, сказав, что не может слушать подобных речей, прямо побежал к государю и передал ему все слышанное»²¹⁹.

Великий князь Владимир Александрович с семьей. *Фото 1880-х гг.*

С большим сомнением воспринимала Елена Павловна и государственный потенциал будущего Александра III. Надо сказать, что она в том была не одинока. Так, в 1865 г., после смерти цесаревича Николая Александровича, она «громко говорила, что управление государством должно перейти к Владимиру Александровичу»²²⁰. Такие родственные «недоумения» – одна из неизбежных издержек «профессии» самодержца.

Многочисленные дети Александра II, подрастая, на подсознательном уровне впитывали иерархические принципы. Старший брат – не просто старший брат, а наследник и будущий император. Даже в своих играх они воспроизводили эту иерархию взаимоотношений.

Так, на императрицу Марию Александровну очень тяжелое впечатление произвел диалог ее сыновей, услышанный ею случайно. Дети играли, когда императрица услышала, как ее старший сын, великий князь Николай, сказал своему брату Владимиру: «Когда ты будешь императором...» Мать немедленно вмешалась и поправила: «Ты ведь хорошо знаешь, что Владимир никогда не будет императором». – «Нет! Будет, – отвечал ребенок, – его имя означает «владелец мира»». – «Но ты же знаешь, что не имя, а очередь рождения дает право на престол». – «Да, – сказал мальчик, – но дедушка был третьим сыном, а он царствовал. Я

умру – тогда царем будет Саша, но и Саша умрет, тогда им будет Владимир». Об этом эпизоде Мария Александровна рассказала фрейлине А.Ф. Тютчевой, признавшись, что слова пятилетнего ребенка поразили ее «прямо в сердце»²²¹.

Надо заметить, что подобным разговорам молва порой придавала характер пророчеств и передавала из поколения в поколение. Великий князь Владимир Александрович так и остался вечным «заместителем». Сам он к своему положению младшего брата царя относился совершенно спокойно, и у братьев сохранялись прекрасные отношения. Но его жена, великая княгиня Мария Павловна, или Михень, как ее звали близкие, мечтала об ином положении. После того как в октябре 1888 г. семья Александра III буквально чудом уцелела в железнодорожной катастрофе, Владимир и Мария Павловна, находившиеся за границей, ограничились сочувственной телеграммой и не вернулись в Россию. Императрицу Марию Федоровну это очень раздражило. Следует отметить, что до 1889 г., т. е. до полного совершеннолетия будущего Николая II, с 1881 по 1889 г. официальным наследником престола являлся великий князь Владимир Александрович²²².

При императоре Николае II надежды Михень на изменение своего положения вновь воскресли. Дело в том, что родившийся цесаревич Алексей был инвалидом, следующими по старшинству претендентами на престол по мужской линии становились сыновья Марии Павловны. Поэтому в 1908 г. Михень, как женщина весьма практичная, срочно приняла православие. При этом она вышла замуж за великого князя Владимира Александровича в 1874 г., оставаясь лютеранкой на протяжении 34 лет. Ее принятие православия в 1908 г. было истолковано именно как подготовка для принятия ее сыновьями императорской короны на случай смерти цесаревича Алексея с учетом того, что младший брат Николая II собирался заключить морганатический брак. Эти сложные ситуации не прибавляли теплоты в отношениях между родственниками.

Когда в апреле 1865 г. в Ницце умер цесаревич Николай Александрович (Никса), его младший брат Александр принял на себя обязанности цесаревича. Многие встретили это без особого восторга. Но, как правило, недовольство держали при себе. Только младший брат Александра II великий князь Константин Николаевич, который, по общему признанию, имел тяжелый характер, не считал нужным скрывать своего отношения к племяннику. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что «всех язвительнее и ожесточеннее был царский брат – Константин Николаевич. Он не щадил самолюбия, не стеснясь, отзывался презрительно о цесаревиче. Впрочем, он и ранее того, с детства его относился вообще к племянникам пренебрежительно»²²³.

Лит. Муз. ГИМ. Никитск. Улрн. (В. Копрадь)

Великий князь Константин Николаевич. *Фото 25 июня 1881 г.*

Недоброжелательность дяди к племяннику буквально прорвалась в трагический день 1 марта 1881 г., когда горе, казалось бы, объединило всю царскую семью. С.Д. Шереметев вспоминал: «Не забуду я, когда в Зимнем дворце в марте 1881 г., еще до похорон государя, Константин Николаевич заметил на погонах моих вензеля императора Александра III. Он стремительно подошел ко мне, посмотрел мне в упор, уставился злобным и ледяным взглядом и, указывая на вензеля мои, глухо произнес: «Надолго ли?» Конечно, адъютант нового императора при случае передал эту реплику Константина Николаевича Александру III: «Его оно не удивило, но не забыть мне этого злого, вызывающего взгляда; то было шипение змеи, чувствующей приближение своего конца»»²²⁴.

Великий князь Константин Николаевич с дочерью Анной от гражданского брака с А. В. Кузнецовой. *Фото копир 1870-х гг.*

Александр III отвечал дяде постоянной взаимной неприязнью. Видимо, еще до описанного выше эпизода в кабинете умирающего Александра II произошел неконтролируемый выплеск эмоций со стороны самого Александра III: «Говоря о смерти отца, великий князь Владимир рассказывает, что одним из первых явился к смертному одру и был здесь свидетелем жестокой сцены: стоявший на коленях Константин громко рыдал, а нынешний государь в припадке нервного раздражения кричал:

«Выгоните отсюда этого человека (указывая на Константина), он сделал несчастье моего отца, омрачил его царствование» и т. д. Владимир схватил за руки своего старшего брата и тщетно старался его успокоить». Конечно, такой эмоциональный всплеск вполне объясним трагической ситуацией и напряжением, подспудно копившимся в отношениях дяди и племянника, но следует отметить, что эта взаимная неприязнь обуславливалась не только межличностными отношениями, но и тем, что на склоне лет Константин Николаевич оставил семью, открыто зажив с балериной. Примерному семьянину Александру III претито это демонстративное поправление семейных уз нелюбимым дядей. Тем более что дядя и не думал хоть как-то скрывать свои «привязанности». Так, в свете много говорили о том, что Константин Николаевич, гуляя в Крыму и встречая знакомых, старался знакомить их со своей пассией, танцовщицей Кузнецовой, и при этом приговаривал: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь – собственная». Но самым главным, что разъединяло дядю и племянника, было то, что они по-разному смотрели и на будущее России²²⁵.

Царь по отношению к родственникам мог высказаться очень сильно. Граф С.Д. Шереметев писал: «Всего более не терпел великого князя Константина (Константина Николаевича. – И. З.). «Подлец!» – говорил он при мне....По всему чувствовалось, что он был не раз глубоко оскорблен выходками своего дяди: «Он с нами обращался, как со свиньями!» – сказал он при мне»²²⁶. И действительно, после 1881 г. великий князь

Константин Николаевич был отправлен в отставку и потерял все то влияние на государственные дела, которое он имел при Александре II.

Великий князь Николай Константинович (*Никола*)

Следует отметить, что настороженное отношение к Константиновичам у Александра III сохранялось на протяжении всей его жизни. Видимо, он исходил из русского «яблоко от яблони...». Так, он достаточно рано разошелся с другом своих детских игр – сыном Константина Николаевича – великим князем Николаем Константиновичем, или, как его звали в семье, *Николой*. Молодой человек в начале 1870-х гг. блестяще учился в Академии Генерального штаба, параллельно погружаясь в жизнь петербургского полусвета. В результате в 1874 г. заболел сифилисом и был вынужден уехать в Вену для лечения. Не был он чужд и гомосексуальных забав. Вероятно, слухи об этом доходили до цесаревича Александра Александровича. Граф С.Д. Шереметев очень сдержанно пишет об этом: «Из лагеря он (цесаревич Александр Александрович. – *И. 3.*) послал меня в Павловск посмотреть на увеселения великого князя Николая Константиновича, в то время собиравшего мальчиков для какой-то борьбы, разделенных на два враждебных отряда, они нападали на дворец и защищали его. Это было что-то не вполне нормальное. Я был свидетелем многих странностей и рассказал о них»²²⁷. В 1876 г. разразился скандал, связанный с кражей *Николой* бриллиантов из свадебной иконы матери. Великого князя сослали, и эта ссылка продолжалась при императорах Александре III и Николае II.

После того как осенью 1866 г. состоялся брак цесаревича Александра Александровича с датской принцессой Дагмар,

постепенно начали выстраиваться отношения «старого» и «молодого» Дворов. Следует подчеркнуть, что кандидатура Дагмар была выбором Александра II и, отчасти, императрицы Марии Александровны. Императрица Мария Александровна так и не смогла простить Дагмар «измены» ее старшему, умершему сыну. Поэтому к невестке ее отношение было безупречным с точки зрения «большого света», но по-человечески оно оставалось прохладным. С.Д. Шереметев, который это наблюдал, отмечал, что императрица Мария Александровна

относилась к ней «сдержанно, словно подчеркивая измену своему любимцу, она охлаждала первые ее любезности: «Не выходите из своей роли, Вы еще не императрица!». До меня доходили отзывы приближенных к императрице. А.Н. Мальцева¹⁹ не скрывала своих иронических замечаний»²²⁸.

У молодой семьи цесаревича сразу же установились очень теплые отношения с родными жены – датской королевской семьей. Достаточно часто семья наследника, а затем и императора Александра III посещала Данию.

Немыми свидетелями «датской» жизни остались два недорогих веера из гладких деревянных пластин, которые были в моде в 1860—1870-х гг. Первый веер сделан в форме раковины и украшен с одной стороны гирляндой розочек, оплетающих слово «Fredensborg» и дату «1870». На лицевой стороне второго веера нарисован букет шиповника, а обратная сторона заполнена многочисленными автографами, среди которых выделяется размещенная внизу надпись крупными буквами «1870. САША. Baby». Очевидно, эти надписи сделаны во Фреденсборге, резиденции Датского королевского дома, во время традиционного съезда родственников. Появление этой надписи связано с рождением 19 августа 1870 г. на острове Корфу у Георга I (родного брата Дагмар) и Ольги Константиновны (дочери великого князя Константина Николаевича) их третьего ребенка – дочери Александры. Веер использован в качестве своеобразного памятного альбома, на его пластинках гости оставили свои автографы, что было обычным явлением в 1870-1880-х гг.²²⁹

Став императором, буквально сразу же Александр III показал своей многочисленной российской родне, кто в доме хозяин. Так, он категорически исключил возможность прощения с Александром II своему двоюродному брату Николаю Константиновичу, сосланному за скандальное поведение еще погибшим царем. Он отправил в отставку не только министров отца, но и родного дядю Константина Николаевича.

Александр III, переехав в Гатчину, несколько дистанцировался от большой императорской семьи. Члены семьи, признавая харизму власти императора, его остерегались и недолюбливали: «Они боялись его (боязнь иногда входит в семейные традиции), но, за немногими исключениями, не чувствовалось с их стороны привязанности. Государь – исполнитель долга неудобен семье, не признающей ничего, кроме прав»²³⁰.

В результате Александр III позволил себе то, на что не решались его предшественники. В 1886 г. было высочайше подписано «Положение об Императорской фамилии», согласно которому титулование великого князя (или великой княгини) с соответствующим ему денежным вознаграждением по титулу «Императорское Высочество», принадлежащее ранее всем членам Императорской фамилии, отныне присваивалось только детям и внукам императора и их женам. Все остальные получали звания князей императорской крови и титул «Высочества», а также лишь единовременные субсидии. Конечно, это «Положение...» вызвало бурю негодования, но это негодование проявлялось родственниками только у себя дома. Бюджету Императорского двора это принесло существенное облегчение, поскольку расходы на содержание императорской семьи несколько сократились.

К своим многочисленным родственникам Александр III относился по-разному. Как и всякий человек. Однако при нем Романовы, несмотря на всю клановость и обилие разных «группировок», продолжали оставаться большой семьей. Александр III неукоснительно требовал, чтобы вся семья обязательно собиралась на крестины, свадьбы, похороны и другие важные события. Он считал своим долгом раз в неделю устраивать традиционный большой обед для всех своих родственников. Однако император внес новшества в давнюю традицию семейных обедов. В разговорах за обедом совершенно исключалось обсуждение каких-либо

¹⁹ Мальцева (Мальцева) Анастасия Николаевна (1820–1894) – камер-фрейлина императрицы Марии Александровны.

общеполитических вопросов²³¹. Этого правила придерживался и сын Александра III Николай II. Однако после 1904 г. традиция «больших» семейных обедов прервалась²³². Абсолютный запрет на «политические разговоры» сохранялся и для «малых» семейных застолий.

Став императором, Александр III отдалился от своих братьев. Те, в свою очередь, воспитанные в глубоком почитании самодержавного статуса, безоговорочно признавали старшинство своего брата и публично постоянно демонстрировали это. Вместе с тем «дома» они могли снизить уровень общения и перейти на «ты». Однако случалось, что и при публичном обсуждении острых вопросов, когда задевались чьи-то родственные интересы, братья могли «сбиться» в обращении к самодержцу, что немедленно подмечали окружающие их сановники. Например, во время работы комиссии, готовившей новый указ об Императорской фамилии (1885 г.), должный изменить статус многих из Романовых, великий князь Владимир Александрович «от времени до времени горячился и был весьма неровен в прении, то, обращаясь к государю, говорил: «Ваше Величество, Вы», то: «Саша, ты»»²³³.

С некоторыми из родственников император Александр III позволял себе пошутить. Иногда это были весьма сомнительные шутки с точки зрения хорошего тона. Один из мемуаристов упоминает о подобной «шутке» императора со своей троюродной сестрой принцессой Евгенией Максимилиановной Ольденбургской: «Принцесса почти всегда была одета в костюм-тайер, иногда синего, но чаще светло-серого или бежевого цвета. Этому полумужскому наряду полагалось иметь сзади раскрывающиеся фалды. И вот мы все были свидетелями того, как Александр III, самодержец всероссийский, осторожно подкравшись сзади к принцессе, ни с того ни с сего раскрыл эти фалды и даже, манерно схватив кончиками пальцев, подержал их несколько секунд в таком положении. Спору нет, шутка эта была несколько дурного тона и какая-то чисто мальчишеская; вероятно, то была своего рода реминисценция тех невинных шуток, которые те же персоны шутили между собой лет сорок тому назад, когда они были детьми»²³⁴. Принцессу, конечно, возмутило подобное мальчишество российского самодержца. Так иногда «семейно» шутили и другие родственники. Например, в 1890 г. 58-летний великий князь Михаил Николаевич мог позволить себе приподнять ногой кончик платья 26-летней красавицы великой княгини Елизаветы Федоровны, «чтобы видеть, какая у нее надета обувь». На этом великий князь не успокоился и, продолжая «резвиться», обратился к императрице Марии Федоровне, «развязав ленты, коими была привязана ее шляпа. Великий князь Николай Николаевич, увидев то и другое, серьезно стал выговаривать младшему брату неуместность подобных вольностей, угрожая, что подобное поведение рассердит государя»²³⁵.

Великая княгиня Ольга Александровна (младшая сестра Николая II) упоминает, что у нее была «своя» шутливая фраза в обращении с герцогом Йоркским, сопровождавшая их на протяжении всей жизни. Как-то в юные годы в Дании, где собиралась многочисленная европейская родня, кузен, шутя, предложил Ольге «пойти покувыркаться с ним на оттоманке». Шутка запомнилась. Став взрослым, встречаясь и вспоминая молодость, постаревший кузен, мог, как в былые дни, шепотом предложить Ольге Александровне «пойти покувыркаться с ним на оттоманке». Их обоих крайне забавляло, что это «непристойное предложение» могли услышать посторонние люди²³⁶.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.